

Гуманитарий

научный журнал

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Том
Vol. 25 № 2 / 2025

Russian Journal of the
HUMANITIES

Scholarly journal

Сквозной номер выпуска – 70

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68;

ООО «ИнСтИтут»
430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07/2010 от 19.07.2010 г.); в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68

Историко-социологический институт

Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 70

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ogarev Mordovia State University»
68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute»
19, Bakhtin St., 430905, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense contract № 143-07/2010 19.07.2010)
Ulrich's Periodical directory database
of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute

Telephone: +7 (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru
<http://jg.isi.mrsu.ru/>

*Журнал
«Гуманитарий: актуальные проблемы
гуманитарной науки и образования»
включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Обложка:
Дмитрий Сергеевич Рождественский

Компьютерная верстка
и художественное оформление *Г. Н. Давыдовой*
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 24.06.2025.
Дата выхода в свет 30.06.2025.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 9,1
Тираж 300 экз.
Заказ № 4485/1
Цена свободная

Адрес типографии:
Типография «Фабрика печати»
603057, г. Нижний Новгород,
ул. Шорина, 13/13 п1

*The journal
«Russian Journal of the Humanities»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (certificate of registration PI № FS77-48743 of February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «Russian Journal of the Humanities» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

The cover:
Dmitrij S. Rozhdestvensky

Desktop publishing
and graphic design by *G. N. Davydova*
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 24.06.2025.
Date of publishing 30.06.2025.
Sheet size 70 × 100 1/16
Conventional printed sheets 9,1
Number of copies 300
Order No 4485/1
Free price

Address of the Printing House:
Printing house «Printing Factory»
603057, Nizhny Novgorod,
Shorina str., 13/13 p1, Russia

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Наумкин Виталий Вячеславович – *главный редактор*, академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Москва, Россия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Саранск, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, shaira60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель, Центр иранистики и персидского языка, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Екатеринбург, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – доктор исторических наук, профессор, Цзилиньский университет, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fhn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, adiconilau@mail.ru (Алматы, Казахстан)

Зеленски Анжела Васильевна – доктор философии, конференциар-университар, Академия публичного управления, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Кишинев, Молдова)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Курмангалиева Галия Курмангалиевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Центра исследований России при Хэйлунцзянском университете, weiyunma@163.com (Харбин, Китайская Народная Республика)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – академик РАН, президент, Российский государственный гуманитарный университет, rgggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famulypost@mail.ru (Саранск, Россия)

Поруби Рой – доктор филологии, профессор, член Индийского совета по историческим исследованиям (the Indian Council of Historical Research, сокращ. – ICHR), nbmcts.roy@gmail.com (Нью-Дели, Индия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Чулуун Сампилдондов – доктор исторических наук, профессор, директор, Институт истории и археологии АН Монголии, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, Samchuluun@gmail.com (Улан-Батор, Монголия)

Ушаков Дмитрий Викторович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, dv.usakov@gmail.com (Москва, Россия)

Хьерппе Риитта – доктор социальных наук, профессор, Почетный Президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru (Саратов, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент, Нижегородский государственный педагогический университет, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Vitaly V. Naumkin – Academician, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Research Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Moscow, Russia)

Aleksandr A. Somkin – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Vladimir P. Andronov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Victor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominique Barjot – Professor, University of Paris IV (Paris, France)

Shaiyrkul D. Batyrbaeva – Doctor of History, Professor, Balasagyn Kyrgyzstan National University, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Eugenie P. Belozertsev – Doctor of Pedagogics, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Honored Scientist of the Russian Federation, belozercev_e@mail.ru (Voronezh, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Gulnara N. Valiakhmetova – Doctor of History, Professor, Head of Center for Iranian and Persian language, Ural Humanitarian Institute of Ural Federal University named after the First President of Russia Boris N. Yeltsin, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Zhang Guansyan – Doctor of History, Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, People's Republic of China)

Aleksandr M. Dorozhkin – Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fns.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Saule A. Jakisheva – Doctor of History, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, adiconilau@mail.ru (Almaty, Kazakhstan)

Angela V. Zeleinschi – Doctor of Philosophy, University Lecturer, Public Administration Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Kishinev, Moldova)

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornishina@mail.ru (Saransk, Russia)

Galia K. Kurmangaliyeva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Ma Weiyun – Doctor of History, Professor, Deputy Chairman, Academic Council of the Center for Russian Studies at Heilunzyang University, weiyunma@163.com (Harbin, People's Republic of China)

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychology, Professor, Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Eugenie V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Anatoliy V. Mudrik – Correspondent Member, Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Ephim I. Pivovarov – Academician, Russian Academy of Sciences, President, Russian State Humanitarian University, rggg@rggu.ru (Moscow, Russia)

Konstantin M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famlypost@mail.ru (Saransk, Russia)

Porubi Roy – Doctor of Philology, Professor, Member of the Indian Council for Historical Research, nbmcts.roy@gmail.com (New Delhi, India)

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Chuluun Sampildondov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Mongolia, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Samchuluun@gmail.com (Ulan-Bator, Mongolia)

Dmitriy V. Ushakov – Academician, Russian Academy of Sciences, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, dv.usakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Riitta Hjerppe – Doctor of Social Sciences, Professor, Honoured President of the International Association on Economical History, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

Rail' M. Shamionov – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Dean of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov State University, shamionov@mail.ru (Saratov, Russia)

Lev E. Shaposhnikov – Doctor of Philosophy, Professor, President, Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Н. М. Арсентьев, А. В. Слудных*
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОПТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: О НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА РАН Д. С. РОЖДЕСТВЕНСКОГО** 97
- Р. Ш. Мамедов, Д. Р. Закиев*
**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРМИИ ИРАКА
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 2003–2017 гг.** 110
- А. В. Никитина*
**МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ В 1990–2020-е гг.:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ** 128

ФИЛОСОФИЯ

- Д. К. Стожко, К. П. Стожко, И. А. Стихина*
**ФЕНОМЕН ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ** 139
- С. А. Мальченков, В. Г. Федоров*
**КОНЦЕПТ «ПАТЕРНАЛИЗМ»
В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ** 151
- Ли Сяочжоу, А. Н. Сомкина*
**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ** 165

ПСИХОЛОГИЯ

- Н. Н. Морозова, Н. А. Веряскина*
**ВЗАИМОСВЯЗЬ СИНДРОМА ОТЛОЖЕННОЙ ЖИЗНИ
И ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У СТУДЕНТОВ ВУЗА** 177
- Н. Е. Кулешова, Л. И. Лашмайкина, А. С. Москвина*
**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И АГРЕССИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ** 189
- УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ** 199

CONTENT

HISTORY

Nikolay M. Arsentyev, Anatoly V. Sludnyh

THE STATE OPTICAL INSTITUTE DURING THE YEARS OF SOVIET INDUSTRIALIZATION: ON THE SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITIES OF ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES D. S. ROZHDESTVENSKY..... 97

Ruslan Sh. Mamedov, Danil R. Zakiev

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE IRAQI ARMY IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF 2003–2017 110

Alena V. Nikitina

YOUTH POLICY IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE 1990–2020s: MAIN TRENDS 128

PHILOSOPHY

Dmitrii K. Stozhko, Konstantin P. Stozhko, Irina A. Stihina

THE PHENOMENON OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE SPACE OF SOCIAL ONTOLOGY 139

Stanislav A. Malchenkov, Vladislav G. Fedorov

THE CONCEPT OF “PATERNALISM” IN FOREIGN SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY 151

Li Xiaozhou, Alla N. Somkina

THE MAIN PROBLEMS OF PRACTICAL MANAGEMENT SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CHINESE – INNOVATIONS AND TRADITIONS 165

PSYCHOLOGY

Nadezhda N. Morozova, Nadezhda A. Veryaskina

CORRELATION OF THE DELAYED LIFE SYNDROME AND PERFECTIONISM IN UNIVERSITY STUDENTS 177

Natalia E. Kuleshova, Liudmila I. Lashmaikina, Anna M. Moskvina

VALUE ORIENTATIONS AND AGGRESSIVENESS OF ADOLESCENTS: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT 189

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 200

Государственный оптический институт в годы советской индустриализации: о научно-организационной деятельности академика РАН Д. С. Рождественского

Аннотация

Введение. В статье рассматривается роль Д. С. Рождественского в организации отечественной оптической науки и оптического приборостроения, а также в становлении и развитии Государственного оптического института (ГОИ) в разрезе экономической модернизации России конца XIX – середины XX в. В основу исследования положены воспоминания и мемуары коллег и историографические обзоры последователей.

Результаты и обсуждение. В исследовании проанализированы судьбоносные события жизни Д. С. Рождественского и охарактеризованы основные этапы его научной и организационной деятельности, направленной на решение фундаментальных и прикладных проблем в области оптики и ГОИ.

Заключение. Личная инициатива Д. С. Рождественского легла в основу создания в 1918 г. Государственного оптического института. В канун предстоящего 110-летия ГОИ и 150-летия со дня рождения Д. С. Рождественского важно актуализировать знаковые страницы их легендарной истории.

Ключевые слова: Государственный оптический институт, оптическая наука, оптотехника, оптическое стекло, советские оптики, академик Д. С. Рождественский, Ленинград.

Для цитирования: *Арсентьев Н. М., Слудных А. В.* Государственный оптический институт в годы советской индустриализации: о научно-организационной деятельности академика РАН Д. С. Рождественского // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 97–109. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.097-109.

Nikolay M. Arsenyev¹, Anatoly V. Sludnyh²

^{1,2} *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),*

e-mail: direktor_isi@bk.ru

² *Ural Optical and Mechanical Plant named after E. S. Yalamov (Ekaterinburg, Russia)*

e-mail: sludnichav1982@inbox.ru

The State Optical Institute during the years of Soviet Industrialization: on the scientific and organizational activities of Academician of the Russian Academy of Sciences D. S. Rozhdestvensky

Abstract

Introduction. The article examines the role of D. S. Rozhdestvensky in the organization of Russian optical science and optical instrumentation, as well as in the formation and development of the State Optical Institute (SOI) in the context of the economic modernization of Russia in the late 19th and mid-20th centuries. The research is based on the memoirs of colleagues and historiographical reviews of followers.

Results and discussion. The study analyzes the life-changing events of D. S. Rozhdestvensky and describes the main stages of his scientific and organizational activities aimed at solving fundamental and applied problems in the field of optics and SOI.

Conclusion. The personal initiative of D. S. Rozhdestvensky formed the basis for the creation of the State Optical Institute in 1918. On the eve of the upcoming 110th anniversary of the Goyim and the 150th anniversary of the birth of D. S. Rozhdestvensky, it is important to update the iconic pages of their legendary history.

Keywords: State Optical Institute, optical Science, optical engineering, optical glass, Soviet optics, academician D. S. Rozhdestvensky, Leningrad.

For citation: *Arsenyev N. M., Sludnyh A. V.* The State Optical Institute during the years of Soviet Industrialization: on the scientific and organizational activities of Academician of the Russian Academy of Sciences D. S. Rozhdestvensky. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 097–109. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.097-109.

Введение

В настоящее время научно-технический прогресс во всем мире характеризуется постоянно ускоряющимся использованием достижений оптики, оптических методов и приборов. Все более растет роль оптики в различных отраслях промышленности, особенно в машиностроении. В последнее время появились новые научно-технические направления: фотоника, оптоинформатика и акустооптика.

Сложные процессы становления постиндустриального общества в условиях глобализации имеют немало аналогов в процессах индустриальной модернизации второй половины XIX – начала XX в. и в процессах советской индустриализации. Формирование постиндустриальной цивилизации усиливает проблемы поиска эффективных механизмов

инновационного развития оптики. Поэтому актуально исследование роли ученых и науки в развитии страны. В условиях сегодняшней реальности их значение многократно выросло. Они претендуют на особую роль и место в обществе, поскольку представляют собой уникальную социальную группу, обладающую надежной прогностической методологией, пытливым взглядом на окружающую действительность, а также специализирующуюся на продвижении перспективных векторов развития знания в экономику.

Обзор литературы

Несмотря на гриф секретности, ученые не обошли вниманием историю оптики и историю Государственного оптического института (ГОИ)¹ [8; 13]. В 1931 г. был основан специализированный научный журнал

¹ 50 лет Государственного оптического института им. С. И. Вавилова (1918–1968): сб. ст. Л., 1968.

«Оптико-механическая промышленность» (с 1992 г. – «Оптический журнал»), в котором публиковались статьи по истории оптической науки и промышленности [9]. Здесь также публиковались материалы к юбилейным датам ГОИ.

В 1947 г. русский и советский физик, историк физической науки, специалист в области научной и прикладной фотографии и светотехники Т. П. Кравец в статье «Тридцать лет советской оптики», приуроченной к 30-летию советской физики и 30-летию Государственного оптического института, выделил основные этапы, закономерности и достижения оптики [8].

В 1968 г. вышел в свет сборник статей, посвященный 50-летию Государственного оптического института им. С. И. Вавилова. В нем представлены основные этапы и направления научной деятельности института, вклад его выдающихся ученых в

развитие ГОИ². В 1978 г. в журнале «Оптико-механическая промышленность» доктор технических наук директор ГОИ М. М. Мирошников опубликовал к 60-летию организации статью «Государственный оптический институт и современная оптика», в которой проследил исторический путь главного отраслевого научного института во взаимосвязи с развитием оптического производства, обозначил главные научные достижения по ключевым направлениям деятельности ГОИ [9]. Авторы статьи также включены в проблематику истории отечественной промышленности, в частности оптики и ГОИ [1; 2; 11; 12].

Значительную часть историографии истории Государственного оптического института занимает историко-биографическая литература о жизни и научно-организационной деятельности ученых-оптиков³. Вместе с тем публикаций, систематизирующих

² 50 лет Государственного оптического института им. С. И. Вавилова (1918–1968); XV лет Государственного оптического института. Сб. ст. под общей ред. акад. С. И. Вавилова. Л.; М. 1934.

³ *Баумгарт К. К.* Государственный оптический институт // 10 лет советской науки: сб. ст. Л. 1927. С. 118–186; *Его же.* Профессор университета Дмитрий Сергеевич Рождественский – основатель Государственного оптического института // Труды ГОИ. 1957. Т. 24, вып. 147–148; *Бахрах А. М., Стожаров А. И.* Из предыстории Государственного оптического института // Оптико-механическая промышленность. 1968. № 12. С. 11–20; *Вавилов С. И.* Государственный оптический институт // Научно-исследовательский институт тяжелой промышленности. М.; Л. 1935. С. 49–61; *Его же.* Пути развития Оптического института // Успехи физических наук. 1936. Т. 16, вып. 7. С. 872–896; *Гуло Д. Д., Кононков А. Ф., Осинковский А. Н.* Из истории основания Государственного оптического института (к 45-летию со дня основания) // История и методология естественных наук. Вып. 1 (физика). С. 273–292; *Гуло Д. Д., Осинковский А. Н.* Дмитрий Сергеевич Рождественский (1876–1940). М., 1980; Двадцать пять лет Государственного оптического института. Йошкар-Ола, 1943; *Иванова Р. Н.* Государственный оптический институт (ГОИ) в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Оптический журнал. 1995. № 5. С. 5–33; *Линник В. П. Д. С.* Рождественский – основатель ГОИ (к 90-летию со дня рождения) // Труды ГОИ. 1969. Т. 36. Вып. 165; *Мирошников М. М.* Государственному оптическому институту – 70 лет // Оптико-механическая промышленность. 1988; *Его же.* Государственный оптический институт и современная оптика // Оптико-механическая промышленность. 1968. № 12. С. 2–8; *Его же.* Государственный оптический институт к 50-летию Советского государства // Оптико-механическая промышленность. 1967. № 11. С. 5–10; *Его же.* Дмитрий Сергеевич Рождественский и научно-техническая революция. (К 100-летию со дня рождения) // Оптико-механическая промышленность. 1977. № 5. С. 3–8; *Обреимов И. В.* Дмитрий Сергеевич Рождественский // Труды ГОИ. 1974. Т. 42, вып. 175. С. 3–30; *Петровский Г. Т.* 80 лет Государственному оптическому институту // Оптический журнал. 1998. Т. 65, № 12. С. 5–6; *Его же.* Оптическое материаловедение в Государственном оптическом институте // Оптический журнал. 1997. Т. 64, № 5. С. 3–16; *Стожаров А. И.* Начало производства оптического стекла в СССР // Оптико-механическая промышленность. 1957. № 5. С. 65–69; *Фриш С. Э.* Дмитрий Сергеевич Рождественский (жизнь и деятельность). Л., 1954; *Царевский Е. Н.* Государственный оптический институт им. С. И. Вавилова к 40-й годовщине Октября // Оптико-механическая промышленность. 1957. № 5. С. 9–16.

и обобщающих материалы по данной тематике, недостаточно. Менее изученными остаются вопросы, связанные с анализом и оценкой роли и вклада отдельных лиц в рождение и развитие института⁴ [4; 6].

Результаты исследования и их обсуждение

Государственный оптический институт имени С. И. Вавилова (ГОИ) – это не просто научно-исследовательское учреждение, это целая эпоха в развитии советской и российской оптики. Его история, неразрывно связанная с ключевыми этапами развития страны, от первых пятилеток до космической эры, свидетельствует о колоссальном вкладе ученых в укрепление обороноспособности, развитие промышленности и прогресс фундаментальной науки. Изучение этого вклада не просто дань уважения прошлому, но и насущная необходимость для понимания настоящего и формирования будущего российской науки и технологий.

Обращаясь к истории рождения Государственного оптического института, лишней раз убеждаешься, как важно для успеха всякого крупного дела сочетание эпохи, текущего момента и наличие подходящего человека. Во-первых, первая четверть XX в. характеризуется как эпоха становления культуры всеохватывающего научного исследования, становления научно-исследовательских лабораторий и институтов как отдельных от образования и производства предприятий. С экономической точки зрения такой индустриальный способ добытия новых знаний оказался на несколько десятилетий сверхрентабельным с точки зрения его воздействия на технический прогресс в производстве. Во-вторых, это было время революционных свершений в физике и в целом в естествознании, в которых ключевую роль играла именно оптика – зарождение и создание теории относительности и квантовой теории. В-третьих, затрагивается

текущий момент, который способствовал организации Государственного оптического института. Иначе говоря, речь идет о создании отечественной тяжелой индустрии и механизированного сельского хозяйства как средства построения социалистического, а позднее и коммунистического общества, где основная роль отводилась специалистам – отечественным ученым и техникам высокой квалификации. Переоценка роли иностранной технической помощи и фундаментальной науки в индустриализации России выявила и обострила проблему наличия отечественного научно-технического обеспечения индустриализации и значительной роли академической науки.

Возникновение, облик и судьба ГОИ неразрывно связаны с сильными личностями. Имя его основателя, Дмитрия Сергеевича Рождественского, долгое время было синонимом Государственного оптического института. Его творческая биография, жизненная позиция, философское мировоззрение и общественные идеалы представляют большой интерес, поскольку его мысли и деятельность оказали влияние на формирование духа, царившего в институте. Пройдя сквозь время, заложенные Д. С. Рождественским ценностные ориентиры окрепли и являлись стержнем корпоративной культуры ГОИ. Насыщенная событиями, чрезвычайно активная жизнь Д. С. Рождественского вместила в себя целую историческую эпоху. Он был максималистом и все делал на совесть. Этапы его жизни отражают непростую историю России XX столетия. На этом тернистом пути жизни Д. С. Рождественского Государственный оптический институт занимал одно из центральных мест. В силу тематической направленности журнала кратко рассмотрим вехи биографии ученого, ограничившись организацией научно-исследовательской деятельности в разрезе экономической модернизации в России конца XIX – первой трети XX в.

⁴ См.: Академия наук СССР и развитие отечественной науки // Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 38–53.

Дмитрий Сергеевич Рождественский, крупный физик-экспериментатор в области оптики и организатор науки, родился 7 апреля 1876 г. в Санкт-Петербурге, в семье педагога, директора народных училищ Петербургской губернии С. Е. Рождественского. В 1894 г. с отличием окончил 6-ю Петербургскую гимназию, успешно освоив английский, немецкий и французский языки. В 1900 г. окончил Санкт-Петербургский университет и был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию (без стипендии). После кратковременных стажировок у О. Винера в Лейпциге (1901–1902 гг.) и у П. Друде в Гиссене (1903 г.) Д. С. Рождественский возвратился в Петербург и поступил лаборантом (в настоящем – ассистентом) в Военно-медицинскую академию к Н. Г. Егорову, а также в Физический институт университета, начав первым из молодых русских ученых самостоятельные исследования [5].

Сфера научных интересов Д. С. Рождественского – аномальная дисперсия в парах натрия, для изучения которой он в 1909 г. разработал эффективный метод – метод крюков, принесший ему широкую известность и научное признание. В 1912 г. Д. С. Рождественский успешно защитил по данной теме магистерскую диссертацию и

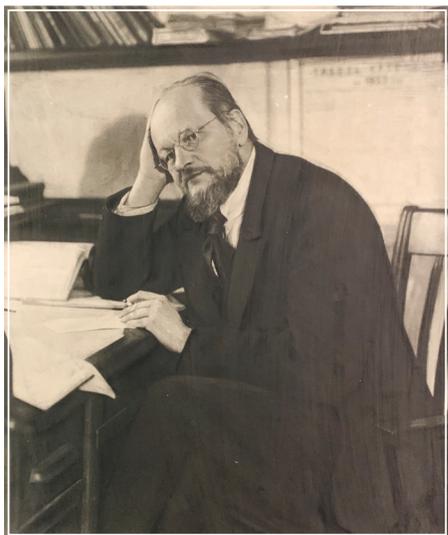
**Государственный оптический институт
имени С. И. Вавилова /
S. I. Vavilov State Optical Institute**

**Государственный оптический институт
имени С. И. Вавилова /
S. I. Vavilov State Optical Institute**

был утвержден в должности приват-доцента университета. Началась его профессиональная педагогическая деятельность. В то время наибольший интерес представляли неисследованные вопросы оптики, к изучению которых привлекались его ученики. В 1913–1915 гг. первыми учениками Д. С. Рождественского были Д. В. Скобельцын, А. А. Лебедев, И. В. Обреимов, В. М. Чулановский, Л. Д. Исаков и многие другие.

Значительный вклад не только в самооценку и профессиональный рост Д. С. Рождественского, но и в развитие науки и образования внесла защита докторской диссертации на тему «Простые соотношения в спектрах щелочных металлов», благодаря чему оценка исследователя в кругу западноевропейских коллег была весьма высока. Полученные результаты Д. С. Рождественский отразил в работах «Аномальная дисперсия в парах натрия» (1912) и «Простые соотношения в спектрах щелочных металлов» (1915), позднее вошедших в список основных трудов. В дальнейшем на основе исследований аномальной дисперсии и структуры спектров Д. С. Рождественский получил принципиально новые

**Д. С. Рождественский /
D. S. Rozhdestvensky**

данные о строении атомов, выдвинул гипотезу о магнитном происхождении спектральных дублетов и триплетов, связал теоретические представления с практическими задачами спектрального анализа [10].

Д. С. Рождественский был избран ординарным профессором кафедры физики и физической географии и назначен заведующим Физическим институтом при университете, после чего продолжил руководить специальными работами студентов – так называемыми дипломными работами. Это был первый шаг на пути к созданию научной школы оптиков в Ленинграде. Исходя из своего опыта получения физического образования, в 1915–1916 гг. Д. С. Рождественский пришел к выводу о целесообразности раздельного обучения будущих физиков и математиков с I курса, необходимости увеличения объема физических дисциплин и лабораторной практики. Результаты этой реорганизации сказались, конечно, не сразу, но она заложила серьезную основу для последующего превращения Петрограда в крупнейший физический центр мирового значения.

В стенах Санкт-Петербургского университета по инициативе молодого пер-

спективного исследователя и преподавателя была создана специальная оптическая лаборатория, где осуществлялись работы повышенного типа, но главная заслуга Д. С. Рождественского заключалась в организации свободного оптического кружка, где участники могли вести себя активнее и смелее. К созданному студенческому научному обществу привлекались и опытные коллеги Д. С. Рождественского, такие как А. Ф. Иоффе. Участники кружка: Н. Д. Папалекси, В. А. Анри, Н. Н. Семенов, П. И. Лукирский, Г. Г. Вейхард, К. К. Баумгарт, А. И. Тудоровский, П. Л. Капица и др. – имели возможность заслушивать и обсуждать работы обзорного характера по актуальным вопросам физики. Таким образом, возникновение так называемой научной школы физиков в стенах университета чрезвычайно оживило работу Физического института и позволило привлечь дополнительные денежные средства для большинства научно-практических работ [5].

Еще до создания Государственного оптического института Д. С. Рождественский выделялся в среде университетских физиков как последовательный приверженец исследовательской парадигмы. Следует напомнить, что накануне революционных событий России 1917 г. регулярные исследования среди профессоров и доцентов были скорее исключением, педагогическая нагрузка их не предусматривала, а вся экспериментальная база ограничивалась демонстрационными опытами для лекций и семинаров. Успех организационного прорыва в период поиска новых, отвечающих требованиям индустриальной эпохи организационных форм научно-технических исследований, заключался в следующем.

Во-первых, работа в условиях тогдашней России подразумевала, что развитие передовой экспериментальной физики затруднительно в отсталой технологической среде (а по оптическим технологиям Россия действительно отставала), поэто-

му в совершенном научно-исследовательском институте научные и технические работы должны активно сосуществовать. Во-вторых, оптическая установка, как и оптический прибор, воплощает в себе обычно целый комплекс технологий (оптический материал, формообразование, точная механика и многое другое), поэтому совершенный исследовательский оптический институт должен развивать в себе комплексно по возможности все оптические дисциплины и технологии. Не исключено, что первоначально источником идеи комплексности был именно негативный опыт экспериментатора (Д. С. Рождественского), а не раннее предчувствие инновационных проблем.

Как известно, война 1914–1918 гг. впервые поставила на очередь вопрос о создании в России собственной мощной оптико-механической промышленности. Большинство воюющих стран, кроме Германии, не имели развитой собственной оптической промышленности для снабжения своих армий нужным количеством оптических приборов. На самом деле в Советской России существовали лишь зачатки этой промышленности: два военных завода, оптические мастерские Обуховского завода и сборочные мастерские Цейса и Гёрца, реквизированные в начале войны. Здесь производились по заграничным образцам из заграничного оптического стекла бинокли, панорамы, прицелы. В Москве прежде всего можно назвать заводы Таубера и Цветкова и Трындина, в Киеве – починочные мастерские под руководством В. П. Линника. Большой оптико-механический завод, который строился в Петрограде, так и не был введен в эксплуатацию. По оценке Д. С. Рождественского, эти небольшие по масштабу предприятия занимали менее 1 000 рабочих.

Еще во время Первой мировой войны, будучи привлечен научным консультантом в Комиссию по вопросу о выработке оптического стекла в России, Д. С. Рождественский стал ближе к вопросам прикладной

оптики и оптической промышленности. Его первой прецизионной работой по оптике (совместно с И. Е. Александровым) стало изготовление первой плоскопараллельной пластинки с поверхностями, плоскими до десятой доли длины волны, и с углом между поверхностями, не превышающим десятых долей секунды. Этой разработкой Д. С. Рождественским было положено начало советской точной оптической промышленности. Уже в середине 1915 г. в России существовала острая потребность в производстве собственного оптического стекла, а значит, и в создании необходимой элементной и технологической базы для задач точной механики и оптики [3].

Решение этой проблемы инициировал Д. С. Рождественский, когда заговорил о варке отечественного оптического стекла в Советской России. Основная особенность такого стекла – повышенная чистота, отсутствие примесей и дефектов структуры. Известно, как трудна эта задача. Особой заботой Д. С. Рождественского являлась организация исследований оптического стекла и создание отечественной оптотехники. Как известно, Россия не производила собственное оптическое стекло, а поставки его из стран-монополистов – Германии и Франции – прекратились. Сложилась обстановка, отчасти похожие на современную ситуацию с импортозамещением.

Ввиду важности проблемы – отсутствия собственного оптического стекла – к ее решению были привлечены лучшие научные и инженерные силы: организаторы исследования физик профессор Д. С. Рождественский и технический директор Императорского фарфорового и стекольного завода будущий член-корреспондент АН СССР Н. Н. Качалов, профессор-химик Н. С. Курнаков, В. Е. Тищенко, Н. А. Пушин, заведующий производством И. В. Гребенщиков, вычислители А. И. Тудоровский, а позднее Г. Г. Слюсарев, Е. Г. Яхонтов, специалист по промышлен-

ным печам профессор Политехнического института В. Е. Грум-Гржимайло, молодые физики А. А. Лебедев, И. В. Обреимов и др. Для опытных работ на фарфоровый завод был приглашен профессор Варшавского политехнического института Г. Ю. Жуковский.

Под председательством Д. С. Рождественского собрался ученый совет, обсуждавший проблемы варки оптического стекла. Для научного руководства всей организацией производства оптического стекла была учреждена коллегия консультантов – высококвалифицированных специалистов по вопросам теоретической и прикладной физики и химии. На коллегия возлагалось верховное руководство опытами и ведение регулярных заседаний, во время которых обсуждались полученные результаты и намечалась программа дальнейших работ.

Строительство необходимых помещений, приобретение технологического оборудования и приборов для химической и физической лабораторий, проведение опытных варок оптического стекла финансировалось царским правительством. Однако для начала работ требовалась технологическая документация, без которой производство оптического стекла было невозможно. Н. Н. Качалову удалось привезти необходимую документацию из Англии, и группа сотрудников, в том числе А. А. Лебедев, И. В. Обреимов, под руководством И. В. Гребенщикова приступила к ее освоению.

Итак, в России до революции благодаря усилиям Д. С. Рождественского было сделано следующее: знакомство с опытом производства оптического стекла коллег из Англии; ввод в эксплуатацию корпуса по проведению опытных варок стекла в Петрограде (выпуск около 3 т оптического стекла); положено начало организации вычислительного дела и обучения необходимых кадров вычислителей.

Имеющийся научно-технологический задел в области оптики, инициированный

и организованный Д. С. Рождественским, уже тогда стремился быть связующим звеном между наукой и промышленностью, но отсутствовал единый координационный оптический центр. Потребность в нем объяснялась и немедленным укреплением обороноспособности государства в период Гражданской войны и построением будущей инновационной экономики, напрямую связанной с наличием новых технологий. Д. С. Рождественский декларировал готовность отчаянно бороться за роль и место прикладной оптической науки.

В Советской России в период преодоления последствий социальных катаклизмов (после Октября 1917 г.) наметилась специализация научных направлений, а соответственно, и научных школ. Начался новый этап в истории отечественной науки и техники, характеризующийся складыванием основных принципов организации науки в стране, формировались центры научной деятельности, был определен курс на превращение науки в важный фактор строительства нового общества [6].

В результате 15 декабря 1918 г. по инициативе Д. С. Рождественского был организован Государственный оптический институт, один из первенцев среди научно-исследовательских институтов, возникших в Советской России в разгар блокады и Гражданской войны. Весьма успешно: открывшиеся возможности перед наукой после победы революции говорили о том, о чем до революции нельзя было и мечтать. Революционную задачу советского правительства связать науку с техникой и с помощью такого симбиоза достичь невиданного развития и науки, и техники Д. С. Рождественский пытался через включение в свой институт зарождавшиеся тогда в Петрограде оптические заводы. Программа максимум оказалась невыполненной, но связь с промышленностью, особенно с промышленностью, изготовлявшей оптическое стекло, оказалась установленной прочно и с

течением времени только росла, определяя громадные успехи ГОИ. Весь план создания института и его организация принадлежали Д. С. Рождественскому. Он лично подготовил все документы, определяющие статус ГОИ, структуру, задачи и программу развития. По его задумке, на институт возлагалась вся идеология по проведению фундаментальных и прикладных исследований, а главное, внедрение их результатов в производство [4].

Еще к 1916 г. сложились составные части будущего ГОИ: теоретическая и вычислительная оптика, оплотехника и производство оптического стекла. Завершающим шагом перед организационным объединением этих частей стало создание отдела оплотехники в апреле 1918 г. на базе подкомиссии микроскопии при созданной еще в феврале 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Такой широкий охват был необходимым условием победы советской оптической промышленности при конкуренции с оптико-механической промышленностью капиталистических стран Западной Европы, в первую очередь Германии.

С момента организации (1918 г.) до 1932 г. Государственный оптический институт находился в ведении Главнауки Наркомпроса РСФСР. Однако такое ведомственное подчинение касалось главным образом отделов, выполняющих фундаментальные исследования, увязанные с прикладными задачами технических отделов института и оптических предприятий.

Уже в 1922 г. технический отдел ГОИ (ТО ГОИ) (около 50 % всех сотрудников ГОИ) вошел в состав Главной палаты мер и весов, т. е. отраслевого института ВСНХ, а в 1930 г. ТО ГОИ под названием ГИПО (Государственный институт прикладной оптики) непосредственно вошел в научно-исследовательский сектор (НИС) ВСНХ.

ГОИ и ГИПО работали совместно, имели единый план, единое руковод-

ство, общую администрацию (директор – Д. С. Рождественский) и только отдельные бухгалтерии. Оба учреждения работали в сфере научной и прикладной оптики и в их совместной деятельности являлись научным центром зарождающейся оптической промышленности. Задачи ГОИ были ориентированы в области теоретических вопросов оптики с выявлением их прикладного значения. Задачи ГИПО – в области исследований прикладных проблем оптики и непосредственного содействия развитию оптической промышленности. Темпы развития промышленности требовали значительных средств на научно-исследовательские работы прикладного значения. Научно-исследовательский сектор ВСНХ такие средства выделял. Главнаука Наркомпроса не имела необходимых финансовых возможностей, поэтому не возражала против передачи ГИПО в ВСНХ. Общий бюджет ГОИ и ГИПО доходил до 1 млн руб. В 1932 г. ГОИ и ГИПО были объединены в Ленинградский ГОИ, вошедший в состав Центрального научно-исследовательского сектора Наркомата тяжелой промышленности (ЦНИС НКТП) ВСНХ СССР. В 1936 г. Ленинградский ГОИ был передан в ведение Всесоюзного объединения оптико-механической промышленности (ВООМП) НКТП, созданного по инициативе С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе.

С 15 декабря 1918 по 14 марта 1932 г. (13 с половиной лет) Д. С. Рождественский занимал пост первого директора и научного руководителя ГОИ. Работа в ГОИ выстраивалась в режиме многозадачности в соответствии с принятым Положением о ГОИ. В 1919 г. Д. С. Рождественским при ГОИ была создана так называемая атомная комиссия для исследования строения атомов и атомных спектров. За период с 1918 по 1923 г. институт Д. С. Рождественского старательно организовывал научные кадры, собирал со всего СССР физиков, интересующихся оптикой, воспитывал молодежь,

вел активные работы по оптическому стеклу («Записка об оптическом стекле» опубликована как исторический документ в 1932 г.) и по оплотехнике, организовывал сильное вычислительное бюро. В результате уже с 1927 г. можно было говорить о том, что Россия избавилась от иностранной зависимости. Немалая заслуга в этом деле принадлежала ГОИ, а роль Д. С. Рождественского как организатора всего института и непосредственного консультанта в разных вопросах техники – исключительна. В 1922 г. он организовал Русское оптическое общество, начиная с 1924 г. участвовал в создании отечественной оптико-механической промышленности.

Вне области оптики интересы Д. С. Рождественского были чрезвычайно обширны: он занимался философией и ботаникой, живо интересовался живописью. Талантливый преподаватель и популяризатор науки, Д. С. Рождественский оставил после себя целую плеяду блестящих учеников, таких как А. Н. Теренин, В. К. Прокофьев, С. Э. Фриш, В. А. Фок и многие другие.

Д. С. Рождественский в 1925 г. заслуженно был избран членом-корреспондентом АН СССР и почетным членом метрологического совета Главной палаты мер и весов. В 1928 г. он стал почетным членом Общества любителей естествознания, астрономии и этнографии. Не меньшее значение имело и резкое повышение социального статуса советского ученого после его избрания действительным членом Академии наук СССР в 1929 г.

Итак, в 1930-е гг. в условиях ускоренной индустриализации именно широта накопленного к тому времени опыта позволила Государственному оптическому институту стать блестящим наставником молодой оптической промышленности, на многие годы занять место ее ведущего научного учреждения. Также комплексность ГОИ наложила отпечаток на его судьбу и позднее, в годы научно-технического паритета с Западом.

По личным причинам в 1932 г. Д. С. Рождественский оставил пост директора ГОИ, рекомендовав для научного руководства институтом кандидатуру Сергея Ивановича Вавилова. Надо сказать, что Д. С. Рождественский сохранил за собой должность заведующего спектроскопическим отделом ГОИ, а с 1939 по 1940 г. был консультантом лаборатории микроскопии ГОИ и одновременно заведующим спектроскопической лабораторией в Физическом институте Ленинградского университета.

В 2026 г. исполняется 150 лет со дня рождения Д. С. Рождественского. Подводя итоги деятельности этого талантливого ученого и организатора, отметим, что основанный им ГОИ с самого начала был совершенно самостоятелен в выборе научно-исследовательских направлений. Несмотря на небольшое количество сотрудников (25–30) на начальном этапе, институт быстро разрастался и получил прекрасное оборудование и большое число разнообразных лабораторий (результат научно-технических революций и мини-революций, которые испытала оптика в XX в.). Важно, что наряду с налаженным производством оптического стекла усилиями Д. С. Рождественского, Н. Н. Качалова и И. В. Гребенщикова в ГОИ была создана отечественная научная школа оптического материаловедения, поддерживающая мировой уровень большинства российских оптических материалов. Наиболее значительным итогом в рамках индустриального развития России конца XIX – первой трети XX в. являлось достижение почти полной технологической независимости Советского государства, появление первого координационного центра молодой оптической отрасли в лице Государственного оптического института, что служило эффективной базой прорыва России на передовые рубежи по многим направлениям мировой науки и техники.

Спецификой основной части фундаментальных исследований ГОИ являлась их це-

ленаправленность, т. е. они всегда ставили перед собой определенную цель, которая должна быть реализована. Организатор ГОИ академик Д. С. Рождественский считал, что ученый должен не только открывать новое, но и нести ответственность за его внедрение в производство. Тесная связь науки с техникой и производством всегда была главной особенностью и характерной чертой ГОИ.

Всем известно, что любая сложная комплексная прикладная разработка нуждается в создании научного задела – фундаментально-ориентированных поисковых исследованиях, но, с другой стороны, только наличие в стране собственного развитого высокотехнологического производства является обязательным условием востребованности результатов научных исследований. Д. С. Рождественский говорил, что создать ГОИ легко, силы собрать можно, но как приложить эти силы? Как приняться за дело, когда нет промышленности, когда она ни малейшей ласковой улыбкой не высказывает желания, чтобы ее развивали?

Благодаря деятельности Государственного оптического института состояние оптической промышленности стало показателем культурного уровня страны. Оптическое производство, проникнутое наукой, и распространенность его продукции (микроскопы, лупы, объективы, астрономические приборы и т. п.) показывали культурный уровень других видов промышленности и населения в целом.

Заключение

Начало развитию научной и прикладной оптики в нашей стране было положено созданием в 1918 г. в Петрограде Государственного оптического института (ГОИ). Вокруг этого центра и его мировой научной школы начала создаваться оптическая промышленность, было создано отечественное оптическое стекло и освоено производство сложнейших приборов. Традиционно все оптические предприятия, конструкторские

бюро и научные институты во главе с ГОИ находились в Министерстве оборонной промышленности СССР, однако их сфера выходила далеко за пределы интересов этого министерства и не ограничивалась созданием военной техники. Фундаментальные исследования по оптике и изготовление различных оптических приборов для промышленности, медицины и других отраслей народного хозяйства всегда составляли значительную часть объемов работ. Во всем мире признаны успехи отечественной оптики: открытие лазеров и голографии, создание крупнейших астрономических инструментов и космической оптики, достижения в области оптоматериалов, нелинейной оптики и т. д.

Вклад Д. С. Рождественского в развитие естественных наук неоценим, так как именно благодаря его усилиям и достижениям были заложены основы современных оптических дисциплин. Он стал не только основателем новых направлений, но и организатором научных школ, что сыграло важную роль в развитии физической науки в целом. Он создал ГОИ и его научную инфраструктуру, благодаря чему отечественная оптика стала систематизированной и продолжала развитие. Его деятельность часто выходила за рамки узкой специализации, поскольку он обладал уникальной способностью видеть связи между различными областями знания. Это позволяло ему делать открытия, которые стали фундаментом для новых научных направлений и технологий. Именно благодаря его широкому кругозору, стремлению к междисциплинарному подходу оптика по настоящее время движется вперед. Ценность Д. С. Рождественского перед научным мировым сообществом не ограничивается результатами исследований, а также тем, как он вдохновлял другие поколения ученых и стимулировал новые открытия. В этом смысле он явился миру не просто создателем знаний, а истинным катализатором прогресса и развития науки и технологий.

Список источников

1. *Арсентьев Н. М.* Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2019. 211 с.
2. *Арсентьев Н. М., Макушев А. А.* Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII–XIX веках. М.: Наука, 2002. 304 с.
3. *Баумгарт К. К.* Дмитрий Сергеевич Рождественский // Успехи физических наук. 1941. Т. 25, вып. 2. С. 228–240.
4. *Белозеров А. Ф.* История оптики – история России // Лазер-Информ. 2014. № 2.
5. *Кесаманлы Ф. П.* П. С. Эренфест, Д. С. Рождественский и А. Ф. Иоффе – основатели первых трех научных школ в области физики в Петербурге – Петрограде – Ленинграде // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2010. № 2-2. С. 233–243.
6. *Колпаков А. Н.* Становление советской науки // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 7, ч. 1. С. 77–80.
7. *Кононков А. Ф., Осинковский А. Н.* Об особенностях научной деятельности академика Д. С. Рождественского и его школы // Вестник Московского университета. 1967. № 3. С. 87–92.
8. *Кравец Т. П.* Тридцать лет советской оптики // Успехи физических наук. 1947. Т. 33, вып. 1. С. 23–51.
9. *Мирошников М. М.* Государственный оптический институт и современная оптика // Оптико-механическая промышленность. 1968. № 12. С. 2–8.
10. *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* Физико-математический факультет Императорского Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Международные Отношения и Диалог Культуры. 2015. № 4. С. 177–216.
11. *Слудных А. В.* Оптика в годы, опаленные войной. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2020. 328 с.
12. *Слудных А. В.* Оптика в истории российской индустриализации середины XIX – начала XX века. Страницы истории Уральского оптико-механического завода. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2021. 192 с.
13. *Толанский С.* Революция в оптике / пер. с англ. И. С. Щербиной-Самойловой; под ред. и с предисл. В. А. Угарова. М.: Мир, 1971. 225 с.

References

1. *Arsentyev N. M.* The Moscow mining board in the history of Russian industrialization. Saransk: Publishing House of the Center Institute, 2019. 211 p. (In Russ.)
2. *Arsentyev N. M., Makushev A. A.* Crystal Kings of Russia. Industrial economy and entrepreneurial activity of the Maltsovs in the XVIII – XIX centuries. Moscow: Nauka, 2002. 304 p. (In Russ.)
3. *Baumgart K. K.* Dmitry Sergeevich Rozhdestvensky. *Uspekhi fizicheskikh nauk* = Successes of Physical Sciences. 1941. Vol. 25, issue. 2: 228–240. (In Russ.)
4. *Belozеров A. F.* The history of optics – the history of Russia. *Lazer-Inform* = Laser-Inform. 2014. № 2. (In Russ.)
5. *Kesamanli F. P.* P. S. Ehrenfest, D. S. Rozhdestvensky and A. F. Ioffe are the founders of the first three scientific schools in the field of physics in St. Petersburg – Petrograd – Leningrad. *Nauchno-tekhnicheskije vedomosti SPbGPU* = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State University. 2010; 2-2: 233–243. (In Russ.)
6. *Kolpakov A. N.* The formation of Soviet science. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* = Almanac of Modern Science and Education. Tambov, 2007; 7, P. 1: 77–80. (In Russ.)
7. *Kononkov A. F., Osinovsky A. N.* On the peculiarities of the scientific activity of academician D. S. Rozhdestvensky and his school. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of the Moscow University. 1967; 3: 87–92. (In Russ.)
8. *Kravets T. P.* Thirty years of Soviet optics. *Uspekhi fizicheskikh nauk* = Successes of physical Sciences. 1947. Vol. XXXIII. Issue 1: 23–51. (In Russ.)
9. *Miroshnikov M. M.* State Optical Institute and modern optics. *Optiko-mekhanicheskaya promyshlennost'* = Optical and mechanical industry. 1968; 12: 2–8. (In Russ.)

10. *Rostovtsev E. A., Barinov D. A.* Faculty of Physics and Mathematics of the Imperial Petersburg University (1819–1917): the experience of a collective biography. *Mezhdunarodnye Otnosheniya i Dialog Kul'tur* = International Relations and Dialogue of Cultures. 2015; 4: 177–216. (In Russ.)
11. *Sludnykh A.V.* Optics in the years scorched by the war. Pages of the history of the Ural Optical and Mechanical Plant. Saransk: Publishing house of the Center Institute, 2020. 328 p. (In Russ.)
12. *Sludnykh A.V.* Optics in the history of Russian industrialization in the middle of the 19th – early 20th century. Pages of the history of the Ural Optical and Mechanical Plant. Saransk: Publishing house of the Center Institute, 2021. 192 p. (In Russ.)
13. *Tolansky S.* Revolution in optics. Moscow, 1971. 250 p. (In Russ.)

Поступила 10.03.2025.

Сведения об авторах

Арсентьев Николай Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социально-экономическая история России конца XVIII – начала XX в., информационные технологии в исторической науке. Автор более 200 научных публикаций, в том числе 19 монографий, 30 учебников и учебных пособий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Слудных Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, генеральный директор АО ПО «Уральский оптико-механический завод им. Э. С. Яламова» (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: проблемы экономической истории России, история оптико-механической промышленности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Submitted 10.03.2025.

About the authors

Nikolay M. Arsenyev – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Honored Scientist of the Republic of Mordovia, Director, History and Sociology Institute, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: socio-economic history of Russia at the end of the 18th – early 20th century, information technology in historical science. The author of more than 200 scientific publications, including 19 monographs, 30 textbooks and manuals. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Anatoly V. Sludnyh – Cand. Sci (History), Director, Ural Optical and Mechanical Plant (Ekaterinburg, Russia). Research interests: problems of the economic history of Russia, the history of the optical and mechanical industry. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Становление и развитие армии Ирака в условиях кризиса 2003–2017 гг.

Аннотация

Введение. Авторы рассматривают вопрос построения новой иракской армии после ее ликвидации в 2003 г. в результате оккупации Ирака силами возглавляемой США коалиции. Изучение проблем военной безопасности в Ираке приобретает актуальность в контексте сохранения угроз международного терроризма и экстремизма на Ближнем Востоке. Исследование постсадамовской иракской армии позволит пролить свет на процесс становления и эволюции армии в условиях многосоставного общества с зависимым от оккупационных сил правительством. Авторы также предпринимают попытку выявить особенности политики иракского правительства по реформированию армии после кризиса 2014 г. и до разгрома Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)¹ в 2017 г., а также изучить политику правительства в отношении возрождения оборонно-промышленного комплекса.

Материалы и методы. В качестве методологической концепции нашего исследования выбран системный подход, который акцентирует внимание на отдельных элементах обозначенной проблематики во взаимосвязи и воздействии на них внешних условий. Соответственно, вооруженные силы Ирака помещены в контекст социально-политического развития страны в период после свержения режима президента Саддама Хусейна в 2003 г. Статья также опирается на метод анализа документов на английском и арабском языках и на отдельные работы отечественных и зарубежных авторов, связанные с проблематикой постконфликтного восстановления вооруженных сил.

Результаты исследования. В новой иракской армии после 2003 г. наблюдался управленческий кризис, вызванный запретом армии предыдущего режима и отсутствием надлежащего уровня стратегического мышления у политиков и военных постсадамовского периода. Старшие и младшие командиры часто отбирались в соответствии с принципом «мухасаса таифийя» (квотирование мест по этноконфессиональным особенностям, их весу и договоренностям между иракскими общинами. – Р. М., Д. З.) Процесс восстановления армии с 2014 г. был устойчивым, но очень медленным (на это влияло также то, что мобилизованные солдаты в основном входили в новую параллельную структуру – Силы народного ополчения). Ирак продолжал оставаться в серьезной зависимости от импорта вооружения, боеприпасов и комплектующих материалов. Несмотря на значительные успехи отрасли в таких сферах, как ремонт бронированной техники и артиллерийских систем, по состоянию на 2017 г. иракские власти не смогли добиться успеха в запуске массового производства боеприпасов. Тем не менее авторы фиксируют усиление сил безопасности Ирака, включая армию, на фоне победы над ИГИЛ.

Обсуждение и заключение. После вторжения США в 2003 г. в Ираке так и не было предпринято реальных попыток построить эффективные государственные структуры, отвечающие потребностям нового этапа политического развития. Перед армией Ирака де-факто

¹ Также известно как Исламское государство (ИГ) организация, запрещенная в Российской Федерации.

ставились такие главные задачи, как борьба с террористами и обеспечение внутренней безопасности. Возникновение Исламского государства (ИГ) подвергло очередному испытанию на прочность сложившиеся к 2014 г. иракские институты – в первую очередь институты системы безопасности. По итогам борьбы против ИГ армия Ирака вышла победителем, однако выросла конкуренция с другими – и вновь образованными – органами системы безопасности, что определило дальнейшее развитие вооруженных сил страны.

Ключевые слова: армия Ирака, система безопасности, оборонно-промышленный комплекс, импорт и экспорт вооружений.

Для цитирования: Мамедов Р. Ш., Закиев Д. Р. Становление и развитие армии Ирака в условиях кризиса 2003–2017 гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 110–127. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.110-127.

Ruslan Sh. Mamedov¹, Danil R. Zakiev²

^{1,2}Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

¹ e-mail: rshmamedov@yandex.ru

² e-mail: danzakiev63@gmail.com

Formation and Development of the Iraqi Army in the Context of the Crisis of 2003–2017

Abstract

Introduction. In this article the authors consider the issue of building a new Iraqi Army after its liquidation in 2003 as a result of the occupation of Iraq by the US-led coalition forces. The study of the problems of military security in Iraq becomes relevant in the context of continuing threats of international terrorism and extremism in the Middle East region. The study of the post-Saddam Iraqi army will shed light on the process of formation and evolution of the army in a multi-component society with a government dependent on the occupation forces. The authors also attempt to identify the specifics of the Iraqi government's policy of reforming the army after the 2014 crisis and before the defeat of ISIS in 2017, as well as examine the government's policy towards the revival of the defense industrial complex.

Materials and Methods. The methodological concept of our study is the systemic approach, which focuses on the individual elements of the identified problems in their interrelationship and the impact of external conditions on them. Accordingly, the Iraqi armed forces are placed in the context of the socio-political development of the country in the period after the overthrow of the regime of President Saddam Hussein in 2003. The article is also based on the method of analyzing documents (in English and Arabic) and on some works of domestic and foreign authors related to the problems of post-conflict reconstruction of the armed forces.

Results. The new Iraqi Army after 2003 experienced a management crisis caused by the previous regime's banning of the army and the lack of an appropriate level of strategic thinking among post-Saddam politicians and military officers. Senior and junior commanders were often selected according to the principle of 'muhasa taifiyya', or quota seats based on ethno-religious characteristics, their weight and agreements between Iraqi communities. The process of rebuilding the army was steady but very slow (this was also influenced by the fact that mobilized soldiers were mostly part of a new parallel structure, the Popular Militia Forces, from 2014). Iraq continued to be heavily dependent on imports, both of arms and ammunition and of component materials. Despite significant industry successes in areas such as the repair of armoured vehicles and artillery systems, as of 2017, the Iraqi authorities have been unsuccessful in launching mass production of ammunition. Nevertheless, the authors document the strengthening of Iraq's security forces, including the army, amid the victory over ISIS.

Discussion and Conclusion. In Iraq, after the US invasion in 2003, no real attempt was made to build effective state structures that would meet the needs of the new stage of political development.

The Iraqi government de-facto set the main tasks of the Iraqi army as combating terrorists and ensuring internal security. The emergence of IS put the established Iraqi institutions – first of all, the institutions of the security system – to another test by 2014. The Iraqi Army emerged victorious in the fight against IS, but competition with other – and newly formed – security institutions increased, which determined the further development of the country's armed forces.

Keywords: Iraqi Armed Forces, Iraqi Security forces, Defense industry of Iraq, modernization of the Iraqi army, military expenditures of Iraq, Iraqi Arms imports.

For citation: Mamedov R. Sh., Zakiev D. R. Formation and Development of the Iraqi Army in the Context of the Crisis of 2003–2017. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 110–127. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.110-127.

Введение

Вторжение коалиции государств во главе с США в Ирак и свержение режима президента Саддама Хусейна в 2003 г. привели к распаду государственности и подрыву институтов безопасности страны. Оккупационные власти приняли решение о роспуске армии, спецслужб и иных органов безопасности, связанных с правящей до 2003 г. Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ, далее – «Баас»). В этих условиях возникли два параллельных процесса – партизанское движение противостояния оккупантам (смешанного с деятельностью террористических группировок) и строительство оккупантами и зависимым от них постсаддамовским правительством новой системы безопасности.

Несмотря на то что, согласно многочисленным прогнозам, вывод американских войск в 2011 г. должен был способствовать усилению иракского государства, в действительности данное событие сыграло ключевую роль в ослаблении государственных институтов [4, с. 64]. Фатальное ослабление иракской армии, а также деградация ее возможностей в самостоятельном решении боевых задач и обеспечении безопасности страны стали очевидными после форсированного сокращения военного присутствия США в Ираке.

Помимо вывода американских войск в 2011 г., среди причин развития нового

кризиса отмечается неэффективность государственной политики и неспособность иракской власти разрешить назревшие социально-экономические проблемы, которые стимулировали рост безработицы и обнищание населения. Кроме того, центральное правительство было дискредитировано высоким уровнем коррупции.

Вопрос состояния, реформирования и перспектив института армии в Ираке, как и история иракской армии, разрабатывался в работах Г. И. Мирского, В. П. Юрченко, Р. Ш. Мамедова, Г. Л. Крылова. В зарубежной литературе известны труды М. Найтса, И. Рудольф, Х. Малика, Дж. Дури-Агри, О. Кассима, П. Мартина. В данных исследованиях отражена структура боевых подразделений армии Ирака, а также рассмотрены проблемы, с которыми сталкивалась иракская армия с 2003 г. вплоть до объявления победы над ИГИЛ в 2017 г.

1. *Становление «новой» армии в условиях иностранной оккупации 2003–2011 гг.*

После вторжения коалиции государств во главе с США в Ирак в 2003 г. была создана Временная коалиционная администрация (ВКА) – оккупационный орган для управления Ираком. ВКА поспешила объявить о запрете правящей до того партии «Баас» (Приказ № 1 ВКА). Руководитель ВКА Пол Бремер 23 мая 2003 г. подписал Приказ № 2 «Роспуск иракских организаций» (هتقار علان ايكلال لـح)².

² См.: Приказ № 2 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171014034248/http://www.iraqlid.iq/pdf/2003/r8730.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

Согласно данному приказу, были распущены следующие организации: Министерство обороны, Министерство информации, Министерство по военным делам, Служба разведки Ирака, Национальное бюро безопасности, Управление национальной безопасности, Специализированная организация по безопасности. Также были расформированы следующие военные структуры: армия, ВВС, ВМС, силы ПВО и другие регулярные военные службы; Республиканская гвардия; Специальная Республиканская гвардия; Управление военной разведки; Силы «аль-Кудс»; Силы особого назначения (по чрезвычайным ситуациям).

Такой подход, названный в научной литературе «дебаасификация» (по примеру «денацификации» Германии), привел к тому, что сотни специалистов – как бюрократов партии, так и военных – лишились работы. Это закладывало мину под строительство нового иракского государства и стало одной из причин будущих партизанских движений против оккупантов и уставленного ими слабого иракского правительства. Тем не менее стоит отметить, что раздел 5 Приказа № 2 предусматривал создание «новой, профессиональной, аполитичной, эффективной военной структуры Ирака» под гражданским управлением.

Приказ № 22 о формировании новой иракской армии (ديديج يقيار ع شيج لي كيشش) был издан Полом Бремером 8 августа 2003 г. В нем была отмечена необходимость безотлагательного создания вооруженных сил для самообороны свободного Ирака³. Из раздела 9 Приказа № 2 следует, что военнослужащие новой иракской армии не

могут участвовать в любой деятельности каких-либо политических партий и организаций, а также не могут работать над привлечением новых членов в ряды политических партий. Данный принцип также закреплен в ст. 9 Конституции Ирака⁴. Все-му личному составу вооруженных сил Ирака не разрешается выдвигаться в качестве кандидатов на выборах на государственные посты и вовлекаться в избирательную кампанию других кандидатов.

Вооруженные силы США приступили к работе по созданию новых вооруженных сил Ирака и воссозданию силовых ведомств, однако реальные цели оккупантов оставались неясными. Распространено мнение, что после 2003 г. у американцев отсутствовало стремление создавать для Ирака армию, способную к отражению внешних угроз. Согласно американскому плану, иракская армия должна была состоять из трех дивизий, каждая из которых включала бы 27 механизированных и легких полков и насчитывала бы 12 тыс. солдат [2]. Главной задачей перед армией ставилась охрана границ.

В соответствии с Приказом № 28 в сентябре 2004 г. был сформирован Иракский корпус гражданской обороны (عافدلا قل اي ف يي قار ع ل ا ين طم ل ا / ICDC – Iraqi Civil Defense Corps) в качестве сил поддержки коалиции⁵. Согласно п. 4 раздела 1, ICDC отличались от иракских полицейских сил и новой иракской армии и имели целью проведение операций, выходящих за рамки полицейских возможностей. Согласно п. 4(b) Приказа № 28, члены ICDC не входили в состав вооруженных сил Ирака. Тем не менее, согласно

³ См.: Приказ № 22 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171016153433/http://www.iraqlid.iq/pdf/2003/a8758.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

⁴ См.: Конституция Ирака. Статья 9. URL: <https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ См.: Приказ № 28 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171016133444/http://www.iraqlid.iq/pdf/2003/a8764.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).

Приказу № 73 от 25 апреля 2004 г., ICDC был передан в подчинение Министерства обороны Ирака⁶.

8 июня 2004 г. Совет Безопасности (СБ) ООН принял резолюцию о скором прекращении периода военной оккупации и передаче власти временному правительству⁷. 28 сентября 2004 г. была распущена Временная коалиционная администрация. Однако, согласно принятой СБ ООН резолюции 1546, «многонациональные силы» продолжили оставаться в Ираке.

В 2006 г. США обучили и передали под контроль иракского командования 10 дивизий⁸. С июля 2006 по июнь 2009 г. силы коалиции поэтапно передавали национальной армии контроль над иракской территорией. В связи с внутренним недовольством в США по поводу присутствия в Ираке администрация США при президенте Бараке Обаме (2009–2017 гг.) приложила усилия для вывода вооруженных сил США. Официальным завершением американского присутствия называется 18 декабря 2011 г.

Согласно ст. 78 Конституции Ирака, должность главнокомандующего вооруженными силами государства занимает премьер-министр Ирака⁹. В 2007 г. для управления и координации военных операций было создано Объединенное оперативное командование (ООК) *تكتيرت شمل تاي لم ع ل ا ند ا ي ق* (فيق ا ر ع ل ا), которое подчиняется главнокомандующему вооруженными силами. Штаб-квартира ООК расположена в Багдаде. Также ООК формирует генеральный штаб сил

безопасности и осуществляет надзор над всеми оперативными командованиями.

В 2006 г. после взрыва в мечети аль-Аскари было создано первое оперативное командование, которых в период с 2006 по 2014 г. было сформировано 11 единиц [8, р. 13].

1. Оперативное командование Самарры (2006 г.)

Командование несет ответственность за город Самарра, большую часть пустыни Джазира и южную часть провинции Салах ад-Дин, включая часть северного пояса Багдада. В зоне командования проживает значительное суннитское население и располагается мечеть аль-Аскари.

2. Оперативное командование Багдада (февраль 2007 г.)

В задачи командования входит обеспечение безопасности в Багдаде и в большей части багдадского пояса. Зона ответственности представляет собой слияние зон бывших оперативных командований аль-Карх и ар-Русафа. Данное командование является одним из наиболее обеспеченных ресурсами.

3. Оперативное командование Басры (август 2007 г.)

Командование несет юридическую ответственность за всю провинцию Басра, являющуюся коммерческим центром Ирака, включая Ум Каср – единственный крупный порт Ирака.

4. Оперативное командование Найнавы (январь 2008 г.)

⁶ См.: Приказ № 73 Временной коалиционной администрации. URL: <https://web.archive.org/web/20171016083319/http://www.iraqlid.iq/LoadLawBook.aspx?page=1&SC=&BookID=21670> (дата обращения: 03.10.2024).

⁷ См.: О принятии резолюции СБ ООН по Ираку. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1603747/ (дата обращения: 04.10.2024).

⁸ См.: Вооруженные силы Ирака после 2003 года. Досье. URL: <https://tass.ru/info/1298164> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ См.: Конституция Ирака. Статья 78. URL: <https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/> (дата обращения: 01.11.2024).

В зону ответственности командования входят крупные населенные пункты провинции Найнава.

5. Оперативное командование Анбара (август 2008 г.)

В зону ответственности командования входят города ар-Рамади, аль-Фалуджа и прилегающие пустынные районы в восточной части провинции Анбар. Командир всегда является суннитом, необязательно членом одного племени.

6. Оперативное командование Среднего Евфрата (ноябрь 2010 г.)

Командование несет ответственность за ключевые святые города Кербела и ан-Наджаф, их пустынные сектора и район города Нухайб – юг провинции Анбар. Приоритетом является обеспечение безопасности шиитских религиозных паломников и паломнических маршрутов.

7. Оперативное командование Диялы (июль 2012 г.)

В зону ответственности командования входят провинция Дияла, восточная часть провинции Салах ад-Дин и смешанный курдско-туркменско-арабский город Туз Хурмату, нефтяные месторождения Аляс и Аджилъ, а также горный хребет Хамрин. Стоит отдельно отметить влияние внешнего фактора. Провинция Дияла является жизненно важным иранским военным и экономическим пунктом входа в Ирак. Провинция Салах ад-Дин имеет религиозное значение для шиитов благодаря мечети в Самарре. Контроль над данными провинциями также предоставляет лояльным Ирану подразделениям плацдармы для давления на Иракский Курдистан.

8. Оперативное командование ар-Рафидайн (ноябрь 2012 г.)

Командование контролирует безопасность в провинциях Мутанна, Ди-Кар, Майсан, Кадисия и Васит. Безопасность на подконтрольных территориях остается уязвимой ввиду растянутости сил данного командования.

9. Оперативное командование Джазиры и Бадии (февраль 2013 г.)

Командование несет ответственность за большую часть провинции Анбар к западу от города Рамади, включая западную долину Евфрата, западный район ар-Рутба и шоссе Багдад–Амман. Также контролирует большую часть пустынь Джазира и Бадия, что делает зону ответственности данного командования одной из самых крупных.

10. Оперативное командование Бабилы (Вавилон) (март 2014 г.)

В зону ответственности командования входят провинция Бабиль, южные пояса Багдада, а также город Джурф ас-Сахр.

11. Оперативное командование Салах ад-Дина (2014 г.)

Командование несет ответственность за северную половину провинции Салах ад-Дин, включая города Тикрит, Байджи и аш-Ширкат.

Подразделения сил безопасности Ирака имеют штаб-квартиры по всему Ираку, однако обычно формирования развертываются вдали от своих штабов. Подразделения не находятся в постоянном подчинении конкретных оперативных командований, а могут быть передислоцированы в зону ответственности другого командования. В свою очередь, оперативные командования выполняют функцию оперативных штабов, которые контролируют все типы подразделений сил безопасности в своей зоне ответственности.

После падения режима Саддама Хусейна для обеспечения боеготовности новой армии Ирак получил большое количество легкого вооружения и транспортных средств. Среди поставленного вооружения и транспорта, по данным SIPRI, числятся более 10 тыс. легких бронированных машин и более 100 транспортных вертолетов, а также сотни тысяч единиц стрелкового оружия. Большинство легкого во-

оружения поставлялось из США и стран Европы. Одновременно Ирак продолжал импортировать российское оружие, которое часто оплачивалось США (“The major arms came mainly from the USA. In the early years after the invasion particularly, imports of Russian arms to Iraq were often paid for by the USA”)¹⁰. Начиная с 2007 г. наблюдается тенденция к стремительному увеличению поставок американского оружия и становление США как наиболее крупного экспортера оружия в Ирак. Увеличение потока американского оружия в 2007 г. связывают в том числе с масштабной операцией, проводимой иракскими и американскими войсками против террористической организации «Аль-Каида»¹¹. С 2007 г. отмечается также тенденция к постепенному росту военных расходов Ирака: в 2006 г. показатель составлял 1,5 млрд долларов США (что составляло менее 1,5 % ВВП), поднявшись почти до 5 млрд долларов США в 2011 г. (около 2,5 % от ВВП) [9].

2. Модернизация армии Ирака в условиях кризиса 2011–2017 гг.

Следствием дебаасификации Ирака стала маргинализация суннитской части населения, прежде представляющей собой военную элиту страны, что привело к оппозиционным настроениям суннитов. В результате враждебно настроенная к преимущественно шиитскому правительству и американским оккупантам часть суннитского населения встала на путь вооруженного противостояния. Вооруженная суннитская оппозиция состояла из различных групп, главными из которых являлись бывшие баасисты и офицеры саддамовской армии, а также

боевики террористических организаций «Аль-Каида» и ИГИЛ.

В апреле 2013 г. в расположенном неподалеку от Киркука городе Хавиджа произошел разгон лагеря протестующих, в результате чего погибло 53 чел., что обострило отношения правительства Нури аль-Малики даже с суннитами Киркука, которые лояльно относились к власти в Багдаде ввиду посягательств на регион курдов. В свою очередь, убийства и аресты ряда видных суннитских политиков (влиятельный суннитский депутат Ахмед аль-Альвани был арестован, а его брат убит) способствовали нарастанию антиправительственного сопротивления.

Напряженность в суннитской провинции Анбар в 2011–2012 гг. была также в немалой степени вызвана политикой правительства Нури аль-Малики, оттолкнувшей суннитское население страны. На протяжении нескольких лет в Ираке происходила дискриминация суннитов, конфискация их собственности. Обосновывая свои действия принадлежностью суннитского населения к «Баас», правительство уволило десятки тысяч человек, среди которых были не только чиновники и сотрудники силовых ведомств, но и врачи и учителя [1].

К 2013 г. произошел стремительный рост военных расходов Ирака: с 4,7 млрд долларов США (около 2 % от ВВП) в 2012 г. до 8 млрд долларов США (около 3,2 % от ВВП) в 2013 г.¹²

В начале 2014 г. протестные выступления в провинции Анбар переросли в открытый вооруженный конфликт. В январе – мае 2014 г. боевикам ИГИЛ удалось добиться доминирования на севере Ирака.

¹⁰ См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2023/iraq-invasion-20-years-sipri-data> (дата обращения: 25.03.2025).

¹¹ Организация, запрещенная в Российской Федерации.

¹² См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data.

Остальные группировки были вынуждены либо влиться в их ряды, либо принять их руководство. С начала 2014 г. Ирак пережил ряд военных катастроф, которые пошатнули доверие страны к армии и другим органам безопасности. Группировка ИГИЛ захватила и удерживала под контролем города Фаллуджа, Мосул, Рамади. Двадцать бригад иракской армии и федеральной полиции, а также другие подразделения были разгромлены в июне 2014 г. [12]. Поражения иракских сил безопасности вызвали множество вопросов к политическому и военному руководству. Например, почему отряды Сил народного ополчения, созданные в 2014 г. во время вторжения ИГИЛ, действовали лучше существовавших ранее подразделений сил безопасности. Кризис системы безопасности 2014 г. вскрыл ряд существенных проблем организации армии, которые требовали срочных решений.

В 2014 г., согласно оценкам SIPRI, военные расходы Ирака снизились до 7 млрд долларов США (3 % от ВВП)¹³. Тем не менее авторы работы отмечают, что их оценки основаны на финансовых отчетах иракского правительства и данных Министерства обороны Ирака и не охватывают расходы на военизированные формирования, не входящие в структуру вооруженных сил Ирака. Таким образом, вероятно, данный показатель не включает в себя расходы, связанные с обеспечением формирования аль-Хашд аш-Шааби / Силы народного ополчения (араб. *بيحشال دشحال*, англ. Popular Mobilization Forces), созданного в середине 2014 г. и официально не входившего на заре своего существования в состав иракских вооруженных сил.

Одной из причин слабости иракских сил безопасности можно назвать незавершенность процесса восстановления

силовых структур после свержения Садда Хусейна. США ликвидировали все военные институты и военизированные формирования прежнего режима, но не довели процесс создания новых структур до необходимого уровня, гарантирующего боеспособность новой армии. В работе “The Future of Iraq’s Armed Forces” Майкл Найтс отмечает, что вооруженные силы таких союзников США, как Федеративная Республика Германия и Республика Корея, финансировались и обучались при непосредственном наставничестве со стороны американских военных на протяжении многих десятилетий, чего не произошло в Ираке. Работа над формированием и обучением иракских сил безопасности американскими войсками осуществлялась на протяжении всего восьми лет. Данный срок оказался недостаточным для гарантированной подготовки иракских сил к выполнению боевых задач в условиях современного военного конфликта [12]. Однако, по мнению авторов данной статьи, США и Иран не были заинтересованы в создании сильной иракской армии ввиду большего удобства в управлении слабыми военными структурами, в то время как новые власти Ирака не обладали достаточными знаниями, как выстраивать новую армию, и проявили неэффективность в управлении государством.

Аналогичное мнение в январе 2024 г. высказал иракский эксперт по вопросам безопасности Сафа аль-Аасам, отметив, что США преследовали цель сохранить военное присутствие в Ираке, вследствие чего не уделяли должного внимания вопросу перевооружения и организации иракской армии. Эксперт подчеркнул, что более чем через 20 лет с момента свержения режима Садда Хусейна Ирак по-прежнему не

¹³ См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data.

располагает необходимым количеством вооружения¹⁴.

Согласно п. 1 ст. 24 американо-иракского соглашения о выводе американских войск, США обязывались завершить свое присутствие в Республике Ирак до 31 декабря 2011 г.¹⁵ Для того чтобы подготовить современные оборонные институты и новое поколение хорошо обученных солдат, требовалось намного больше времени. Боевые соединения были сформированы в большом количестве, однако они не соответствовали должному уровню по таким необходимым вспомогательным подразделениям и службам, как логистика, связь, артиллерия, авиация и медицина [12].

Одной из проблем в создании данных подразделений было то, что в период своего присутствия в Ираке США предоставляли авиацию, артиллерию, связь, разведку, оказывали содействие в логистике и медицинских услугах, сосредоточившись на формировании боевых подразделений. В свою очередь, когда наращивание американцами количества боевых соединений иракской армии закончилось и можно было начать создание служб поддержки, начался вывод американских войск из Ирака.

В то же время у иракского Министерства обороны не было полномочий и административных возможностей по найму на службу новых военнослужащих и определению приоритетов необходимых служб поддержки. В декабре 2009 г. в от-

чете Министерства обороны США конгрессу отмечалось, что министерство остается под действием введенного в августе 2008 г. Министерством финансов ограничения на найм нового персонала¹⁶. Вследствие данного решения новые вспомогательные подразделения могли быть укомплектованы только за счет сокращения численности боевых бригад. Таким образом, утвержденная численность боевых подразделений снизилась, а их фактическая численность после потерь была еще ниже.

Другим фактором проблем в комплектовании иракской армии являлся недостаток финансирования. МО США также отмечало, что ограниченный бюджет способен лишь в незначительной степени поддерживать сухопутные силы и не сможет обеспечить необходимый рост и инфраструктуру¹⁷. Определенные функции, ранее выполнявшиеся американцами, не обеспечивались ресурсами в должной мере.

В декабре 2009 г. вышел отчет “Measuring Stability and Security in Iraq”. В нем утверждается, что экономический спад и падение цен на нефть резко сократят скорость, с которой иракские силы безопасности смогут достичь основных боевых возможностей, а также развивать свои объекты и закупать оборудование.

После 2003 г. в иракской армии наблюдался управленческий кризис. Старшие и младшие командиры часто отбирались в соответствии с принципом «мухасаса таифийя» [12].

¹⁴ См.: Эксперт рассказал, почему США не вооружают армию Ирака. URL: <https://ria.ru/20240110/irak-1920625874.html> (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁵ См.: Agreement between the United States of America and the Republic of Iraq on the Withdrawal of United States Forces from Iraq and the Organization of their activities during their temporary presence in Iraq. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/122074.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁶ См.: Report to Congress in accordance with the Department of Defense Supplemental Appropriations Act 2008 “Measuring stability and security in Iraq”. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/Master_9204_29Jan10_FINAL_SIGNED.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁷ См.: Report to Congress in accordance with the Department of Defense Supplemental Appropriations Act 2008 “Measuring stability and security in Iraq”. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/Master_9204_29Jan10_FINAL_SIGNED.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

Согласно данной системе распределялись государственные посты, однако этот принцип также имел распространение в армии даже среди младших командиров. Не подготовленные лица получали офицерские должности, несмотря на непригодность. В назначении командиров принимали участие политические партии, существовала практика покупки старших и младших званий. Командиры подразделений занимались выкупом арестованных гражданских лиц и получением откатов за то, что позволяли солдатам отсутствовать [13].

Наиболее значимые политические партии иракского правительства занимались переназначением высших командных должностей, чтобы гарантировать ведущее положение своих людей. Политический, племенной и семейный фаворитизм привел к тому, что самые высокие должности, отвечающие за командование на поле боя, планирование, обучение и логистику, занимали некомпетентные или низкоквалифицированные люди. Подобные командиры не были заинтересованы в дальнейшем развитии армии, а были сосредоточены на коррупционных схемах. Младшие командиры брали пример у старших.

Старший научный сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Майкл Найтс и аналитик по иракским и арабским вопросам, ранее служивший командиром роты в иракской армии, Джаббар Джаафар (رفيع ج راج) в своей статье сравнили иракские вооруженные силы с перевернутой пирамидой [13]. В армии очень многие высокопоставленные генералы командовали пересекающимися военными округами и командованиями. Часто отдавались противоречивые приказы относительно передислокации сил, что создавало брешь в обороне и боевых построениях.

Наверху системы находилась большая группа старших офицеров и штабов, которые конкурировали друг с другом и нажива-

лись на коррупционных схемах. Ниже была узкая группа хорошего младшего офицерского и сержантского состава. В то же время солдаты иракской армии не умели принимать самостоятельные решения, так как это считалось полной ответственностью командиров, даже в самых незначительных вопросах [9, р. 38]. В свою очередь, бывший посол США в Ираке Райан Крокер заявил, что проблема была не в иракских солдатах, а в командовании, отметив, что иракская армия не «прогнила до основания», а была «гнилой» наверху [10].

Тем не менее Уэсли Грей, бывший военный советник США в Ираке, отмечал низкую воинскую дисциплину при выполнении боевых задач. В своей книге он привел в пример одну из проверяемых им оборонительных позиций иракских военнослужащих: «Первая позиция, которую мы посетили, состояла из пяти иракских солдат, небольшого количества еды для завтрака, полного набора чайных чашек с заварочным чайником» [9, р. 44]. Также у американских военных советников снижалась мотивация и стремление к должному обучению иракских военнослужащих ввиду «полного отсутствия [у иракцев] желания что-либо делать, их сильной коррупции и их культурных норм лени и отсутствия инициативы» [9, р. 30]. По словам Уэсли Грея, «никакие истории от первого лица и краткие сведения об иракской культуре не могут подготовить кого-либо к уровню неумелости, лени и отсутствию мотивации, свирепствующим в иракской армии» [9, р. 66].

Советники не всегда могли заниматься деятельностью, непосредственно связанной с обучением иракской армии. Очень много времени проводилось не оптимально, например в охране конвоя, регулярно перевозившего иракских солдат в отпуск и обратно. Уэсли Грей отмечает, что коррупция в Ираке обыденна и даже уважаема. Со-

ветник сомневался в возможности изменения менталитета иракцев извне, сравнивая их коррупцию со склонностью японцев к чрезмерному труду: «Можем ли мы сказать людям в Японии, что тяжелая работа – это плохо, и что они должны просто бросить все и стать ленивее?» [9, p. 100].

В условиях вывода войск США из Ирака в 2011 г. эксперты считали, что иракские военные оснащены и обучены только для конфликтов низкой интенсивности – как силы для борьбы с повстанцами, опирающиеся только на пехоту и разведку. Эксперты прогнозировали, что в конфликте высокой интенсивности с использованием противником бронетехники и артиллерии иракская армия будет сломлена [11]. Таким образом, вооруженные силы Ирака были способны только на внутреннюю безопасность, в то время как дата вывода войск США из Ирака была сугубо политическим решением. Вывод войск США проходил в отрыве от уровня подготовки иракской армии и политического процесса в Ираке.

К 2012 г. моральный дух иракской армии был снижен из-за низкого качества руководства, отсутствия должной подготовки, негативного влияния коррупции, а также уязвимости солдат и полицейских к убийствам и запугиванию. Боевики ИГИЛ убили сотни военнослужащих во внеслужебное время, а также сотни членов их семей и разрушили их дома. Распространялись случаи самовольного оставления части, а также увольнения военнослужащих. Если в конце 2009 г. в 55 иракских бригадах насчитывалась 151 250 военнослужащих, выполняющих боевые задачи, то в мае 2014 г. в этих бригадах было всего 110 тыс. чел. [12].

К январю 2015 г. в столкновениях с ИГИЛ произошел разгром 19 армейских бригад Ирака, 14 из которых были выведе-

дены из боевого состава навсегда, а 5 из них – восстановлены и реформированы. Таким образом, насчитывалось 36 боеспособных бригад численностью 54 тыс. чел. К январю 2016 г. количество боевых бригад было восстановлено до 54, однако численность военнослужащих оценивалась в 81 тыс. чел., что меньше показателя мая 2014 г. [12]. Восстановление было устойчивым, но очень медленным. Было сформировано и восстановлено множество бригад, однако ввиду истощения состава каждой отдельной бригады общая численность сил безопасности на передовой оставалась практически вдвое меньшей в сравнении с показателями 2009 г.

Тем не менее иракские силы безопасности проводили и успешные оборонительные операции против боевиков ИГИЛ. Падение города Рамади было предотвращено в декабре 2013 г., после чего город продолжали защищать от атаки ИГИЛ в течение 17 месяцев без подкрепления. Иракская армия с силами федеральной полиции и племенных группировок успешно обороняли город Хадита, его плотину и энергетические и нефтеперерабатывающие объекты. В городе Дулуйя (ар. ذي حولض، англ. Dhulu'ya) силы безопасности с суннитскими племенами осуществляли оборону, сдерживая противника в течение шести месяцев, прежде чем осада была снята [12].

Пик военных расходов Ирака пришелся на 2015 г., когда военный бюджет составлял более 9 млрд долларов США (около 5,5 % от ВВП). Увеличение бюджета совпало с началом крупного наступления иракской армии в Тикрите¹⁸.

Иракская армия также находилась в контрнаступлении большую часть 2015 г., играя ключевую роль в самых значительных поражениях ИГИЛ в центральном

¹⁸ См.: Iraq since the invasion: 20 years in SIPRI data.

Ираке – Тикрите, Байджи и Рамади. Артиллерия, танки и ударные вертолеты иракской армии сыграли решающую роль в совместных операциях с другими элементами системы безопасности – федеральной полицией, контртеррористической службой и Силами народного ополчения. Важную роль сыграла оперативная поставка Российской Федерацией вооружения и военной техники. В рамках подписанного в 2012 г. контракта Россия смогла по запросу иракской стороны в 2014 г. ускоренно поставить необходимое для выполнения боевых задач вооружение, включая танки, вертолеты и самолеты. В то же время США оказались не в состоянии так же быстро предоставить необходимый перечень военной техники на первые оперативные запросы иракцев [5]. Стоит отметить, что за 2013–2017 гг. 22 % всего вооружения, импортированного Ираком, было закуплено у России. В 2017 г. был подписан контракт о закупке российских танков Т-90С на сумму более 1 млрд долларов США.

Новые возможности, предоставленные коалицией, такие как наведение понтонных переправ и прорыв минных полей, продемонстрировали, что иракская армия проделала большой путь за 2015 г. [12]. С осени 2015 г. силы безопасности продемонстрировали устойчивость к контрастам ИГИЛ. Для закрепления на взятых под контроль территориях иракские военные использовали новое инженерное оборудование.

Большая часть военнослужащих иракской армии подчинялась оперативному командованию Багдада. На январь 2016 г. в подчинении командования насчитывалось порядка 50 тыс. военнослужащих. Майкл Найтс указывает на высокую компетентность оперативного командования Джазире и Байды ввиду высоких показателей

выполнения боевых задач при ограниченности ресурсов (4 000 чел.), отмечая, что город Хадита оставался под контролем при небольшом количестве сил, выделенных для его защиты [12].

Что касается личного состава вооруженных сил, то уже в 2016 г. отмечались ощутимые признаки прогресса в подготовке. Обучение инструкторами коалиции увеличилось с шести до десяти недель, что дает больше времени для развития навыков, для обучения офицеров и сержантов, а также для проведения имитационных боевых учений. Появились специализированные общевойсковые программы обучения прорыву и инженерному делу [12].

В 2017 г. пресс-секретарь Совместной объединенной оперативной группы (Combined Joint Task Force / CJTF) полковник Райан Диллон в рамках операции «Непоколебимая решимость» (Operation Inherent Resolve / OIR) заявил, что с 2014 г. коалиция подготовила более 116 тыс. бойцов иракских сил безопасности. В их числе 43 тыс. иракских военных, 19 тыс. полицейских, 6 500 пограничников, 2 200 курдских бойцов Пешмерга, 14 тыс. членов контртеррористической службы и 10 тыс. племенных мобилизационных сил [приводится по: 7].

Усилия коалиции по обучению, консультированию, оказанию помощи и оснащению были сосредоточены на наращивании способности сил безопасности поддерживать на должном уровне логистику, боевые системы и поставки боеприпасов, собирать и анализировать разведанные и обмениваться информацией¹⁹. Тем не менее в докладе генерального инспектора конгрессу США за IV квартал 2018 г. по-прежнему отмечается, что вооруженные силы Ирака в значительной степени зависят от сил ко-

¹⁹ См.: Operation inherent resolve. Report to the United States congress. July 1, 2017 – September 30, 2017. Washington, 2017.

алиции по ряду функций, особенно в отношении сбора и анализа разведывательной информации²⁰. Помимо разведанных, сообщается о таких недостатках, как возможность точного удара, логистическая поддержка операций, а также сложности в вопросах самостоятельного обучения и планировании кампании.

Коррупция в органах безопасности нередко возникала из-за отсутствия бюрократического и административного контроля. Особенно отмечается феномен «солдат-призраков», которые существуют только на бумаге, а их заработная плата фактически воруется²¹. Данная проблема фиксировалась еще в период обучения американскими военными советниками новой иракской армии после 2004 г. и до вывода войск США в 2011 г. Уэсли Грей, служивший в 2006 г. в Ираке советником морской пехоты, рассказывает в своей книге, изданной в 2009 г., что частой коррупционной схемой в Министерстве обороны Ирака было составление фальшивых списков солдат: «Списки включали имена от пятидесяти до трехсот солдат, которые недавно уволились из иракской армии. Но из-за медленного процесса обновления списков и бюрократии в министерстве обороны эти сотрудники по оплате труда могли получать плату за этих “призраков”-джунди [солдат]» [9, р. 99]. Таким образом, данная коррупционная проблема так и не была решена с начала создания новой иракской армии до 2020 г.

Среди наиболее частых коррупционных схем в иракских вооруженных силах также отмечаются nepotism, покупка должностей с целью личной финансовой выгоды, а так-

же практика препятствования продвижению или перемещению важных документов из-за личных конфликтов между отдельными офицерами и подразделениями иракской армии²².

Таким образом, несмотря на первые поражения, в условиях современного военного конфликта иракская армия смогла доказать свою состоятельность и способность к реорганизации, повышению уровня боеспособности, решению внутренних проблем, а также поиску альтернативных источников для импорта вооружений.

3. Попытка возрождения оборонно-промышленного комплекса Ирака в 2014–2017 гг.

В 2014 г. в Ираке было учреждено Управление военной промышленности (араб. *قايمة دفاع الصناعة*, англ. Defence Industries Commission), вошедшее в состав Министерства промышленности и минеральных ресурсов (араб. *وزارة الصناعة وطاقات*, англ. Ministry of Industry and Minerals). В него вошли семь иракских компаний, работавших на оборонную промышленность в период руководства Саддама Хусейна. Инженерам и персоналу, прежде принимавшим участие в работе, было предложено вернуться к прежней деятельности. В 2014–2016 гг. пост министра промышленности и минеральных ресурсов занимал Насир аль-Иссави, в 2016–2018 гг. – Мухаммед Шиас-Судани (в настоящее время премьер-министр Ирака. – *Р. М., Д. З.*).

С 2003 г. большая часть компаний и заводов, ранее входивших в состав иракского ВПК, была связана с гражданским сектором. До июня 2014 г. иракские власти не планировали возрождать военную промышлен-

²⁰ См.: Operation inherent resolve and other overseas contingency operations. Lead inspector general report to the United States congress. October 1, 2018 – December 31, 2018. Washington, 2019.

²¹ См.: Operation inherent resolve. Lead inspector general report to the United States congress. October 1, 2020 – December 31, 2020. Washington, 2021.

²² См.: Operation inherent resolve. Lead inspector general report to the United States congress. July 1, 2021 – September 30, 2021. Washington, 2021.

ность, так как предложения правительства об индустриализации могли бы столкнуться с неприятием и обвинениями в попытках «возвращения славы прежнего режима». Однако после усиления угрозы ИГИЛ и возникновения острой необходимости борьбы с ней иракские власти вернулись к данному вопросу. Правительством страны было решено объединить компании и разработать правовую базу, связанную с военной промышленностью, ввести новые инвестиционные возможности ввиду острой нужды в современных технологиях [11].

Среди вызовов, стоящих перед отраслью, отмечались коррупция и борьба за контракты между компаниями, а также отсутствие ответственности компаний за поставленный продукт. План развития промышленности на 2017 г. включал в себя перевод 10–15 убыточных компаний в статус прибыльных. Министерство промышленности поддержало малые и средние предприятия в предоставлении возможностей трудоустройства граждан Ирака, а также поощрило развитие компетенций и инноваторство. Министерство также подготовило стратегию сокращения бедности, по которой предусматривалось создание национальной промышленности для предоставления большего количества рабочих мест, а также устранение случаев коррупции. Тем не менее отмечалось, что данные процессы встречали противодействие со стороны различных групп, по причине корыстных интересов желающих сохранить Ирак рынком сбыта для иностранной продукции [7].

Учреждение Управления военной промышленности заложило основу для будущего восстановления данной отрасли и оборонно-промышленного комплекса. Например, были продемонстрированы положительные результаты при восстановлении и ремонте старых образцов бронетехники и артиллерии. С начала 2014 г. за период около трех месяцев иракские предприятия

восстановили около 100 единиц бронетехники [3]. Помимо экономии средств, предназначенных для импорта вооружений, и снижения нагрузки на бюджет страны, стал возможным государственный контроль производства, появилась возможность привлечения бюджетного финансирования и субсидирования производств.

В 2017 г. Управлением военной промышленности было объявлено об успешном проведении очередного этапа испытаний твердотопливной неуправляемой ракеты класса «земля-земля» с дальностью действия от 5 до 15 км. Примечательно, что разработка всех компонентов и узлов ракеты осуществлялась иракскими инженерами, с использованием иракских комплектующих и на местной производственной базе. Данное событие свидетельствует о том, что иракская военная промышленность встала на путь восстановления технических и производственных возможностей. Несмотря на то что оккупация Ирака в 2003 г. силами коалиции во главе с США значительно подорвала возможности ракетных войск, а уцелевшие пусковые установки и ракеты были уничтожены, сохранившиеся наработки и отдельные элементы технологии сборки ракет позволили Ираку восстановить производство данного типа вооружений [6].

По состоянию на май 2017 г. по-прежнему сохранялась зависимость Ирака от импорта боеприпасов для легкого стрелкового оружия. Массовое производство патронов не было налажено, а то, что производилось, было недостаточным как по качеству, так и по количеству.

10 января 2018 г. в Багдаде начал работу съезд военных производителей Ирака. Открывший мероприятие министр промышленности и минеральных ресурсов Мухаммед Шиа ас-Судани отметил необходимость альянса между государственными и частными компаниями. Принять участие в производстве стрелкового оружия и бое-

припасов было предложено 36 зарубежным компаниям, в том числе арабским. В свою очередь, иракским силовым министерствам и ведомствам было предложено организовать сотрудничество по вопросу установления регламента, способов и форм совместного управления такими производствами, подготовки местных кадров и учета опыта организации подобной деятельности в соседних странах.

Мухаммед ас-Судани подчеркнул необходимость опоры как на местный капитал, так и на инвестиционные возможности иностранцев, в том числе арабов, а также необходимость развития всех форм сотрудничества, включая слияние компаний, организацию совместного производства, предоставления лицензий и концессий. Была отмечена подготовка законодательных инициатив по стимулированию военной промышленности.

В феврале 2018 г. иностранным компаниям были направлены предложения принять участие в тендере на поставку необходимых технологий для производства боеприпасов к стрелковому оружию. Руководство Министерства промышленности и минеральных ресурсов предполагало, что Ирак способен в относительно короткий период развернуть выпуск различных образцов оружия и боеприпасов, в том числе с экспортным потенциалом. После организации производства боеприпасов планировалось наладить выпуск стрелкового вооружения разного калибра, после чего перейти к освоению ремонта и производства тяжелой техники (танков, БТР, БМП и артиллерийских систем), к чему военная промышленность Ирака была наиболее подготовлена ввиду наличия в стране хорошо оснащенных ремонтных мастерских, квалифицированных кадров, а также опыта ремонта и модернизации различных образцов бронетехники.

В то же время перспективными направлениями являлись ремонт и обслуживание

вертолетов, а также производство беспилотных летательных аппаратов. На техническом факультете Евфратского университета был разработан БПЛА «Фурат-1» («Евфрат-1»). В разработке участвовали ученые из университета Неджефа. Аппарат был собран полностью из иракских материалов и обошелся на 20 % дешевле, чем аналогичный беспилотник зарубежного производства [3].

В 2017 г. Ирак находился в полной зависимости от импорта вооружений. Тем не менее вызовы безопасности ставили перед правительством новые задачи и подводили к идее о необходимости развития собственного оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Это получило институциональное оформление. 2017 г. можно назвать рубежом в части, с одной стороны, возвращения к имевшейся ранее инфраструктуре предыдущего режима, с другой – создания новых производств простейшего типа. Это стало основой дальнейшего развития ОПК в последующий период.

Выводы

Иракская армия прошла сложный путь становления после расформирования в 2003 г. и воссоздания на новых началах. По первоначальным планам оккупационных сил, иракская армия предназначалась только для охраны границ и должна была состоять из трех дивизий общей численностью 12 тыс. чел. Задачи по обеспечению безопасности внутри государства должен был выполнять Корпус гражданской обороны Ирака. Тем не менее корпус был передан в подчинение Министерства обороны Ирака. Уже в 2006 г. США обучили и передали под контроль иракского командования десять дивизий, что говорит об увеличении численности структуры и о том, что вооруженные силы Ирака взяли на себя функцию обеспечения внутреннего порядка в стране.

В новой иракской армии после 2003 г. наблюдался управленческий кризис. Старшие

и младшие командиры часто отбирались в соответствии с принципом «мухасаса таифийя» [12]. Согласно данной системе распределялись не только государственные посты, но и должности в армии, в том числе среди младшего командного состава, что приводило к руководству подразделениями неподготовленных лиц, не способных принимать решения. Политические партии иракского правительства принимали участие в назначении командиров с целью гарантировать ведущее положение своих людей, следствием чего становилась возросшая некомпетентность высшего командного состава, отвечающего за командование на поле боя, планирование, обучение и логистику.

В 2014 г. произошел серьезный кризис иракских вооруженных сил, следствием которого стал разгром в столкновениях с ИГИЛ 19 армейских бригад и утратой правительством Ирака контроля над значительной частью своей территории, а также крупных населенных пунктов. Процесс восстановления армии был устойчивым, но очень медленным (на это влияло также то, что мобилизованные солдаты в основном входили в новую параллельную структуру – Силы народного ополчения). Общая численность личного состава на передовой оставалась значительно ниже предвоенного периода: даже в 2016 г. численность оставалась ниже показателей 2009 г. В наиболее тяжелый период противостояния Ирак смог получить значительные поставки россий-

ского вооружения, что позволило оперативно ввести в бой дополнительные силы.

С началом крупного вооруженного конфликта в 2014 г. власти Ирака приступили к воссозданию оборонно-промышленного комплекса, следствием чего стало учреждение управления военной промышленности. Примечательно, что в данную структуру вошли компании, прежде работавшие на оборонную промышленность в период руководства Саддама Хусейна. К прежней деятельности смогли вернуться инженеры и персонал, занятые в данной отрасли до свержения прежнего режима. Таким образом, иракское правительство вернулось к идее необходимости иметь собственный ОПК, позволяющий в меньшей степени полагаться на импорт вооружения и боеприпасов со стороны партнеров. Ирак обладал технической базой и опытом для воссоздания военной промышленности. Инженерные кадры, занятые в производстве при прежнем режиме, смогли практически заново организовать отрасль. Несмотря на значительные успехи отрасли в таких сферах, как ремонт бронированной техники и артиллерийских систем, по состоянию на 2017 г. иракские власти не смогли добиться успеха в запуске массового производства боеприпасов для легкого стрелкового оружия. Ирак продолжал оставаться в серьезной зависимости от импорта вооружения и боеприпасов, комплектующих материалов и подготовки кадров.

Список источников

1. *Александров А. И.* О реальном влиянии баасистов на действия «Исламского государства» в Ираке. URL: <http://www.iimes.ru/?p=24916> (дата обращения: 25.12.2024)
2. *Ашур Х.* Новые иракские институты армии и безопасности. URL: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/%d9%85%d8%a4%d8%b3%d8%b3%d8%a7%d8%a-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d9%8a%d8%b4-%d9%88%d8%a7%d9%84%d8%a3%d9%85%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%b9%d8%b1%d8%a7%d9%82%d9%8a%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d8%af%d9%8a%d8%af%d8%a9> (дата обращения: 25.12.2024). (На араб.)
3. *Ласкарис Ф. И.* О планах развития военной промышленности Ирака. URL: <http://www.iimes.ru/?p=41370> (дата обращения: 17.12.2024).
4. *Мамедов Р. Ш.* Иракские силы безопасности: сложный путь к институциональному восстановлению // Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке. М., 2019. С. 64–69.

5. Мамедов Р. Ш. После «Халифата»: перспективы российско-иракских отношений. М.: НП РСМД, 2018. Рабочая тетрадь № 46. 20 с.
6. Тереенков К. А. Об испытаниях Ираком новой ракеты класса «земля-земля». URL: <http://www.iimes.ru/?p=32322> (дата обращения: 17.12.2024).
7. Awad M. Anti-ISIS coalition taking different approaches in Iraq, Syria. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2017/09/21/Anti-ISIS-coalition-taking-different-approaches-in-Iraq-Syria> (дата обращения: 25.12.2024).
8. Dury-Agri J. R., Kassim O., Martin P. Iraqi security forces and popular mobilization forces: orders of battle. Washington: Institute for the Study of War, 2017. 77 p.
9. Gray W. R. Embedded: a Marine Corps Advisor inside the Iraqi Army. Annapolis: Naval Institute Press, 2009. 288 p.
10. Gwertzman B. Q&A: Ryan Crocker on Iraq's Role in the Long War Against ISIL. URL: <https://www.defenseone.com/ideas/2014/09/ryan-crocker-iraqs-role-long-war-against-isil/95273/> (дата обращения: 08.02.2025).
11. Khalil S. The Ministry of Industry and Minerals in Iraq: a new strategy for the reform. URL: <https://rawabetcenter.com/en/?p=2532> (дата обращения: 14.03.2025).
12. Knights M. The Future of Iraq's Armed Forces. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/future-iraqs-armed-forces> (дата обращения: 23.12.2024).
13. Knights M., Jabbar J. Restoring the Iraqi army's pride and fighting spirit. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/7/8/restoring-the-iraqi-armys-pride-and-fighting-spirit> (дата обращения: 23.12.2024).

References

1. Alexandrov A. I. On the real influence of Baathists on the actions of the 'Islamic State' in Iraq. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=24916> (accessed 25.12.2024). (In Russ.)
2. Ashour H. Iraq's New Military and Security Organizations. Available at: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/%d9%85%d8%a4%d8%b3%d8%b3%d8%a7%d8%aa-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d9%8a%d8%b4-%d9%88%d8%a7%d9%84%d8%a3%d9%85%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%b9%d8%b1%d8%a7%d9%82%d9%8a%d8%a9-%d8%a7%d9%84%d8%ac%d8%af%d9%8a%d8%af%d8%a9> (accessed 25.12.2024). (In Arabic)
3. Laskaris F. I. On the plans for the development of the military industry of Iraq. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=41370> (accessed 17.12.2024). (In Russ.)
4. Mamedov R. Sh. Iraqi Security Forces: the difficult path to institutional reconstruction. *Armii i bezopasnost' na Blizhnem Vostoke i v Severnoj Afrike* = In book: Armies and Security in the Middle East and North Africa. Moscow, 2019, P. 64–69. (In Russ.)
5. Mamedov R. Sh. After the Caliphate: The Prospects of Russia – Iraq Relations. In book: Russian International Affairs Council Workbook No. 46. Moscow, 2018. 20 p. (In Russ.)
6. Tereenkov K. A. On Iraq's testing of a new surface-to-surface missile. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=32322> (accessed 17.12.2024). (In Russ.)
7. Awad M. Anti-ISIS coalition taking different approaches in Iraq, Syria (2017). Available at: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2017/09/21/Anti-ISIS-coalition-taking-different-approaches-in-Iraq-Syria> (accessed 25.12.2024). (In Eng.)
8. Dury-Agri J. R., Kassim O., Martin P. Iraqi security forces and popular mobilization forces: orders of battle. Washington, 2017. (In Eng.)
9. Gray W. R. Embedded: a Marine Corps Advisor inside the Iraqi Army. Annapolis: Naval Institute Press, 2009. 288 p. (In Eng.)
10. Gwertzman B. Q&A: Ryan Crocker on Iraq's Role in the Long War Against ISIL. Available at: <https://www.defenseone.com/ideas/2014/09/ryan-crocker-iraqs-role-long-war-against-isil/95273/> (accessed 08.02.2025). (In Eng.)
11. Khalil S. The Ministry of Industry and Minerals in Iraq: a new strategy for the reform. Available at: <https://rawabetcenter.com/en/?p=2532> (accessed 14.03.2025). (In Eng.)

12. *Knights M.* The Future of Iraq's Armed Forces. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/future-iraqs-armed-forces> (accessed 23.12.2024).
13. *Knights M., Jabbar J.* Restoring the Iraqi army's pride and fighting spirit. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/7/8/restoring-the-iraqi-armys-pride-and-fighting-spirit> (accessed 23.12.2024). (In Eng.)

Поступила 01.04.2025.

Сведения об авторах

Мамедов Руслан Шакирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия). Сфера научных интересов: элиты арабских государств, многосоставные общества, внешняя политика арабских стран. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>.

E-mail: rshmamedov@yandex.ru

Закиев Данил Рауфович – лаборант Центра исламских рукописей Института востоковедения РАН (Москва, Россия). Сфера научных интересов: элиты арабских стран, внешняя политика арабских стран. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2144-4846>.

E-mail: danzakiev63@gmail.com

Submitted 01.04.2025.

About the authors

Ruslan Sh. Mamedov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center of Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Research interests: elites of Arab states, multi-component societies, foreign policy of Arab countries. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>.

E-mail: rshmamedov@yandex.ru

Danil R. Zakiev – Laboratory Assistant at the Center of Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Research interests: elites of Arab states, foreign policy of Arab countries. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2144-4846>.

E-mail: danzakiev63@gmail.com

УДК 323.2

А. В. Никитина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: vertyshka2000@mail.ru

Молодежная политика в Республике Мордовия в 1990–2020-е гг.: основные тенденции

Аннотация

Введение. Общеизвестно, что распад Советского Союза и вместе с ним ВЛКСМ как основной молодежной организации привел к потере духовной опоры в среде молодых людей, что повлекло за собой культивирование асоциальных ценностей и радикальных способов защиты своих интересов за счет создания группировок антисоциальной направленности. В данных условиях возникла потребность в формировании и планировании грамотной государственной молодежной политики. Большое значение приобретает региональная молодежная политика, что обусловлено учетом своеобразия различного рода потребностей молодежи в конкретном регионе. Цель статьи заключается в выявлении основных тенденций региональной молодежной политики постсоветского периода в Республике Мордовия на основе анализа основных нормативно-правовых актов.

Материалы и методы. Для достижения поставленной выше цели были использованы нормативно-правовые акты различных уровней, а также научная литература. Исследование проводилось при использовании принципов историзма, системности и опоры на исторические источники. В основе статьи лежит применение общенаучных методов, таких как анализ, синтез, дедукция, а также специальных исторических методов, например историко-генетического, что позволило проследить зарождение и развитие региональной молодежной политики постсоветского периода в Республике Мордовия. Кроме того, был применен проблемно-хронологический метод с целью выявления основных этапов и тенденций развития региональной политики в сфере молодежи.

Результаты исследования. В настоящей статье на основе архивных документов, нормативно-правовых актов и научных изданий изложены основные тенденции молодежной политики в Республике Мордовия в 1990–2020-е гг.

Обсуждение и заключение. Молодежная политика в Республике Мордовия имеет ряд положительных тенденций, основанных на грамотном формировании нормативно-правовой базы, а также за счет деятельности специальных государственных учреждений, в компетенцию которых входит реализация молодежной политики в регионе, например ГБУ «Мордовский республиканский молодежный центр» (МРМЦ).

Ключевые слова: региональная молодежная политика, молодежь, государственная молодежная политика, регион, Республика Мордовия, патриотическое воспитание.

Для цитирования: Никитина А. В. Молодежная политика в Республике Мордовия в 1990–2020-е гг.: основные тенденции // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 128–138. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.128-138.

© Никитина А. В., 2025

*Alena V. Nikitina**National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: vertyshka2000@mail.ru*

Youth Policy in the Republic of Mordovia in the 1990–2020s: main trends

Abstract

Introduction. It is well known that the collapse of the Soviet Union and, with it, the Komsomol as the main youth organization, led to the loss of spiritual support among young people, which entailed the cultivation of antisocial values and radical ways of protecting their interests by creating antisocial groups. In these conditions, there is a need to form and plan a competent state youth policy. Regional youth policy is of great importance, which is due to the fact that the uniqueness of the various needs of young people in a particular region is taken into account. The purpose of the article is to identify the main trends in regional youth policy of the post-Soviet period in the Republic of Mordovia based on the analysis of regulatory legal acts.

Materials and Methods. To achieve the above goal, regulatory legal acts of various levels, as well as scientific literature, were used. The study was conducted using the principle of historicism, consistency and reliance on historical sources. The article is based on the use of general scientific methods, such as: analysis, synthesis, deduction, as well as special historical methods, for example, historical and genetic, which made it possible to trace the origin and development of regional youth policy in the post-Soviet period, in addition, the problem-chronological method was used in the study in order to identify the main stages in the development of regional youth policy.

Results. This article outlines the main trends of regional youth policy in the 1990s–2020s in the Republic of Mordovia, and identifies its main problems, based on archival documents, regulatory legal acts and scientific publications.

Discussion and Conclusion. Youth policy in the Republic of Mordovia has a number of positive trends based on the competent formation of the regulatory framework, as well as due to the activities of special state institutions whose competence includes the implementation of youth policy in the region, for example, the State Budgetary Institution Mordovian Republican Youth Center (MRMC).

Keywords: regional youth policy, youth, state youth policy, region, Republic of Mordovia, patriotic education.

For citation: *Nikitina A. V.* Youth Policy in the Republic of Mordovia in the 1990–2020s: main trends. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 128–138. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.128-138.

Введение

Общеизвестно, что государственная молодежная политика стремится разделить сферы своего ведения с региональной. Это связано с отличительными особенностями регионов России, которые выражены в демографических, экономических и социально-политических условиях их развития, что, в свою очередь, требует индивидуального подхода для написания законодательства в данной сфере. Региональная молодежная политика играет большую роль в

формировании идеологических, культурных и других социальных ценностей среди молодого населения страны. Кроме того, при помощи грамотно выстроенной региональной политики можно решать базовые проблемы молодежи в различных регионах страны.

К одной из основных проблем молодого населения в Республике Мордовия в постсоветское время относится проблема трудоустройства, что вызывает отток молодежи из региона в мегаполисы. Лидерами среди

них являются Москва, Санкт-Петербург, Казань и Нижний Новгород – 80 % молодого населения Мордовии выбирают эти города в качестве основного места работы и проживания [8].

Региональные власти при помощи воздействия на молодежную политику пытаются сдерживать рост миграции молодежи как основного носителя научного потенциала, что выражается в комплексе мер, направленных на повышение материального положения молодежи, улучшение жилищно-бытовых условий, а также культурно-обустройства Республики Мордовия. Однако в период с 2003 по 2013 г. миграция молодого населения выросла почти в 2 раза. Кроме того, по данным исследования 2017 г., доля опрошенных, желающих покинуть регион, составила в среднем 60,1 % [8]. Данное положение обуславливает актуальность выбранной темы. Исходя из всего вышесказанного можно определить цель исследования – выявление основных тенденций региональной молодежной политики постсоветского периода в Республике Мордовия на основе анализа основных нормативно-правовых актов.

Обзор литературы

С распадом СССР возникла потребность в переосмыслении государственной политики, направленной на регулирование молодежных организаций, что было связано с прекращением деятельности ВЛКСМ и с появлением различных свобод у молодежи. Данное положение нашло отражение в ряде постсоветских научных работ, первыми из которых стали статья В. И. Чупрова [9] и монография И. М. Ильинского [2]. Нельзя не отметить, что последний еще в 1987 г. предложил ввести термин «молодежная политика».

Идеи И. М. Ильинского продолжил развивать известный российский социолог и философ В. А. Луков. Его взгляды по вопросам молодежной политики нашли от-

ражение в ряде статей, внутри которых он анализировал работы предшественников [5].

К основным современным работам можно отнести диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук П. А. Меркулова, где автор проследил историю возникновения и ход развития молодежной политики в истории России [6]. Различные аспекты данной проблемы были также освещены им в ряде статей и монографий, где он анализировал основные труды по истории молодежной политики и выделял на основе этого новые подходы к решению тех или иных проблем, возникших на просторах постсоветского пространства в молодежной политике. Кроме того, П. А. Меркулов уделял внимание изучению региональной молодежной политики как основы для ее грамотного формирования на федеральном уровне [7].

Также можно выделить ряд исследователей, посвятивших свои труды различным сторонам молодежной политики России: С. В. Луков, Э. Д. Погорский, Д. А. Тихомиров, Е. Г. Слущкий, И. В. Ильин, А. И. Андреев, Ю. А. Зубок др.

Выделяются на общем фоне и региональные исследования молодежных общественных объединений. Как и в общей историографии, со стороны региональных исследований большое значение имеют работы по изучению государственной молодежной политики. Например, Е. В. Балыкова занималась изучением политической деятельности молодых людей. На основании проведенных исследований автором были сделаны следующие выводы: молодежь – основа государственного строительства, и решение ее основных проблем посредством обновления правового обеспечения должно стать «одним из национальных приоритетов России» [1].

Г. А. Корнишина и К. В. Комаров в статье «Этапы становления молодежной политики

финно-угорских регионов Урало-Поволжья в конце XX – начале XXI в.» проследили эволюцию государственной молодежной политики в нескольких регионах России, в том числе в Республике Мордовия [3]. Авторы пришли к выводу: значимость молодежных общественных объединений будет зависеть от их вклада в формирование духовных качеств молодежи.

Вопросами реализации молодежной политики в регионе занималась и Е. Д. Кочкаева [4]. Она выявила положительные и отрицательные стороны современной молодежной политики, на основании чего пришла к выводу, что современная государственная политика, направленная на молодежь, требует переосмысления и совершенствования, отвечающего требованиям времени.

Таким образом, можно заметить возросший интерес исследователей к вопросам формирования молодежной политики как на федеральном, так и на региональном уровне, что в первую очередь связано с проблемными задачами в данной области.

Материалы и методы

Источники по региональной молодежной политике в Республике Мордовия в 1990–2020-е гг. не отличаются большим разнообразием. По большей степени это федеральные и региональные нормативно-правовые акты, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), а также опубликованные документы, статистические материалы и сведения о деятельности основных государственных органов, направленных на решение проблем молодежной политики. Исходя из цели исследования, были применены следующие методы: анализ статистических и демографических

данных, а также междисциплинарный анализ научной литературы и нормативно-правовых актов по выбранной теме. Кроме того, в работе были применены принципы историзма и социального подхода.

Результаты исследования

В целом государственная молодежная политика (ГМП) как новое направление в сфере законодательства появилось еще до распада СССР, что было связано с происшедшими в стране событиями, когда молодежь, как основная движущая государственная сила, стала выходить из-под его контроля. Первым нормативно-правовым актом, открывающим направление молодежной политической деятельности государства, стал Закон СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»¹. Его суть заключалась в определении ГМП как «важного направления деятельности Союза ССР и республик». Основные цели данного документа были направлены на создание благоприятных условий развития потенциала молодежи во всех сферах человеческой жизни. Одним из условий, которое способствовало бы реализации данной деятельности, стало привлечение молодого населения страны к сотрудничеству с государством для решения вопросов, касающихся не только молодежи, но и всего общества в целом. Этот закон стал прообразом для всех последующих документов в сфере ГМП уже в постсоветской России.

После распада СССР и вместе с ним прекращения деятельности ВЛКСМ первым нормативно-правовым актом в данной области стал Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. «О первоочередных мерах в области государственной молодеж-

¹ См.: Об общих началах государственной молодежной политики в СССР: Закон СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 19. Ст. 533.

ной политики»². Данный документ обязал правительства всех субъектов Федерации сформировать и профинансировать уже существующие специальные органы, деятельность которых направлена на реализацию молодежной политики. Кроме того, благодаря данному документу в России появился Фонд федеральных молодежных программ.

Вопросами проблем молодого населения в регионах страны постсоветского пространства занимались специально созданные комитеты по делам молодежи. Согласно постановлению Правительства РМ от 30 июня 1995 г. № 189³, Государственный комитет Республики Мордовия по делам молодежи, физкультуре и спорту был реорганизован. В целях проведения единой ГМП как одного из приоритетных направлений социально-экономической политики страны в 1995 г. в Республике Мордовия был создан Комитет по делам молодежи. Указом Главы РМ от 23 марта 1998 г. он был переименован в Государственный комитет РМ по делам молодежи, а 22 апреля 1998 г. вышло его официальное положение, которое в 2003 г. сменилось новым документом: «Об утверждении Положения о Государственном комитете Республики Мордовия по делам молодежи» от 9 июля 2003 г. № 319. Последняя его редакция датирована 2022 г., что свидетельствует об активной работе по внесению корректив в региональную молодежную политику в соответствии с потребностями молодежи.

В настоящее время основным субъектом реализации государственной молодежной

политики в регионе является Министерство спорта, молодежной политики и туризма Республики Мордовия. К основным вопросам ведения данного учреждения относятся:

а) разработка приоритетных направлений государственной молодежной политики в Республике Мордовия на основе изучения проблем и перспектив развития общества;

б) участие в разработке и осуществлении мер по созданию условий всестороннего развития молодежи и ее адаптации к самостоятельной жизни;

в) содействие развитию и поддержке молодежного предпринимательства;

г) осуществление поддержки молодой семьи, талантливой молодежи и молодежных организаций;

д) взаимодействие с республиканскими молодежными и детскими общественными объединениями и организациями.

Важной вехой истории молодежной политики в регионе стало принятие Закона Республики Мордовия от 12 ноября 1996 г. «О молодежной политике в Республике Мордовия»⁴. Данный нормативно-правовой акт претерпел три поправки: в 2008, 2019 и 2021 гг., которые непосредственно связаны с изменениями в потребностях молодежи региона.

Исходя из положения вышеуказанного нормативно-правового акта, а также на основании постановления Правительства Республики Мордовия от 23 апреля 1997 г. № 179 «О создании Государственного учреждения «Мордовский республиканский

² См.: Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» от 16 сентября 1992 г. № 1075 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 12. Ст. 924.

³ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-3329. Оп. 1. Д. 01-06. Л. 1–8.

⁴ См.: Закон Республики Мордовия от 12 ноября 1996 г. «О молодежной политике в Республике Мордовия». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=147007343&backlink=1&&nd=147003532>

молодежный центр»⁵ было сформировано Государственное учреждение «Мордовский республиканский молодежный центр». 15 февраля 2006 г. Государственным комитетом Республики Мордовия по делам молодежи был утвержден устав данного учреждения.

К основным целям и задачам данного учреждения относятся:

а) реализация государственной молодежной политики посредством решения социальных проблем детей и молодежи, защиты прав и законных интересов молодых граждан, организации их обучения, занятости и отдыха, формирования здорового образа жизни, а также путем поддержки молодой семьи, талантливой молодежи, молодежных и детских общественных объединений, воспитания гражданственности и патриотизма;

б) содействие социальному, культурному, духовному и интеллектуальному развитию подростков и молодежи;

в) реализация инновационного потенциала подростков и молодежи в интересах общественного и личного развития;

г) оказание помощи молодежи и подросткам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

д) оказание методической, юридической помощи в организации деятельности общественных организаций, разработке социальных технологий, направленных на социальную защиту молодежи, формирование условий для реализации потребностей и интересов молодежи в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни человека.

Для реализации поставленных выше целей данное учреждение активно работает по следующим направлениям:

а) ведение учебно-методической деятельности в области молодежной политики: проведение обучающих семинаров, курсов, диспутов, лекций, ролевых игр, круглых столов и т. д., для различных категорий граждан (педагогов, студенческого и школьного актива и др.);

б) поддержка талантливых подростков и молодежи, проведение олимпиад, научных конкурсов, интеллектуально-развивающих турниров, ролевых и социально-психологических игр;

в) оказание содействия в трудоустройстве молодежи, организация строительных, педагогических, разнопрофильных отрядов, поддержка экономических, научно-технических и бизнес-проектов молодежи (данное направление реализуется с 1 января 2007 г., после присоединения к рассматриваемому учреждению ГУ «Мордовская республиканская молодежная биржа труда»).

Нельзя не отметить, что постановлением Правительства № 453 от 1 октября 1998 г. была утверждена Программа «Молодежь Мордовии» (1998–2000 годы). Она стала региональным продолжением аналогичной программы «Молодежь России»⁶. Ее главной целью стало поддержание и развитие всех начинаний в сфере молодежной политики региона, не противоречащих законодательству. На реализацию программы были возложены большие надежды: ожидался эффект в сфере формирования нравственно-патриотического воспитания молодежи, воспитания в ней уважения к истории страны и ее отдельных регионов, к культуре и традициям народов России. Кроме того, предполагалось не только духовное развитие молодого поколения, но и его реализация в деловой сфере, повышение его само-

⁵ См.: Постановление Правительства РМ от 23 апреля 1997 г. «О создании Государственного учреждения «Мордовский республиканский молодежный центр». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=147006767&page=1&rdk=0#10

⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-3329. Оп. 1. Д. 01-03.

организации и квалификации, за счет чего решалась бы проблема трудовых ресурсов.

Заметную роль в воплощении вышеуказанных ожиданий играет МРМЦ. Он ведет свою деятельность по нескольким направлениям. За развитие возможностей молодежи в продвижении по карьерной лестнице отвечает созданный Центр карьеры республиканского Дома молодежи. В структуру МРМЦ входит АРТ-резиденция, где молодые люди могут реализовать свой творческий потенциал и получить финансовую поддержку. В целях улучшения жизни в регионе, касающегося не только молодежи, но и всего общества, проживающего в нем, было создано специальное направление для привлечения молодого поколения к раскрытию своих возможностей в среде социального проектирования.

Одним из наиболее известных направлений, реализующихся под ведомством МРМЦ, является добровольчество. Оно включает в себя помощь населению республики по различным отраслям: от спортивной до экологической. В целях реализации развития данного направления было создано несколько других подразделений, например региональный штаб #МЫВМЕСТЕ, для оказания различного рода поддержки военнослужащих и их семей, а также Ресурсный центр добровольчества на базе МГУ им. Н. П. Огарёва и некоторые другие.

К наиболее популярным в среде молодых людей можно отнести следующие молодежные общественные объединения, направленные на помощь обществу по различным вопросам:

а) МРОО «Ресурсный центр добровольчества». Данное движение реализуется не только на базе Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, но и на территории Рузаевского и Ковылкинского районов. В последние несколько лет большое внима-

ние данное направление уделяет сотрудничеству с фондом «Защитники Отечества», на базе которого организовывается помощь участникам специальной военной операции и их семьям;

б) АНО РЦД «Добро в Мордовии». Деятельность данной организации направлена на помощь социально уязвимым слоям населения, таким как дети-сироты, инвалиды и др.

В деятельность МРМЦ включена поддержка молодых семей с целью развития воспитательного пространства. Кроме того, создана служба «Молодежный телефон доверия», куда можно обратиться за неотложной психологической помощью. Формированием общественного мнения и культуры молодежи также занимается специальный отдел «Медиа».

Большое внимание уделено направлению «Молодежное самоуправление», в котором молодые люди республики могут реализовать потребности в сфере расширения вопросов молодежной политики. Кроме того, в Республике Мордовия благодаря деятельности МРМЦ развивается направление «Социальная активность», которое в большей степени направлено на развитие межкультурных и международных связей. Также актуальным является направление научного творчества, где молодые люди могут реализовать научный потенциал и развить профессиональные компетенции.

Нельзя не сказать о деятельности студенческих педагогических отрядов, действующих на базе Мордовского регионального отделения МООО «Российские Студенческие Отряды». Деятельность данного движения подразделяется на несколько направлений, куда входят:

- а) педагогические отряды (СПО);
- б) строительные отряды (ССО);
- в) сервисные отряды (ССерВО);
- г) отряды проводников (СОП);
- д) медицинские отряды (СМО).

Данные направления помогают молодым людям найти себя, решить вопросы с трудоустройством благодаря бесплатному обучению на базе высших учебных заведений республики.

Не менее важным направлением является патриотическое воспитание, которое реализуется при поддержке различных ведомственных организаций. Кроме того, данному направлению оказано большое внимание со стороны местных властей, исходя из чего Указом Главы РМ от 5 апреля 2018 г. № 141-УГ «Об образовании организационного комитета Республики Мордовия по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации»⁷ был сформирован Организационный комитет Республики Мордовия по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации. В функции данного комитета входит выстраивание единой линии связи с другими ответственными за патриотическое воспитание ведомствами и организация формирования единой государственной политики в этой сфере. Для реализации поставленных задач ведомство занимается планированием различного уровня патриотических мероприятий, привлечением общественных патриотических организаций к расширению деятельности комитета, а также разработкой мер по расширению сферы внимания поисковых отрядов.

Наиболее крупными молодежными общественными объединениями, оказывающими влияние на формирование исторической памяти в Республике Мордовия, на данный момент являются:

а) Мордовское региональное отделение Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия»;

б) Мордовское региональное отделение Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы»;

в) Мордовское республиканское патриотическое объединение «Поиск».

Поисковики ведут активную деятельность сразу по нескольким направлениям: выезжают в экспедиции на места боевых действий с целью поиска останков советских солдат, погибших в боях, а также работают над их опознанием. Всего за время работы было найдено более 4 000 чел., опознано порядка 1 400 бойцов.

Перечисленные выше молодежные общественные объединения республики входят в состав одной большой организации – Республиканского гражданско-патриотического центра. В его функции входит формирование уважительного отношения к истории нашей страны, к личностям, создающим нашу историю и погибшим за нее, таким как защитники Отечества.

Заметный вклад в воспитание подрастающего поколения вносит достаточно новое (действует с 2023 г.), но быстро набирающее популярность Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых». К началу 2025 г. в Мордовии насчитывалось более 350 первичных отделений. Деятельность «Движения первых» обширна и включает в себя воспитание молодого поколения. На базе учебных заведений республики проходят мероприятия, приуроченные к важным датам местного и российского значения, где формируются важные компетенции, направленные на развитие гражданственности у молодого поколения.

Указом Главы РМ от 6 апреля 2022 г. № 123-УГ «О молодежном правительстве

⁷ См.: Указ Главы РМ от 5 апреля 2018 г. «Об образовании организационного комитета Республики Мордовия по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1300201804100001>

Республики Мордовия»⁸ для повышения политической активности молодежи и реализации ГМП был создан специальный орган – Молодежное правительство Республики Мордовия. Данное ведомство имеет право отбирать из политически активной молодежи лидеров, а также продвигать и реализовывать их идеи в виде нового молодежного законодательства.

Нельзя не отметить, что не только столица Республики Мордовия известна своими организациями, направленными на решение политических вопросов в среде молодежи. Перечисленные документы действуют на всей территории региона, поэтому в районах также имеются общественные образования, которые напрямую влияют на реализацию всех вышеупомянутых структур.

Обсуждение и заключение

Молодежная политика является приоритетным направлением России. Каждый регион нашей страны стремится реализовать ее как можно качественнее, создавая комфортные условия для проживания и развития молодежи, которые способствовали бы ее активному гражданскому, карьерному и личностному совершенствованию. Стратегия, внедряемая отдельными регионами России, формирует целостную систему по вопросам государственной политики и ее реализации. Республика Мордовия не является исключением.

На основе анализа основных нормативно-правовых актов местного значения были выявлены основные тенденции развития молодежной политики в исследуемом регионе в постсоветский период.

Большое внимание уделяется системе управления в сфере молодежной политики. Власти республики стремятся к созданию

условий, в которых молодое поколение будет вести активную деятельность, направленную на сотрудничество с государством, исходя из чего было создано множество учреждений, помогающих молодежи найти себя и применить свои возможности на практике. Кроме того, местные власти пытаются не только привлечь молодежь к выработке общественно важных решений, но и передают часть полномочий в руки молодежного самоуправления.

Тенденция, направленная на развитие патриотического воспитания молодежи, также играет большую роль. Кроме того, в рамках данного направления происходит формирование уважения к большой и малой родине, к своей истории, культуре и традициям других народов.

Еще одним важным вектором молодежной политики на основании нормативно-правовых актов является формирование квалифицированных кадров, решение проблем с трудоустройством и реализацией себя как личности.

По подсчетам Мордовиястата, на середину 2024 г. численность молодого поколения Мордовии увеличилось до 24 %, в сравнении с 2020 г., когда общее число молодых людей составило 17 % от общей численности населения. Полученные данные свидетельствуют о достаточном росте численности молодого поколения в республике, что, несомненно, не может не оказывать влияние на проводимую государственную и региональную политику в сфере трудоустройства.

Также правительство республики активно поддерживает молодежные инициативы и проекты для решения проблем не только молодого населения Мордовии, но и всего общества в целом. Активно раз-

⁸ См.: Указ Главы РМ от 6 апреля 2022 г. «О молодежном правительстве Республики Мордовия» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202204110002>

вивается пропаганда волонтерской деятельности в молодежной среде. Несмотря на ряд положительных тенденций в развитии государственной молодежной политики в регионах России, в большей степени молодежь остается недовольна своим положением и несбалансированной политикой государства. По большей степени это связано со сложившейся негативно-психологической атмосферой

в среде молодых людей по отношению к власти и ее бюрократизму. Данное положение можно преломить лишь дальнейшим усовершенствованием ГМП как на федеральном, региональном, так и на общественном уровне. Однако статистика показывает, что правительство взяло верный курс на реализацию молодежной политики и дальнейшая ее разработка может принести положительный эффект.

Список источников

1. Балыкова Е. В. Молодежь в политической жизни региона // Регионология. 2009. № 1. С. 240–248.
2. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 694 с.
3. Корнишина Г. А., Комаров К. В. Этапы становления молодежной политики финно-угорских регионов Урало-Поволжья в конце XX – начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2013. № 3. С. 53–57.
4. Кочкаева Е. Д. Реализация молодежной политики в Республике Мордовия // Научный формат. 2020. № 6. С. 1–12.
5. Луков В. А., Луков С. В., Погорский Э. К. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. 2014. № 2. С. 6–18.
6. Меркулов П. А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 646 с.
7. Меркулов П. А., Елисеев А. Л. Региональная государственная молодежная политика: проблемы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 87–100. DOI: 10.24411/2070-1381-2015-00060.
8. Сычев А. А., Борисов Д. М. Оценка миграционного настроения молодежи в регионе (на примере Республики Мордовия) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 11. С. 163–173. DOI:10.12731/2218-7405-2015-11-14.
9. Чупров В. И. Современная молодежная политика: что принять за «норму» развития // Социально-политический журнал. 1994. № 7–8. С. 144–154.

References

1. Balykova E. V. Youth in political life of the region. *Regionologia* = Russian Journal of Regional Studies. 2009. No. 1. P. 240–248. (In Russ.)
2. Ilinskiy I. M. Youth and youth policy: Philosophy. History. Theory. Moscow, Golos Publ. 694 p. (In Russ.)
3. Kornishina G. A., Komarov K. V. Stages of formation of the youth policy of the Finno-Ugric regions of Ural-Volga region in the late XX – early XXI century. *Finno-Ugorskiy mir* = Finno-Ugric World. 2013. No. 3. P. 53–57. (In Russ.)
4. Kochkaeva E. D. Implementation of youth policy in the Republic of Mordovia. *Nauchniy format* = Scientific format. 2020. No. 6 (9). P. 1–12. (In Russ.)
5. Lukov V. A., Lukov S. V., Pogorskiy E. K. State Youth Policy: Russian and World Practice of Realizing the Innovative Potential of New Generations in Society. *PolitBook* = PolitBook. 2014. No. 2. P. 6–18. (In Russ.)

6. *Merkulov P. A.* Historical experience of development and implementation of state youth policy in Russia: the second half of the 19th century – the beginning of the 21st century: Diss. ... Cand. of History. Moscow, 2014. 646 p. (In Russ.)
7. *Merkulov P. A., Eliseev A. L.* Regional state youth policy: problems and prospects. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* = Public administration. Electronic Bulletin. 2015; 52: 87–100. Doi:10.24411/2070-1381-2015-00060. (In Russ.)
8. *Sychev A. A., Borisov D. M.* Assessment of the migration mood of young people in the region (on the example of the Republic of Mordovia). *Sovremennye issledovaniya socialnykh problem* = Modern Studies of Social Problems. 2015; 11(55): 163–173. (In Russ.). DOI:10.12731/2218-7405-2015-11-14.
9. *Chuprov V. I.* Modern youth policy: what to accept as the norm of development. *Socialno-politicheskiy jurnal* = Social and political journal. 1994; 7-8: 144–154. (In Russ.)

Поступила 18.01.2025.

Сведения об авторе

Никитина Елена Владимировна – аспирант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: молодежные объединения, молодежная политика. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6708-3152>.

E-mail: vertyshka2000@mail.ru

Submitted 18.01.2025.

About the author

Alena V. Nikitina – postgraduate student, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: youth associations, youth policy. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6708-3152>.

E-mail: vertyshka2000@mail.ru

Д. К. Стожко¹, К. П. Стожко², И. А. Стихина³

¹ *Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: d.k.stozhko@mail.ru*

² *Уральский государственный аграрный университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: kostskp@mail.ru*

³ *Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: aniris.irina@yandex.ru*

Феномен хозяйственной деятельности в пространстве социальной онтологии

Аннотация

Введение. Целью исследования являются компаративный анализ и философская репрезентация социально-онтологического пространства современной хозяйственной деятельности. Задачами исследования являются: компаративный анализ философского и социально-экономического контента пространства хозяйственной деятельности; критический анализ имеющихся в современной науке подходов к определению сущности и характера пространства хозяйственной деятельности; реконструкция исходной теоретико-методологической матрицы для моделирования пространства хозяйственной деятельности.

Материалы и методы. В исследовании использованы диалектический, аксиологический, институциональный, социокультурный, теоретико-методологический подходы к изучению пространства хозяйственной деятельности, методы анализа, синтеза, исторической ретроспекции и герменевтики.

Результаты исследования. В статье поставлена и рассмотрена проблема научного определения социально-онтологического пространства хозяйственной деятельности; обобщены существующие в современной науке теоретико-методологические подходы и определения пространства хозяйственной деятельности; раскрыты особенности социально-философского и теоретико-экономического представлений о пространстве хозяйственной деятельности, значимость ценностного, этического взгляда на формирование и развитие этого пространства; предложен матричный подход к философской реконструкции и репрезентации пространства хозяйственной деятельности, сочетающий разные уровни социальной онтологии и ключевые ценности хозяйственной деятельности человека.

Обсуждение и заключение. С учетом разных представлений о пространстве и характере хозяйственной деятельности (С. Н. Булгаков, М. Вебер, Т. Веблен, Р. Инглхарт, П. Кругман,

Дж. С. Милль, Н. Н. Моисеев, М. Фудрита и др.), а также на основе современной типологии общества, представленной в сочинениях У. Бека, З. Бжезинского, Ж. Бодрийяра, Д. Бэлла, Г. Дебора, Д. К. Гэлбрейта, А. Камю и др., выявлен полиморфизм пространства современной хозяйственной деятельности как характеристики новой социальной реальности.

Ключевые слова: интересы, потребности, пространство хозяйственной деятельности, социальная онтология, философия хозяйства, хозяйство, хозяйственная деятельность, хозяйственные отношения.

Для цитирования: Стожко Д. К., Стожко К. П., Стихина И. А. Феномен хозяйственной деятельности в пространстве социальной онтологии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 139–150. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.139-150.

Dmitrii K. Stozhko¹, Konstantin P. Stozhko², Irina A. Stihina³

¹ Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia), e-mail: d.k.stozhko@mail.ru

² Ural State Agrarian University (Ekaterinburg, Russia), e-mail: kostskp@mail.ru

³ Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia), e-mail: aniris.irina@yandex.ru

The Phenomenon of Economic Activity in the Space of Social Ontology

Abstract

Introduction. The aim of the study is a comparative analysis and philosophical representation of the socio-ontological space of modern economic activity. The objectives of the study are: comparative analysis of the philosophical and socio-economic content of the space of economic activity; critical analysis of the approaches to defining the essence and nature of the space of economic activity available in modern science; reconstruction of the initial theoretical and methodological matrix for modeling the space of economic activity.

Materials and Methods. The study used dialectical, axiological, institutional, socio-cultural, theoretical and methodological approaches to studying the space of economic activity, methods of analysis, synthesis, historical retrospection and hermeneutics.

Results. The article poses and considers the problem of scientific definition of the socio-ontological space of economic activity; summarizes the theoretical and methodological approaches and definitions of the space of economic activity existing in modern science; reveals the features of the socio-philosophical and theoretical and economic ideas about the space of economic activity, the importance of the value, ethical view on the formation and development of this space; A matrix approach to the philosophical reconstruction and representation of the space of economic activity is proposed, combining different levels of social ontology and key values of human economic activity.

Discussions and Conclusion. Taking into account different ideas about the space and nature of economic activity (S. N. Bulgakov, M. Weber, T. Veblen, R. Inglehart, P. Krugman, J. S. Mill, N. N. Moiseyev, M. Fudrita, etc.), as well as on the basis of the existing (modern) typology of society presented in the works of W. Beck, Z. Brzezinski, J. Baudrillard, D. Bell, G. Debord, D. K. Galbraith, A. Camus, etc., the polymorphism of the space of modern economic activity as a characteristic of the new social reality is revealed.

Keywords: interests, needs, space of economic activity, social ontology, philosophy of economy, economy, economic activity, economic relations.

For citation: Stozhko D. K., Stozhko K. P., Stihina I. A. The Phenomenon of Economic Activity in the Space of Social Ontology. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 139–150. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.139-150.

Введение

Социально-философский взгляд на хозяйственную деятельность предполагает исследование онтологических, прежде всего социально-пространственных, ее координат. Вне пространства любой предмет исследования, как «вещь в себе», несоотносимый ни с чем, в принципе остается непознаваемым (И. Кант). Он (предмет исследования) должен стать «вещью в ее инобытии», получить свою репрезентацию в социальном пространстве (пространстве социальной онтологии). И только сравнение с ним дает надежду на то, что человеку удастся разгадать смысл предмета (явления). Как говорил Ф. Ницше, «все познается в сравнении».

Целью исследования являются сравнительный анализ и философская репрезентация социально-онтологического пространства современной хозяйственной деятельности на основе существующих в науке представлений и с учетом новой реальности.

Материалы и методы

Социальное пространство как социально-онтологическое измерение человеческого бытия, его жизни правомерно рассматривать через деятельность, на основе деятельностного подхода, поскольку жизнь сама по себе есть деятельность, и не только подсознательная, рефлексивно-инстинктивная деятельность нашего биологического организма (тела) или нашей психики, но и в первую очередь сознательная деятельность человека как социального и духовного существа, наделенного разумом, способностью к мышлению и рассуждению.

В работе использованы диалектический, аксиологический, институциональный, социокультурный, сравнительный подходы, позволяющие осуществить сравнительный анализ исследуемой проблемы.

Результаты исследования

Социально-онтологическое простран-

ство хозяйственной деятельности не имеет универсального и однозначного представления в научных исследованиях; оно характеризовалось прежде и до сих пор характеризуется разными авторами по-разному – как в нашей стране [1–5; 7; 10; 15; 17; 20; 21; 23; 30], так и за рубежом [6; 11; 22; 24–26]. Одни авторы сводят социально-онтологическое пространство хозяйственной деятельности к конкретным сферам хозяйственной жизни, например к обмену (Дж. С. Милль), потреблению (Ж. Бодрийяр); науке и образованию (С. Д. Бодрунов); другие используют географический детерминизм и понятие пространственной экономики (П. Кругман, М. Фудзита), различая мировое, национальное, региональное и территориальное (местное) пространства хозяйственной практики (М. А. Батов, А. С. Иванов и др.). Третьи рассматривают социально-онтологическое пространство хозяйственной деятельности с позиций ценностного (С. Н. Булгаков, М. Вебер, Р. Инглхарт, Н. Н. Моисеев и др.) или институционального (Т. Веблен, Б. Латур, Д. Норт, В. Нисканен и др.) подходов.

Такой разброс оценок и суждений по данному вопросу связан с тем, что онтологическая основа хозяйственной деятельности лежит в области противоречия между ее конечностью и бесконечностью и обусловлена постоянным стремлением человека выйти за пределы самого себя, открыть и освоить новые уровни онтологии. Многие философские школы и направления (структурализм, бихевиоризм, экзистенциализм и др.), откликаясь на это стремление, пытались исследовать «новые горизонты», правда, в основном отвлекаясь, абстрактно, с позиций «чистой философии», без обращения к хозяйственной деятельности человека. Объяснялось это самыми разными причинами и обстоятельствами, но при этом порождало разные иллюзии и имитации, что привело к переформатированию совре-

менного общества из «общества изобилия» (Дж. К. Гэлбрейт) в «общество спектакля» (Г. Дебор).

Казалось бы, по мере удовлетворения своих интересов и потребностей человек (человечество) в какой-то момент времени могло бы и обойтись без хозяйственной деятельности, но это – иллюзия, поскольку интересы и потребности людей также постоянно развиваются и не имеют конца. Нельзя, например, сразу и навсегда насытиться или напиться, как невозможно раз и навсегда прекратить занятия хозяйственной деятельностью. «Для человеческого бытия характерно сочетание ограниченности и установки на выход за пределы границ. Умозрение этого напряжения происходит уже в религиозном сознании» [30, с. 60]. Именно поэтому философский подход к хозяйственной деятельности «основан на ее трансцендентном понимании, поскольку полагание границы выступает здесь в качестве субстанциального атрибута Бога-Творца. Сам акт творения есть полагание границ, утверждение различия» [30, с. 60].

Необходимость хозяйственной деятельности изначально была обусловлена границами и необходимостью в ней теологически. Религиозный вариант этой обусловленности зафиксирован в Священном Писании, где сказано: «В поте лица своего будешь иметь хлеб свой» (Бытие 3:19). Более того, необходимость заниматься хозяйственной деятельностью в религиозном сознании человека была неразрывно связана с необходимостью трудиться (трудовой деятельностью), а труд трактовался как наказание за первородный грех человека и следствие его изгнания из рая (Эдема). Одновременно «труд является даром от Бога, и для Его людей он будет благословенным» (Екклесиаст 3: 12–13).

В настоящее время рамки границ и необходимости для хозяйственной деятельности существенно расширяются. Переход

к новому технологическому укладу и современная (четвертая) промышленная (научно-техническая) революция стали полигоном для конструирования и предметного использования техносферы и техноструктур. Появилось сначала «постиндустриальное общество» (Д. Бэлл), «технотронное общество» (З. Бжезинский), которое в настоящее время уже превратилось в «общество риска» (У. Бек), «общество абсурда» (А. Камю), «общество потребления» (Ж. Бодрийяр), «общество спектакля» (Г. Дебор). Однако при расширении границ и свободы хозяйственной деятельности она оказалась в ситуации «научного кризиса» или, иными словами, в проблемном поле онтологии как таковой. «Весьма симптоматично, что наиболее остро проблема “онтологии” (в форме соответствия между теорией и описываемой ею реальностью) стоит именно в тех науках, где господствуют формальные методы репрезентации знания» [20]. Онтологическая проблема экономической науки и изучаемой ею хозяйственной деятельностью состоит по большому счету в несоответствии формальных (теоретических) знаний и самой хозяйственной практики. Так, в экономической теории ученые оперируют категориями «свободная рыночная экономика», «свободная конкуренция» и т. д., но никаких свободных «рыночных экономик» и никакой «свободной» конкуренции давно уже нет. Были ли они прежде – также серьезный вопрос для истории и философии хозяйства.

Однако философия, которая сегодня находится в глубоком кризисе [12; 13; 16; 18; 29], задает «онтологическую проблему» для философского осмысления хозяйственной деятельности и общественных отношений. Общепринятого понимания сущности онтологии, как оказалось, нет. «Ее значение стало все более многозначным и размытым. Под “онтологией” понимают и мировоззрение, и “картину мира”, и “базовые предпо-

сылки некоторой дисциплины”, и “ядро” той или иной научной традиции, парадигмы, исследовательской программы, и базовую модель описания знания (предметной области), и совокупность категорий и понятий, описывающих некую предметную область». Кроме того, онтологию понимают как учение о бытии [20].

Отмечая наступление момента осознания ограниченности, оторванности от реальности и бессилия современной экономической теории разрешить узловые вопросы хозяйственного бытия, Ю. М. Осипов справедливо видит возможность изменения ситуации в обращении к философии хозяйства, т. е. в конкретизации социальной философии и выборе хозяйственной деятельности в качестве предмета (объекта) философской рефлексии. Он определяет смысл хозяйственной деятельности следующим образом: «Хозяйствовать – обеспечивать организм жизнью посредством внешней жизнедеятельности организма. Хозяйствовать – быть в мире, жить в мире, иметь дело с миром. Мир-действовать. Поэтому-то бытие и есть хозяйство, и жизнь тоже хозяйство. Хозяйствовать – споспешествовать организму в его выживании. Делать жизнь. Жизнь, конечно, не во всем есть хозяйство, но жизни вообще нет без того, чтобы жизнь не была бы в основе хозяйством. Отсюда жизнь – это хозяйство, а хозяйство – это жизнь, хотя жизнь как феномен шире хозяйства, содержательнее, многоцветнее» [27, с. 4, 12].

Так что же представляет собой социально-онтологическое пространство хозяйственной деятельности? Проблема исследования хозяйственного (или, как чаще всего его называют, экономического) пространства получила развитие в последние десятилетия в связи с тем, что тематика такого пространственного исследования приобрела особую актуальность и популярность. Для такой огромной страны, как

Российская Федерация, пространственный фактор играл и продолжает играть очень важную роль в организации и осуществлении хозяйственной деятельности. Считается, что «экономическое пространство представляет собой некую абстракцию, посредством которой специалисты пытаются раскрыть некоторые особенности восприятия реального мира и показать, как можно с ее помощью его (окружающий мир) изучать и преобразовывать» [10, с. 56]. Исследователи выделяют разные форматы экономического пространства, или пространства хозяйственной деятельности: ойкумена, национальное хозяйство, макрорегион, макроэкономика, мезоэкономика, регион, микроэкономика, территория и т. д. При этом в философии «под пространством понимается форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах» [31, с. 541]. Что касается экономической науки, то здесь сложились разные толкования хозяйственного (экономического) пространства: оно представляется то как «поле взаимосвязи хозяйствующих субъектов» [15], то как «место воспроизводства системы жизнедеятельности человека» [4], то в качестве «формы координации (организации) и позиционирования социальных отношений» [10]. Во многом аналогичными являются и другие концепты такого пространства: «ноосфера» (В. И. Вернадский), «биосфера» (Э. Зюсс), «пневмосфера» (П. А. Флоренский), «техносфера» (П. Хафф) и т. д.

Представляется, что «водоразделом» в понимании пространства хозяйственной деятельности (экономического пространства) между социальной философией и экономической теорией в первом случае служит представление о пространстве как о сфере социального бытия субъектов хозяйственной деятельности, а во втором случае – как о сфере их географического (природного и

надприродного) существования. Неслучайно большинство авторов из числа экономистов употребляют при оценке пространства понятия «территория», «регион», «макро-регион», «край», «география», «ландшафт» и др. Большинство авторов философских работ используют понятия «социальная область», «сфера социальных отношений», «социальное взаимодействие», «субъекты социальных – хозяйственных отношений» и т. д. Представляется более справедливым использовать в социально-философском анализе именно второй (философский) контент. Поскольку предметом исследования является хозяйственная деятельность, необходимо учитывать ее экономический контент. В этом отношении диалектика как логика и теория познания позволяет, как представляется, более системно и последовательно сопоставлять, сочетать, соединять, соразмерять и использовать философский и экономический дискурс для осмысления хозяйственной деятельности и общественных отношений.

Конечно, философское исследование пространства хозяйственной деятельности нельзя осуществлять без ценностного, этического анализа тех мотивов, которыми руководствуются субъекты хозяйственной деятельности. В формате предварительного замечания можно предложить в качестве философской реконструкции несколько исходных трехмерных теоретико-методологических матриц, которые бы позволяли более конкретно осмысливать и оценивать пространство хозяйственной деятельности. Первой из таких теоретико-методологических матриц могла бы стать та, которая учитывала бы при моделировании пространства хозяйственной деятельности:

- а) конкретные уровни социальной онтологии («Я – Я», «Я – Ты», «Я – Мы», «Я – Они», «Я – Все», «Я – Космос»);
- б) конкретные (для начала фундаментальные) ценности (принципы) хозяйственной

деятельности (принцип эквивалентного обмена результатами хозяйственной деятельности Аристотеля; принцип «не навреди» Гиппократата, золотое правило этики Конфуция – Канта; принцип сохранения жизни Г. Йоханса и др.); в) конкретные общественные (производственные, экономические) отношения (отношения собственности, трудовые отношения, отношения обмена, распределения, потребления, управления, административно-хозяйственной подчиненности, специализации, кооперации и т. д.). Полный перечень этих критериев, которые можно было бы разнести по сторонам (граням) такого модельного «куба», может быть определен институционально, в качестве нормативных, правовых, законодательных предписаний (при составлении уставов предприятий, утверждении их корпоративной социальной отчетности, разработке должностных обязанностей и др.).

Второй исходной теоретико-методологической матрицей для моделирования пространства хозяйственной деятельности могут служить также три набора критериев: а) конкретные уровни социальной онтологии («Я – Я», «Я – Ты», «Я – Мы», «Я – Они», «Я – Все», «Я – Космос»); б) конкретные параметры времени, определяющие хозяйственную деятельность (однократность, краткосрочность, среднесрочность, долгосрочность, бессрочность, цикличность и др.); в) конкретные (для начала фундаментальные) ценности (принципы) хозяйственной деятельности (принцип эквивалентного обмена результатами хозяйственной деятельности Аристотеля; принцип «не навреди» Гиппократата, золотое правило этики Конфуция – Канта; принцип сохранения жизни Г. Йоханса и др. В этой матрице новым звеном выступает время и его параметры. Наконец, в третьей исходной теоретико-методологической матрице для моделирования «пространства хозяйственной деятельности»

могут быть использованы: а) конкретные уровни социальной онтологии («Я – Я», «Я – Ты», «Я – Мы», «Я – Они», «Я – Все», «Я – Космос»); б) конкретные параметры времени, определяющие хозяйственную деятельность (однократность, краткосрочность, среднесрочность, долгосрочность, бессрочность, цикличность); в) конкретные общественные (производственные, экономические) отношения (отношения собственности, трудовые отношения, отношения обмена, распределения, потребления, управления, административно-хозяйственной подчиненности, специализации, кооперации и т. д.). В этой матрице постоянным звеном остаются уровни социальной онтологии, а инновационным звеном оказываются общественные (конкретные производственные, экономические) отношения. Поскольку постоянный критерий – уровни социальной онтологии при моделировании пространства хозяйственной деятельности – не учитывать нельзя (так как без этого пространство хозяйственной деятельности кодифицировать, артикулировать и реконструировать оказывается невозможным), постольку число исходных теоретико-методологических матриц (ТММ) в данной случае ограничено тремя вариантами.

Подчеркнем, что речь идет о социально-философском моделировании, поскольку технико-технологическое моделирование имеет свои особенности и свои собственные основания. Смысл такого социально-философского моделирования онтологического пространства хозяйственной деятельности состоит в более детальном и конкретном осмыслении и понимании места и роли в нем человека как субъекта этой деятельности, а также характера и роли системы общественных отношений и их диалектической взаимосвязи с хозяйственной деятельностью. Здесь важно определиться с принципиальным положением, согласно которому хозяйственная деятельность

и общественные отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Представление о том, что исключительно хозяйственная деятельность формирует (детерминирует) общественные отношения или что общественные отношения исключительно формируют (детерминируют) хозяйственную деятельность, будет односторонним в силу существующего в реальности их диалектического и одновременно противоречивого единства. Хозяйственные отношения в той мере определяют характер, структуру и содержание системы общественных отношений, в какой эта система оказывает влияние на структуру, содержание и характер хозяйственной деятельности.

Обсуждение и заключение

Начиная с Домостроя (XVI в.) представления о хозяйственной деятельности и ее социально-онтологическом пространстве развивались по четырем основным направлениям: по вопросам «духовного строения», «мирского строения», «домового строения» и профилактического («лечебного») устройства. Решающее значение в Домострое отводилось духовным основаниям хозяйственной деятельности; в гораздо меньшей степени в нем были освещены вопросы домашнего, ремесленного, натурального и мелкотоварного хозяйства, что вполне объяснимо в силу существовавших в то время организационно-правовых и социально-экономических форм хозяйственной организации [14]. В настоящее время, в условиях формирования новой реальности, трансформации ценностных систем и переформатирования многих прежних организационно-правовых и социально-экономических институтов, значение научного исследования социально-онтологического пространства хозяйственной деятельности в контексте ценностного мышления неуклонно возрастает.

В свое время С. Н. Булгаков следующим образом описал социально-онтологическое

пространство хозяйственной деятельности: «Существует нечто подобное социальному организму... и хотя это социальное тело не поддается восприятию органов наших непосредственных чувств и прячется от них как будто в четвертое измерение, но оно может быть нащупано и там научным инструментом, и неосвязаемость этого социального тела сама по себе отнюдь не есть аргумент против его существования» [9, с. 193]. Такое «социальное тело» в сфере хозяйственной практики человека образуют социальные институты, которые являются опредмеченными ценностями (институтами) и посредством которых человек определяет направленность и целеполагание в хозяйственной деятельности, выстраивает систему общественных отношений. Именно это обстоятельство позволяет говорить о нравственной экономике [28]. Внимание к этому аспекту философии хозяйства – социально-онтологическому пространству хозяйственной деятельности – возрастает, особенно с учетом (пониманием) специфики социальной онтологии в философском осмыслении феномена хозяйственной деятельности [8] и так называемого онтологического поворота современной философии [19].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. В условиях формирования и развития новой реальности (НР) существенно изменяется пространство социальной онтологии, что является одним из ключевых признаков самого процесса формирования НР. Это относится в первую очередь к хозяйственной деятельности человека, поскольку, понимаемая в широком смысле слова как процесс духовного и материального воспроизводства жизни, она охватывает практически все сферы его существования и непосредственно затрагивает систему общественных отношений.

2. Важными особенностями современного социально-онтологического простран-

ства хозяйственной деятельности являются его расширение, появление новых областей для хозяйственной практики, а также ускорение практически всех экономических процессов, повышение экономической динамики в развитии глобальной и национальной экономики.

3. Трансформация социально-онтологического пространства современной хозяйственной деятельности в первые три десятилетия XXI в. происходит в рамках понижательной фазы очередной длинной волны социально-экономического цикла (Н. Д. Кондратьев), что накладывает отпечаток на постановку и решение любых макроэкономических проблем, поскольку, с одной стороны, тренд к понижению способствует определенному торможению в развитии современной экономики, а с другой – достижения современной научно-технической революции (компьютеризация, цифровизация, создание искусственного интеллекта и др.), наоборот, способствуют ускорению такого развития.

4. Исследование внутренней «анатомии» (или, точнее, «дихотомии») такого противоречивого состояния социально-онтологического пространства современной хозяйственной деятельности требует учета и анализа двух главных тенденций в ее развитии: с одной стороны, центристской тенденции, способствующей концентрации производства и капиталов, централизации системы управления в экономике; а с другой – центробежной тенденции, направленной на трансформацию прежних, традиционных организационно-правовых и политико-экономических конструкций в системе хозяйственной практики, фрагментацию хозяйствования как единого целенаправленного процесса, либерализацию хозяйственной деятельности (расширение экономической свободы, трансформация отношений собственности, развитие практики рабочего самоуправления, индивидуального

предпринимательства, удаленной занятости, самозанятости и т. д.).

5. Проявлением названной «дихотомии» является растущее несоответствие теоретических (научных) представлений о хозяйственной деятельности и ее реальной трансформации в условиях НР, что вызывает необходимость креативного переосмысления накопленного гуманитарной и экономической наукой опыта, а также перестройки всей системы гуманитарного и экономического образо-

вания, и адаптация этого накопленного опыта к принципиально новым условиям, а именно: условиям постоянно растущих рисков, высокой степени социальной и макроэкономической неопределенности и турбулентности, становящимся новой нормальностью. От такого переосмысления во многом зависит сохранение прогностической функции гуманитарной науки и эффективность предлагаемых ею моделей и концепций развития на ближайшую перспективу.

Список источников

1. *Анисимов О. С.* Организационные онтологии и анализ систем деятельности (А. А. Богданов и современная методология). М.: ФГОУ РосАКО АПК, 2002. 532 с.
2. *Астапенко М. С.* Теории и концепции пространственной экономики // Вестник евразийской науки. Интернет-журнал. 2018. № 1. С. 2.
3. *Ахундов М. Д.* Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. 223 с.
4. *Батов Г. Х.* Экономическое пространство: проблемы становления в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2014. Т. 369, № 42. С. 2–11.
5. *Богатов М. А.* Онтологические начала политики и экономики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2014. Т. 16, № 2. С. 91–98.
6. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: АСТ, 2023. 384 с.
7. *Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
8. *Букин Д. Н., Волохова Н. В.* Специфика современного социально-онтологического исследования: теория и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 1, № 13. С. 249–259.
9. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
10. *Василенко В. Н.* Экономическое пространство и формы пространственной организации хозяйства и населения // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Общественные науки. 2017. Т. 32, № 3. С. 55–63.
11. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: АСТ, 2022. 416 с.
12. *Гобозов И. А.* Кризис современной эпохи и философия постмодернизма // Философия и общество. 2000. Т. 19, № 2. С. 88–98.
13. *Гусев Е. А.* Кризис современной философской мысли // Научные проблемы водного транспорта. 2014. № 39. С. 47–50.
14. Домострой. СПб.: Наука, 2000. 399 с.
15. *Иванов А. С.* Экономическое пространство макрорегионов: методологические аспекты внешнеэкономической деятельности // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2012. Т. 103, № 16. С. 157–161.
16. *Ильин В. В.* Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 1. С. 3–17.
17. *Инишаков О. В., Фролов Д. П.* Институциональность пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5–21.
18. *Керимов В. Е.* Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 89–98.
19. *Керимов Т.* «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 109–130.

20. Кошовец О. Б., Фролов И. Э. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно-реализуемой онтологии // Теоретическая экономика: онтологии и этика: сб. М., 2013. № 1. С. 27–111.
21. Лаженцев В. Н. Пространственная экономика как исследовательская программа (о книге П. А. Минакира, А. Н. Демьяненко «Очерки по пространственной экономике») // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 180–188.
22. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014. 384 с.
23. Латушко Н. А. Пространственная экономика: обзор представлений в современных зарубежных исследованиях (теоретический аспект). URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2017/Latushko.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
24. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М.: Reeff-book, 1994. 368 с.
25. Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. 1 040 с.
26. Нисканен В. А. Особая экономика бюрократии // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб., 2004. С. 477–494.
27. Осипов Ю. М. Курс философии хозяйства. М.: Изд-во МГУ, 2005. 320 с.
28. Привалов Н. Г. Философия хозяйства. Нравственная экономика. М.: ИНФРА-М, 2025. 212 с.
29. Труфанов С. Н. О кризисе в современной философии или «кто мыслит абстрактно»? // Ценности и смыслы. 2009. № 2. С. 126–143.
30. Фаритов В. Т., Балаклеец Н. А. Онтология права и хозяйства (постметафизические тенденции в учениях Г. В. Ф. Гегеля и С. Н. Булгакова) // Философская мысль. 2018. № 12. С. 59–71.
31. Философский энциклопедический словарь / ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

References

1. Anisimov O. S. Organizational ontologies and analysis of activity systems (A. A. Bogdanov and modern methodology). Moscow, 2002, 532 p. (In Russ.)
2. Astapenko M. S. Theories and concepts of spatial economics. *Vestnik evrazijskoi nauki. Internet-zhurnal* = Bulletin of Eurasian science. Online journal. 2018; 1: 2. (In Russ.)
3. Akhundov M. D. The concept of space and time: origins, evolution, prospects. Moscow, 1982, 223 p. (In Russ.)
4. Batov G. H. Economic space: problems of formation in the region. *Regional'naja ekonomika: teoriia i praktika* = Regional economy: theory and practice. 2014; 42(369): 2–11. (In Russ.)
5. Bogatov M. A. Ontological principles of politics and economics. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofija. Filologija* = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology. 2014; 2(16): 91–98. (In Russ.)
6. Baudrillard J. Consumer society. Moscow, 2023, 384 p. (In Russ.)
7. Bodrunov S. D. Noonomics. Moscow, 2018, 432 p. (In Russ.)
8. Bukin D. N., Volokhova N. V. Specifics of modern socio-ontological research: theory and practice. *Izvestija Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologija. Menedzhment* = Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2023; 13 (1): 249–259. (In Russ.)
9. Bulgakov S. N. Philosophy of Economics. Moscow, 1990, 412 p. (In Russ.)
10. Vasilenko V. N. Economic space and forms of spatial organization of the economy and population. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* = Bulletin of the Dagestan State University. Series: Social Sciences. 2017; 3(32): 55–63. (In Russ.)
11. Veblen T. Theory of the leisure class. Moscow, 2022, 416 p. (In Russ.)
12. Gobozov I. A. The Crisis of the Modern Era and the Philosophy of Postmodernism. *Filosofija i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2000; 2(19): 88–98. (In Russ.)
13. Gusev E. A. The Crisis of Modern Philosophical Thought. *Nauchnye problemy vodnogo transporta* = Scientific Problems of Water Transport. 2014; 39: 47–50. (In Russ.)

14. Domostroy. St. Petersburg, 2000, 399 p. (In Russ.)
15. Ivanov A. S. Economic space of macroregions: methodological aspects of foreign economic activity. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = Bulletin of Volgograd State Technical University. 2012; 16 (103): 157–161. (In Russ.)
16. Ilyin V. V. Philosophy of Crisis: Humanity's Self-Awareness in the Era of Catastrophic Changes. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 1(10): 3–17. (In Russ.)
17. Inshakov O. V., Frolov D. P. Institutionalism of space in the concept of spatial economics. *Prostranstvennaia ekonomika* = Spatial economics. 2007; 1: 5–21. (In Russ.)
18. Kerimov T. "Ontological turn" in the social sciences: the return of epistemology. *Sotsiologicheskoe obozrenie* = Sociological Review. 2022; 1 (21): 109–130. (In Russ.)
19. Kerimov V. E. The Crisis That Is Always with You. *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy. 2018; 6: 89–98. (In Russ.)
20. Koshovets O. B., Frolov I. E., Chusov A. V. Ontology and reality: problems of their relationship in the methodology of economic science and the possibility of constructing a scientifically feasible ontology. *Filosofia i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2015; 1: 156–176. (In Russ.)
21. Lazhenisev V. N. Spatial Economics as a Research Program (on the book by P. A. Minakir, A. N. Demyanenko "Essays on Spatial Economics"). *Prostranstvennaia ekonomika* = Spatial Economics. 2015; 2: 180–188. (In Russ.)
22. Latour B. Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory. Moscow, 2014, 384 p. (In Russ.)
23. Latushko N. A. Spatial Economics: A Review of Concepts in Modern Foreign Research (Theoretical Aspect). Available at: <https://www.e-rej.ru/Articles/2017/Latushko.pdf> (accessed 05.02.2025). (In Russ.)
24. Marcuse G. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of the Developed Industrial Society. Moscow, 1994, 368 p. (In Russ.)
25. Mill J. S. Foundations of Political Economy with Some Applications to Social Philosophy. Moscow, 2007, 1 040 p. (In Russ.)
26. Niskanen V. A. The Special Economy of Bureaucracy. *Vekhi ekonomicheskoi mysli. T. 4. Ekonomika blagosostoiania i obshchestvennyi vybor* = Milestones in Economic Thought. Vol. 4. Welfare Economics and Public Choice. St. Petersburg, 2004, P. 477–494. (In Russ.)
27. Osipov Yu. M. Course of economic philosophy. Moscow, 2005, 320 p. (In Russ.)
28. Privalov N. G. Philosophy of Economics. Moral Economics. Moscow, 2025, 212 p. (In Russ.)
29. Trufanov S. N. On the Crisis in Modern Philosophy, or "Who Thinks Abstractly"? *Tsenosti i smysly* = Values and Meanings. 2009; 2: 126–143. (In Russ.)
30. Faritov V. T., Balakleyets N. A. Ontology of Law and Economy (Post-metaphysical Tendencies in the Teachings of G. W. F. Hegel and S. N. Bulgakov). *Filosofskaia mysl'* = Philosophical Thought. 2018; 12: 59–71. (In Russ.)
31. Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed. L. F. Plyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow, 1983, 840 p. (In Russ.)

Поступила 13.02.2025.

Сведения об авторах

Стожко Дмитрий Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: экономическая история, философия хозяйства, экономическая культура, история экономической мысли. Автор более 400 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>.

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Стожко Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург, Россия). Сфера

научных интересов: история социально-экономической мысли, философия хозяйства, экономическая история, история и философия науки. Автор более 800 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>.

E-mail: kostskp@mail.ru

Стихина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: философия языкознания, языки и антропология, социальная философия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1955-6549>.

E-mail: aniris.irina@yandex.ru

Submitted 13.02.2025.

About the authors

Dmitrii K. Stozhko – Cand. Sci. (Philosophy), the Department of Creative Management and Humanities of the Ural State Economic University (Ekaterinburg, Russia). Research interests: economic history, philosophy of economy, economic culture, history of economic thought. The author has more than 400 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>.

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Konstantin P. Stozhko – Doc. Sci. (History), Professor, the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University (Ekaterinburg, Russia). Research interests: history of socio-economic thought, philosophy of economics, economic history, history and philosophy of science. The author has more than 800 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>.

E-mail: kostskp@mail.ru

Irina A. Stihina – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia). Research interests: philosophy of linguistics, languages and anthropology, social philosophy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1955-6549>.

E-mail: aniris.irina@yandex.ru

С. А. Мальченков¹, В. Г. Федоров²^{1,2} *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)*¹ *e-mail: stamal@yandex.ru*² *e-mail: thisisvladislav@mail.ru*

Концепт «патернализм» в зарубежной социальной и политической философии

Аннотация

Введение. Принципы и механизмы патернализма в сфере государственного управления остаются в фокусе внимания зарубежных исследователей на протяжении длительного времени. Причиной актуализации патерналистских концепций в социально-философской науке XXI в. является поиск ответов на новые вызовы рыночной экономики, а также духовный кризис современного общества.

Материалы и методы. Методологической базой исследования выступили аксиологический, историко-сравнительный и цивилизационный подходы. Связь государства и общества исследовалась в рамках системного, структурно-функционального и институционального подходов. Анализ обширного набора концепций зарубежных авторов потребовал применения герменевтической парадигмы.

Результаты исследования. Идеи патернализма как отеческой заботы государства зародились в глубокой древности и наиболее комплексно проявились в философских воззрениях Конфуция и Аристотеля. В период Нового времени содержание категории было расширено в контексте сочетания прав личности и государства в трудах Дж. Локка и И. Канта. Работы наиболее известного критика патернализма Дж. С. Милля вызвали к жизни многочисленные альтернативные трактовки данного понятия. Дж. Дворкин разработал классификацию разновидностей патернализма, в частности, выделив его жесткую и мягкую формы, которые в настоящее время наиболее активно изучаются в рамках зарубежной науки. Особую значимость приобрел так называемый либертарианский патернализм, известный также как теория подталкивания. В современных исследованиях можно выделить четыре основных подхода, рассматривающих патернализм как рационально-логическую, культурную, правовую и моральную категорию.

Обсуждение и заключение. Сопоставляя подходы к пониманию принципов патернализма, отметим, что преобладающая в отечественной социально-философской науке трактовка наиболее близка к позициям азиатских авторов, многие из которых также рассматривают патернализм как историко-цивилизационный феномен, корни которого связаны с положениями религиозных учений. В этом плане наблюдаются существенные отличия от концепций современных западных исследователей, большинство из которых ориентированы на поиск механизмов снижения роли государства в обществе. В целом представляется очевидной необходимость разработки единой теории патернализма.

Ключевые слова: патернализм, государственный патернализм, насильственный патернализм, мягкий патернализм, либертарианский патернализм, теория подталкивания, теория справедливости, конфуцианство, автономия личности, “Nanny state”.

Для цитирования: Мальченков С. А., Федоров В. Г. Концепт «патернализм» в зарубежной социальной и политической философии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 151–164. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.151-164.

© Мальченков С. А., Федоров В. Г., 2025

Stanislav A. Malchenkov¹, Vladislav G. Fedorov²

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),

¹ e-mail: stamal@yandex.ru

² e-mail: thisisvladislav@mail.ru

The Concept of “Paternalism” in Foreign Social and Political Philosophy

Abstract

Introduction. The principles and mechanisms of paternalism in the sphere of public administration have remained in the focus of attention of foreign researchers for a long time. The reason for the actualization of paternalistic concepts in the socio-philosophical science of the 21st century is the search for answers to new challenges of the market economy, as well as the spiritual crisis of modern society.

Materials and Methods. The methodological basis of the study was the axiological, historical-comparative and civilizational approaches. The relationship between the state and society was studied within the framework of the systemic, structural-functional and institutional approaches. The analysis of a wide range of concepts of foreign authors required the use of a hermeneutic paradigm.

Results. The ideas of paternalism as the “fatherly care” of the state originated in ancient times and were most comprehensively manifested in the philosophical views of Confucius and Aristotle. In the Modern Age, the content of the category was expanded in the context of the combination of the rights of the individual and the state in the works of J. Locke and I. Kant. The works of the most famous critic of paternalism, J. S. Mill, gave rise to numerous alternative interpretations of this concept. J. Dworkin developed a classification of the varieties of paternalism, in particular, highlighting its “hard” and “soft” forms, which are currently most actively studied in foreign science. The so-called «libertarian paternalism», also known as the “nudge theory”, has acquired particular significance. In modern research, four main approaches can be distinguished, considering paternalism as a rational-logical, cultural, legal and moral category.

Discussion and Conclusion. Comparing approaches to understanding the principles of paternalism, we note that the interpretation prevailing in domestic social and philosophical science is closest to the positions of Asian authors, many of whom also consider paternalism as a historical and civilizational phenomenon, the roots of which are associated with the provisions of religious teachings. In this regard, there are significant differences from the concepts of modern Western researchers, most of whom are focused on finding mechanisms to reduce the role of the state in society. In general, the need to develop a unified theory of paternalism seems obvious.

Keywords: paternalism, state paternalism, coercive paternalism, soft paternalism, libertarian paternalism, nudge theory, theory of justice, Confucianism, individual autonomy, “Nanny state”.

For citation: Malchenkov S. A., Fedorov V. G. The Concept of “Paternalism” in Foreign Social and Political Philosophy. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 151–164. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.151-164.

Введение

Феномен патернализма часто воспринимается как продукт прошлого, отсылающий к временам господства традиционных внутрисемейных и феодальных патрон-клиентских отношений. Долгое время в науке преобладала позиция, проецирующая ме-

ханизм власти через опекунство отца своих иждивенцев на уровне государственного управления. Согласно этой модели, монарх воспринимался в глазах народа как отец нации, покровитель государства, защитник интересов подданных, источник любви, понимания и заботы.

В классических политико-философских концепциях патернализм чаще находил негативный отклик. Его критиковали за исключительное подавление свободы человека в мышлении, принятии решений, распоряжении имуществом. Патернализм был нацелен на культивирование системного подчинения человека образу идеального правителя, что приводило к расчленению личностной автономии. Многие мыслители видели в патернализме не столько сгусток архаичности, сколько настоящее зло, несущее вред прогрессу и рациональности.

Несмотря на огромный масштаб критических интерпретаций, интерес к патернализму не ослабевал. В XX в. произошло концептуальное оформление патернализма как целостного философского конструкта. Переломный момент в теории патернализма наступил в XXI в. Перманентные глобальные изменения в рыночной экономике, а также морально-этические вызовы современной общественной системы стали стимулом к актуализации иного восприятия патерналистских концепций.

Представляется очевидным, что в последнее время внимание к теории патернализма нарастает и стремится к всеобъемлющему охвату. Ученые описывают протекание патернализма в науке, педагогике, религии и медицинской практике.

Настоящая статья посвящена анализу изменений взглядов о феномене патернализма в зарубежной социально-философской науке.

Обзор литературы

Вопрос комплексного понимания феномена патернализма нашел отражение в обширном массиве зарубежных и отечественных исследований. В общих чертах механизм протекания отеческого покровительства в многообразии социальных практик закреплен в западной философской мысли. Можно выделить классические труды Аристотеля [1], Дж. Локка [4], И. Канта [3] и Дж. С. Милля [5; 6].

Концептуальный каркас патернализма, включая обоснованное определение понятия, выражен в работе Дж. Дворкина «Патернализм» (1972) [20]. В XXI в. появилось немало авторов, которые интересовались проблемой эффективности различных форм патернализма. Можно назвать публикации Д. Байлера [17], М. Барнетта [14], Б. Бек [15], Н. Бен-Моше [16], П. Ведекинда [39], С. Конли [19], Я. Патковой [31], Р. Рой и Ф. Коллинза [32], Э. Хуна [24].

Идея либертарианского патернализма как одной из проекций мягкого патернализма впервые была выражена в книге Р. Талера и К. Санстейна «Nudge. Архитектура выбора» [37]. Новая интерпретация патернализма повлекла за собой большой каскад публикаций. С одной стороны, Й. Нисс [25] и Н. Гейн [21] положительно оценивали неклассический подход авторов к построению рассуждений о патернализме. С другой – Ш. Райан [33] и Д. Скочиа [34] рассматривают либертарианский патернализм с критических позиций.

Анализ феномена патернализма нашел отражение и в трудах отечественных исследователей. Одна из наиболее ранних работ принадлежит Т. Ф. Ермоленко [2], которая не только исследовала патерналистские аспекты политической культуры России, но и систематизировала подходы к пониманию патернализма. В работах Н. В. Шушковой впервые в отечественной науке выделены этапы формирования учения о патернализме и, в частности, отмечены причины расхождения в подходах, которое наметилось в XX в.: неслучайно в названии одной из ее публикаций патернализм охарактеризован как «ускользающий» [12]. Сравнительный анализ патерналистских воззрений мыслителей Нового времени содержится в исследовании В. Д. Спасова [11]. Заметный вклад в развитие представлений о новейших формах патернализма внесли публикации А. Я. Рубинштейна и А. Е. Городецкого

[10], Н. В. Путило и Н. С. Волковой [8], а также О. В. Романовской [9].

Отметим, что в последние годы количество публикаций на тему патернализма возросло. Такая тенденция объективно объясняется повышенным вниманием к поиску баланса отношений между покровителем и опекаемым в социально-политической философии. По этой причине назрела необходимость в новых исследованиях проявления патернализма в различных социальных практиках XXI в.

Материалы и методы

Многообразие сущностных характеристик понятия «патернализм» диктует необходимость обращения к широкому кругу методологических подходов для комплексного изучения данного явления. В первую очередь отметим значимость аксиологического подхода, который позволил выявить различные ценностные аспекты толкования патернализма как социально-философской категории.

Исследование патернализма невозможно в отрыве от изучения его практического воплощения в истории различных государств, что предопределило применение историко-генетического и историко-сравнительного подходов. Исследовательская оптика цивилизационного подхода дала широкие возможности для сопоставления содержания и принципов патернализма в обществах Запада и Востока.

Связь общества и государства, а также их взаимовлияние друг на друга обнаруживаются благодаря использованию системного и структурно-функционального подходов. В то же время институциональный подход позволяет сосредоточиться на специфике механизма патерналистского воздействия.

Рассматривая специальные научные приемы, подчеркнем значимость для исследования диалектического метода, который предоставляет возможность анализировать

проявления патернализма в общественных отношениях как сложного противоречивого объекта, находящегося в постоянном движении.

Поскольку в качестве основных материалов исследования выступили многочисленные публикации зарубежных ученых, большую роль в толковании различных подходов к пониманию патернализма сыграл герменевтический метод.

Результаты исследования

Тема отцовской власти или отцовского покровительства занимала мыслителей с глубокой древности. Особое значение отца как ревнителя ценностей целых поколений, носителя многовекового опыта народа, защитника интересов и всеобъемлющего опекуна отмечалось в древнекитайском конфуцианском учении. Особенность модели состояла в почитании верховного божества Неба, в орбите которого находилась священная фигура императора – «Сына Неба». Императорская власть и весь административно-бюрократический аппарат воспринимались как покровители обычных людей. Культ преемственности поколений и почитания предков в кровнородственных отношениях ставил во главу угла формулу всепроникающего опекунства. Государство в этой схеме отождествлялось с большой семьей: император – отец, простолюдины – младшие родственники [2, с. 34]. Конфуцианское философско-религиозное учение послужило отправной точкой в развитии представлений о патерналистской природе вертикальных иерархических социальных связей.

Описание властных отношений как семьи в античной философии восходит к концепту аристотелевской патриархии. В рамках политической философии Аристотель рассматривал домохозяйство как трехступенчатую модель властных отношений, которая состоит из трех накладывающихся друг на друга, но тем не менее самостоя-

тельных типов: муж – жена, отец – сын и господин – раб. Каждый из типов в своей структуре содержит роль покровителя (муж, отец, господин) и подчиненного (жена, сын, раб). Необходимо подчеркнуть, что покровитель в своей сущности может являться одним и тем же лицом. Следовательно, Аристотель постулирует о вопросе элементарных форм власти через призму вопроса об отношениях покровителя и подчиненного [1, с. 65]. Трехступенчатая модель Аристотеля повлияла на складывание в политической философии традиционного взгляда на патриархию.

Большой пласт философских представлений о природе патернализма нашел отражение в европейской традиции XVII–XIX вв. Отправной точкой анализа патернализма послужил критический отзыв Дж. Локка на труд Р. Филмера «Патриарх, или Естественная власть королей». Автор последнего опирался на аристотелевское понимание властных отношений в семье, а именно исходил из обоснования, что источником первой королевской власти служил отец семейства. Р. Филмер предложил новаторский подход к классической модели патриархии: жены, сыновья, слуги, подданные – априори воспринимались главой семейства безропотными детьми, требующими опекуна и любви [7, с. 96].

Данные рассуждения встретили категорическое сопротивление со стороны Дж. Локка. По его мнению, патриарх обосновывает идею «всякое правление есть абсолютная монархия», сопровождаемую доказательством в виде догмы «Ни один человек не рождается свободным» [4, с. 11], подразумевая, что люди сразу же попадают под покровительство отца, тогда как по мере взросления переключаются под власть отца народа – абсолютного монарха (наследника Адама). В ходе всех итераций человек остается беспомощным перед лицом отца-правителя, который не только

возвышался титулом, но и приватизировал «...божественное, неизменное право верховной власти, благодаря которому отец или монарх обладает абсолютной, деспотической, неограниченной и не поддающейся ограничению властью над жизнью, свободой и имуществом своих детей или подданных» [4, с. 211]. Логика патриархально-патерналистского управления Р. Филмера наносила удар по установке о существовании естественных прав и свобод личности. Исходя из этого, Дж. Локк защищал диаметрально противоположную точку зрения: каждый человек воплощает в себе наследие Адама, в том числе свободолюбие, ниспосланное Творцом. Любая земная власть вторична, поскольку над ней сияет власть Всевышнего. Монарх, чья воля устраивать тиранию в отношении к своим подданным, обязан быть низложен народным духом справедливости.

По теме патернализма высказывался также И. Кант. В вопросе об идеальном государственном устройстве он разделял подход предшественников (в частности, позицию Дж. Локка). Философ находился у истоков концепции правого государства (Rechtsstaat), идеал которого противопоставлял патерналистскому государству (imperium paternale), ибо в патерналистском государстве «суверен хочет по своим понятиям сделать народ счастливым и становится деспотом» [3, с. 191]. Патернализм нацелен на нарушение равновесия «равного достоинства людей». По И. Канту, уважение к достоинству личности заключено в уважении к его способности свободно думать и действовать независимо. Установка на патернализм вопреки волеизъявлению навязывает человеку мысли о собственной безропотности, внедряет комплексную модель бездумного подчинения образу покровителя. При патерналистской форме общественных отношений к человеку относятся как к средству, но не как к цели. И. Кант

апеллировал к обратному постулату, что человек должен быть целью, а не средством, посему патернализм противоестествен, ничтожен и недопустим [11, с. 285].

Ярым противником патернализма принято считать английского мыслителя XIX столетия Дж. С. Милля. Философ настаивал, что вопреки деструктивному поведению личности по отношению к себе (например, умышленное причинение вреда здоровью) выбор всегда осуществляется человеком и не должно быть вмешательства в его волю. Единственная причина, которая способна повлиять на ограничение свободы человека, – возможность причинения вреда другим людям (принцип предотвращения вреда).

Изначально Дж. С. Милль убеждал полностью запретить патернализм. Во-первых, власть патрона может зиждиться на корысти, тщеславии, продажности и злоупотреблении полномочиями. Власть имущие используют патерналистскую установку в интересах самоличного обогащения в противовес интересам граждан. Подобные махинации приводят к нанесению вреда и ограничению личной свободы. Во-вторых, правители с благими намерениями не могут достаточно отразить настроения народа, определить их правильно, поэтому в большей степени благо народу преподнесут выходцы из народа [6, с. 85].

Дж. С. Милль критически относился к предоставлению государству широких дискреционных полномочий для принятия патерналистских законов. Стоит отметить, что сторонники мыслителя, в особенности консеквенциалисты, не были согласны с его трактовкой о полном табуировании патернализма. В защиту своих доводов они приводили тезис об успешных патерналистских ограничителях: применении мер государственного принуждения, оправданных для предотвращения психологического вреда (а не только явного, физического урона личности), а также для ограничения

свободы человека за аморальное поведение, которое в силу обстоятельств не несет адресного вреда, а скорее подрывает ценностный фундамент общества. Когда люди выражают недовольство патернализмом, они скорее всего имеют в виду патернализм неудачный (тиранический).

Ответом критикам послужила перфекционистская концепция счастья. По мнению Дж. С. Милля, счастье человека зависит от способности ответственно контролировать свое поведение. Получается, что личностное благо достигается путем ответственного выбора, целеполагания и самоутверждения. Личная автономность воплощает важный компонент собственного блага, тогда как патернализм предсказуемо размывает благо [6, с. 103]. Перфекционизм Дж. С. Милля не обосновывает абсолютно-го запрета патернализма, но указывает на проблемы достижения успешного патернализма: благоприятное вмешательство государства в дела автономного субъекта без нарушения свободы воли – утопия. В связи с уровнем допустимых свобод, которые определяют важность совершения мыслительных способностей, необходимо допускать ограничение таких свобод для совершения действий, направленных на лишение человека воли на реализацию все тех же свобод. Таким образом, Дж. С. Милль проводит черту, принципиально отвергающую запрет обычного патернализма [5, с. 114].

Концептуальный макет патернализма, включающий его основополагающее определение, появился во второй половине XX в. в работе «Патернализм» Дж. Дворкина. Под патернализмом он понимал «вмешательства (действия или бездействия), которые посягают на свободу или личную автономию человека без его явного или подразумеваемого согласия и для его собственного блага» [20, р. 65].

Дж. Дворкин отметил три ключевых компонента патерналистских практик:

- а) ограничивают свободы человека;
- б) совершаются без согласия субъекта;
- в) совершаются для блага или благополучия субъекта [15, р. 224].

Свои рассуждения Дж. Дворкин строит на критическом анализе выводов Дж. С. Милля с опорой на консеквенциалистскую парадигму. В его понимании патернализм обеспечивает автономию в целом, вопреки ограничению автономии в конкретном случае. В общих чертах Дж. Дворкин пытается доказать, что комплексная положительная польза от патернализма нивелирует краткосрочную отрицательную практику применения.

В контексте презумпции патерналистского посягательства на свободу (юридическую) или автономию (моральную) патернализм позиционирует себя в рамках бинарной концепции. Исходя из этих доводов, выявляется проблема юридического/морального истолкования и оправдания патерналистского вмешательства. Ценностная оценка этических представлений людей заключена в масштабном плюрализме, что в свою очередь усложняет задействование патерналистской практики. В таких обстоятельствах Дж. Дворкин постулирует необходимость обращаться с каждым этическим кейсом в отдельности. Подмечается факт эксплуатации патернализма исключительно в тех случаях, когда посягательство на ограничение свободы носит тривиальный характер. Государственная власть должна нести бремя ответственного доказательства и выбора наименьшего ограничения в целях служения патернализму полезному благу [20, р. 80].

Впервые в истории социальной философии Дж. Дворкин осуществил подробную типологизацию патерналистских практик. Он выделял существование жесткого и мягкого патернализма, широкого и узкого патернализма, сильного и слабого патернализма, чистого и нечистого патернализма,

патернализма благополучия и морального патернализма [20, р. 82]. Учение Дж. Дворкина посеяло зерно сомнения в однозначное понимание патернализма, что послужило стимулом к строительству полноценного концепта нового патернализма.

Анализ зарубежных научных трудов первой четверти XXI в. демонстрирует, что содержательная широта концепта «патернализм» не только не сокращается, но и приобретает новые значения. Имеющиеся в литературе подходы можно разделить на несколько групп. Одним из критериев такого деления может стать оценка эффективности различных форм патернализма. В последние годы типологизации не ограничиваются делением патернализма на сильный и слабый, жесткий и мягкий. Н. Бен-Моше предлагает ввести разграничение на внешний и внутренний патернализм: последний, по его мнению, фактически вызывается желанием самого опекаемого объекта [16].

Стоит отметить, что в настоящее время за рубежом сохраняется немало сторонников жесткой разновидности патернализма. Например, С. Конли в своей нашумевшей книге 2012 г. «Против автономии: оправдание принудительного патернализма» [19] подробно разбирает негативные издержки государственного контроля и приходит к выводу, что они не перевешивают положительные последствия. Такой подход также распространен в азиатских странах. В частности, автор из Гонконга Э. Хун защищает жесткий патернализм с позиций конфуцианского представления о государстве как большой семье [24].

К более обширной группе относятся работы, авторы которых вслед за Дж. С. Миллем рассматривают патернализм в негативном контексте и соотносят его с проявлением авторитарных тенденций. Впрочем, внутри этого направления также просматриваются две основные вет-

ви. Одна из них подвергает критике классический жесткий патернализм, который в политической сфере в наиболее явной форме прослеживается в межэтнических отношениях. Я. Паткова из Карлова университета, рассуждая об отношениях чехов и их «младших братьев» словаков на рубеже XIX–XX вв., сравнивает патернализм с колониализмом [31, р. 79]. Аналогичные процессы наблюдаются и сегодня. Р. Рой и Ф. Коллинз соотносят патернализм и расизм применительно к положению в Новой Зеландии сезонных рабочих с островов Тихого океана [32]. Наконец, наиболее трагичным явлением представляется насильственный патернализм: этим термином Д. Байлер характеризует политику КНР по отношению к уйгурам [17].

Вторая линия критики, вероятно, представляет собой новое явление: она направлена уже не на явные проявления патернализма, а на его новейшие мягкие формы (термин Дж. Фейнберга), которые до недавнего времени было принято воспринимать как исключительно позитивные. Так, П. Ведыкин приходит к выводу, что любые формы заботы со стороны государства (в том числе проявления так называемого “Nanny state”, т. е. борьба с курением, потреблением сахара и т. д.) в конечном счете направлены на ограничение социальной и политической свободы [39, р. 310]. М. Барнетт и вовсе видит в мягком протекционизме «глобальную угрозу», поскольку увеличение роли государства, по его мнению, неминуемо сформирует условия для возникновения мирового правительства [14, р. 216].

Пожалуй, наиболее активно обсуждаемым в научной среде ответвлением теории патернализма в XXI в. стал так называемый либертарианский патернализм, растущее влияние которого требует воспринимать его шире, чем одно из проявлений мягкого патернализма. Отправной точкой данного направления следует считать выход в 2008 г.

книги Р. Талера и К. Санстейна «Nudge. Архитектура выбора» [37]. В современной русскоязычной литературе еще нет устоявшегося наименования ключевого для данного подхода термина: ряд авторов используют понятие nudge без перевода, в то время как другие используют выражение «теория подталкивания». Ключевое положение либертарианского патернализма действительно можно выразить как подталкивание (при минимальном вмешательстве и затратах) людей к поведению, которое выгодно государству или иному субъекту власти.

Появление принципиально новой трактовки патернализма неминуемо вызвало к жизни большое число публикаций о будущем либертарианского патернализма, дискуссии о котором активно продолжаются в зарубежной науке 2010–2020-х гг. Польский экономист А. Остапюк находит у подталкивания много общего с так называемым подходом, основанным на возможностях, сформулированным А. Сеном и М. Нуссбаум [30, р. 457]. Й. Нисс, положительно оценивая перспективы либертарианского патернализма, полагает, что понятие «архитектура выбора» должно быть заменено на менее жесткий термин «архитектура предпочтений» [25, р. 12]. Н. Гейн в своей работе подробно сопоставляет плюсы и минусы подталкивания: одним из последних он называет гендерные аспекты данного механизма [21, р. 131].

Неудивительно, что у либертарианского патернализма в последние годы наметилось множество критиков. Так, например, Ш. Райан полагает, что такая форма воздействия в наибольшей форме нарушает волю объекта, а потому предлагает определять подталкивание как самое очевидное в современном мире проявление жесткого патернализма [33, р. 66]. Д. Скоччия утверждает, что политика государства должна преодолеть «навязывание жертвам своей цели» и постепенно перейти в фор-

мат так называемого благоразумного патернализма [34, р. 22].

Помимо спора о наиболее эффективных разновидностях патернализма, в современной зарубежной науке не стихает дискуссия о философских основаниях и идейных принципах этого явления. Представляется, что можно выделить четыре основных подхода, преобладающих в исследованиях XXI в.

1. Патернализм как рационально-логическая категория

Понимание патернализма в контексте теории принятия решений широко распространено, в первую очередь в экономике. Неслучайно один из творцов либертарианского патернализма Р. Талер неоднократно был соавтором Д. Канемана и А. Тверски. Впрочем, современные авторы видят в рациональном толковании не только плюсы. М. Чолби полагает, что «рациональное убеждение обычно отклоняет обвинения в патернализме», поэтому важно не избавляться от патернализма как такового, а устранить его негативные последствия [18, р. 125]. Х. Андреу отмечает, что патернализм будет более эффективен, если исключить из него так называемое предположение о превосходстве, т. е. все иррациональные элементы властных отношений [13, р. 3].

2. Патернализм как культурная категория

В этом контексте патернализм понимается через представление о культурном капитале П. Бурдье. Данный подход прямо связан с экономическим толкованием патернализма, которое ранее преобладало в науке. К. Конрад и С. Саймон, опираясь на представления Р. Инглхарта о цене счастья, исследовали вопрос об удовлетворенности жизнью во время пандемии COVID-19 [26]. Они обнаружили очевидную обратную связь между предпочтением патерналистских вмешательств государства и высокой оценкой личных свобод.

3. Патернализм как правовая категория

Представители данного направления в первую очередь задаются вопросом о том, как принципы государственного патернализма могут быть встроены в систему управления. М. Гроссман видит разницу между жестким и мягким патернализмом именно в возможности установления «формальных правил» [22, р. 34]. Дж. Тернер, опирающийся на принципы теории справедливости Дж. Роулза, уточняет, что патернализм должен не подаваться как персонифицированное право отдельных лиц, а быть безликим и в правовом контексте находиться на расстоянии от прав человека [38, р. 29]. Важно подчеркнуть, что авторы-правоведы не стремятся абсолютизировать юридическое толкование: неслучайно С. Шайнтул в двух отдельных статьях [35; 36] устанавливает симметричную нормативную связь между патернализмом и правами, а также между патернализмом и верой.

4. Патернализм как моральная категория

В рамках данного подхода акцент делается на правомерности патерналистских отношений с этических позиций. Л. Хазарика из Университета Дж. Неру анализирует моральные условия, при которых патерналистское отношение или поведение считаются проблематичными [23, р. 111]. Значительный интерес представляет предложенная М. Нильсеном категория «самопатернализм», при котором внешнее навязывание глубоко проникает в моральные нормы человека и спустя некоторое время начинает исходить от него самого [28, р. 30]. Б. Бек резюмирует, что обоснование патернализма диалектически зависит от понимания свободы и автономии в том или ином обществе [15, р. 223].

Стоит также отметить, что помимо политико-философского толкования патернализма, в рамках которого в качестве субъекта обычно выступает государство, в современной науке по-прежнему популярны работы

о проявлениях патернализма в сферах, на первый взгляд далеких от политики. В частности, выходит большое число публикаций о медицинском патернализме в отношениях врача и пациента. Я. Ортманн вслед за Б. Латуром пишет о патернализме в науке, который часто проявляется в ее перформативности, т. е. в стремлении подогнать реальность под результаты исследования [29, р. 16]. Весьма интересны выводы Э. Мукары о патернализме в религии, в частности в миссионерской деятельности [27]. Эти и другие исследования также раскрывают отдельные составные элементы понимания патернализма в XXI в. и прямо отражают социальные конструкты современного общества.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что наметившееся еще во второй половине XX в. расхождение в подходах к пониманию патернализма в научной литературе в последнее десятилетие не только не было преодолено, но и существенным образом расширилось.

Проведенный в рамках исследования анализ широкого круга научных публикаций по данной теме показал, что категориальный аппарат зарубежных исследователей не всегда совпадает с пониманием патернализма в рамках отечественной науки. Действительно, российские ученые главным образом исследуют патернализм в контексте исторического и цивилизационного своеобразия российской государственности, выводя на первый план принципы этатизма. В этом смысле прослеживается некоторое сходство трактовок с позициями азиатских исследователей: авторы из Индии и Китая также предпочитают искать

корни патерналистских настроений в обществе в традициях и религиозных постулатах индуизма, ислама, конфуцианства.

Существенным своеобразием характеризуется изучение теории и практики патернализма в современной западной науке. Продолжая линию Дж. С. Милля, большинство авторов отвергают жесткую разновидность этого явления. Впрочем, отрицание крайних проявлений патернализма сформировало почву для возникновения многочисленных альтернативных трактовок, базирующихся на принципах экономики, политологии, социологии, культурологии, а также юриспруденции. Короткий всплеск популярности либертарианского патернализма не дал исчерпывающих ответов на новые вызовы современности, одним из которых, в частности, стали масштабные ограничения свободы личности в период пандемии COVID-19. В настоящее время многие зарубежные ученые сознательно выстраивают собственную модель патернализма, основываясь на критике уже имеющихся подходов. Парадоксально, что мягкие формы патернализма, которые еще недавно рассматривались как универсальная панацея от его негативных последствий, сегодня отрицаются рядом авторов как недемократические в условиях существенной эволюции восприятия авторитаризма и демократии.

В целом можно констатировать, что в XXI в. патернализм остается неуловимой и ускользающей категорией социально-философской науки. Подобное положение дел демонстрирует диверсификацию поля исследования патернализма и актуализирует необходимость построения единой теории в данной сфере.

Список источников

1. *Аристотель*. Политика / пер.; С. А. Жебелев. М.: АСТ, 2024. 384 с.
2. *Ермоленко Т. Ф.* Патернализм в политической культуре России. М.: Феникс, 1998. 167 с.
3. *Кант И.* Сочинения: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. 718 с.
4. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М.: Социум, 2019. 482 с.

5. *Милль Дж. С.* О свободе. М.: Юрайт, 2023. 128 с.
6. *Милль Дж. С.* Утилитаризм / предисл. А. С. Земерова. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
7. *Мишура А. С., Павлов А. В.* «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. № 1. С. 92–105.
8. *Путило Н. В., Волкова Н. С.* Феномен “Nanny state”: новый вид государства или модификация государственного патернализма в современных условиях? // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 19–31. DOI: 10.12737/jrl.2020.144.
9. *Романовская О. В.* Либертарианский патернализм и его влияние на развитие правовых институтов в России и за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 919–941. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-919-941.
10. *Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е.* Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. 2018. № 10. С. 38–57. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.038-057.
11. *Спасов В. Д.* Патернализм и свобода личности // Вестник ТОГУ. 2012. № 2. С. 281–288.
12. *Шушкова Н. В.* Этот ускользящий патернализм: попытка построения концепции // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 39–57.
13. *Andreou C.* Paternalism and presumed superiority // Analysis. 2022. Vol. 83, Issue 1. P. 1–15. DOI: 10.1093/analys/anac047.
14. *Barnett M.* Paternalism and global governance // Social Philosophy and Policy. 2015. Vol. 32, Issue 01. P. 216–243. DOI: 10.1017/S026505251500014X.
15. *Beck B.* Paternalism and Liberty / Autonomy as Dialectically Related Concepts // Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie. 2023. Vol. 6. P. 223–237.
16. *Ben-Moshe N.* Internal and External Paternalism // Canadian Journal of Philosophy. 2023. Vol. 52, No. 6. P. 1–15. DOI: 10.1017/can.2023.5.
17. *Byler D.* Violent Paternalism: On the Banality of Uyghur Unfreedom // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2025. Vol. 16, Issue 14. P. 1–15. DOI: 10.1017/S1557466018014900.
18. *Cholbi M.* Paternalism and our Rational Powers // Mind. 2016. Vol. 126, Issue 501. P. 123–153. DOI: 10.1093/mind/fzv205.
19. *Conly S.* Against Autonomy: Justifying Coercive Paternalism. Cambridge, 2012. 216 p.
20. *Dworkin G.* Paternalism // The Monist. 1972. Vol. 56. P. 64–84.
21. *Gane N.* Nudge Economics as Libertarian Paternalism // Theory Culture & Society. 2021. Vol. 38, Issue 6. P. 119–142. DOI: 10.1177/0263276421999447.
22. *Grossmann M.* Paternalism and Deliberation: An Experiment on Making Formal Rules // ArXiv. 2025. January. P. 1–41. DOI: 10.48550/arXiv.2501.00863.
23. *Hazarika L.* Paternalism: Its Normative Issues and the Debate // International Journal of Advanced Studies. 2020. Vol. 9, Issue 2. P. 111–124. DOI: 10.33945/SAMI/IJASHSS.2020.2.3.
24. *Hung A. T. W.* Hard Paternalism and Confucian Familism // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 17, Issue 4. P. 1–24. DOI: 10.1007/s40647-024-00404-5.
25. *Kniess J.* Libertarian Paternalism and the Problem of Preference Architecture // British Journal of Political Science. 2021. Vol. 52, Issue 2. P. 1–13. DOI: 10.1017/S0007123420000630.
26. *Konrad K., Simon S.* Paternalism attitudes and the happiness value of fundamental freedoms // Economics of Governance. 2025. Vol. 26, Issue 1. P. 23–56. DOI: 10.1007/s10101-024-00322-y.
27. *Mukaria A. R.* The Passing of Paternalism in Mission: A Challenge to Reverse Mission // Mission Studies. 2025. Vol. 42, Issue 1. P. 104–119. DOI: 10.1163/15733831-12342010.
28. *Nielsen M.* Self-paternalism: The Concept and Key Normative Problems // International Journal of Applied Ethics. 2024. Vol. 10, Issue 1. P. 29–46. DOI: 10.51245/ijaethics.v10i1.2024.46.
29. *Ortmann J.* Performative paternalism // European Journal for Philosophy of Science. 2025. Vol. 15, Issue 2. P. 15–25. DOI: 10.1007/s13194-025-00651-7.
30. *Ostapiuk A.* Libertarian paternalism and the capability approach. Friends or foes? // Ekonomista. 2024. Vol. 4. P. 456–482. DOI: 10.52335/ekon/188776.

31. *Patkova J.* Between paternalism and colonialism: Czechs and Slovaks from the 19th century to the first half of the 20th century // *Studia Slavica*. 2024. Vol. 69, Issue 1. P. 79–90. DOI: 10.1556/060.2024.00157.
32. *Roy R., Collins F.* Paternalism and racism in Pacific labour migration: A critical discourse analysis of the Recognised Seasonal Employer scheme // *Ethnicities*. 2025. April. P. 1–26. DOI: 10.1177/14687968251330888.
33. *Ryan S.* Libertarian paternalism is hard paternalism // *Analysis*. 2018. Vol. 78, Issue 1. P. 65–73. DOI: 10.1093/analys/anx150.
34. *Scoccia D.* Paternalisms and nudges // *Economics and Philosophy*. 2018. Vol. 35, Issue 1. P. 1–24. DOI: 10.1017/S0266267118000093.
35. *Sheintul S.* On the Normative Connection Between Paternalism and Rights // *Journal of Ethics and Social Philosophy*. 2022. Vol. 21, Issue 2. P. 282–289. DOI: 10.26556/jesp.v21i2.1304.
36. *Sheintul S.* The Normative Connection Between Paternalism and Belief // *The Journal of Ethics*. 2021. Vol. 27, Issue 1. P. 119–130. DOI: 10.1007/s10892-021-09388-w.
37. *Thaler R., Sunstein C.* *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Heaven: Yale University Press. 2008. 312 p.
38. *Turner J.* Paternalism at a Distance // *Law and Philosophy*. 2024. Vol. 43, Issue 3. P. 1–34. DOI: 10.1007/s10982-023-09487-9.
39. *Wedekind P.* Paternalism: A Flawed Basis for Liberty-limiting Policies? // *Politologicky casopis – Czech Journal of Political Science*. 2021. Vol. 28, Issue 3. P. 293–313. DOI: 10.5817/PC2021-3-293.

References

1. *Aristotle.* *Politics*. Moscow, 2024. 384 p. (In Russ.)
2. *Yermolenko T. F.* *Paternalism in the political culture of Russia*. Moscow, 1998. 167 p. (In Russ.)
3. *Kant I.* *Works*. In 8 volumes. Vol. 8. Moscow, 1994. 718 p. (In Russ.)
4. *Locke J.* *Two Treatises on Government*. Moscow, 2019. 482 p. (In Russ.)
5. *Mill J. S.* *On Liberty*. Moscow, 2023. 128 p. (In Russ.)
6. *Mill J. S.* *Utilitarianism*. Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House, 2013. 240 p. (In Russ.)
7. *Mishura A. S., Pavlov A. V.* “Patriarchy”: the political philosophy of Robert Filmer. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki “Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz”* = Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics “Politics. Analysis. Chronicle. Forecast”. 2014;1(72):92–105. (In Russ.)
8. *Putilo N. V., Volkova N. S.* The phenomenon of the “Nanny state”: a new type of state or a modification of state paternalism in modern conditions? *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law. 2020; 12: 19–31. DOI: 10.12737/jrl.2020.144. (In Russ.)
9. *Romanovskaya O. V.* Libertarian paternalism and its influence on the development of legal institutions in Russia and abroad // *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 919–941. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-919-941. (In Russ.)
10. *Rubinstein A. Ya., Gorodetsky A. E.* State paternalism and paternalistic failure in the theory of patronized goods. *Zhurnal institutsional’nykh issledovaniy* = Journal of Institutional Studies. 2018; 10(4): 38–57. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.038-057. (In Russ.)
11. *Spasov V. D.* Paternalism and personal freedom. *Vestnik TOGU* = Bulletin of Pacific National University. 2012; 2(25): 281–288. (In Russ.)
12. *Shushkova N. V.* This elusive paternalism: an attempt to construct a concept. *Sotsiologicheskiy zhurnal* = Sociological Journal. 2007; 1: 39–57. (In Russ.)
13. *Andreou C.* Paternalism and presumed superiority. *Analysis*. 2022; 83(1): 1–15. DOI: 10.1093/analys/anac047. (In Eng.)
14. *Barnett M.* Paternalism and global governance. *Social Philosophy and Policy*. 2015; 32(01): 216–243. DOI: 10.1017/S026505251500014X. (In Eng.)
15. *Beck B.* Paternalism and Liberty / Autonomy as Dialectically Related Concepts. *Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie*. 2023; 6: 223–237. (In Eng.)

16. Ben-Moshe N. Internal and External Paternalism. *Canadian Journal of Philosophy*. 2023;52(6):1–15. DOI: 10.1017/can.2023.5. (In Eng.)
17. Byler D. Violent Paternalism: On the Banality of Uyghur Unfreedom. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2025; 16(14): 1–15. DOI: 10.1017/S1557466018014900. (In Eng.)
18. Cholbi M. Paternalism and our Rational Powers. *Mind*. 2016; 126(501): 123–153. DOI: 10.1093/mind/fzv205. (In Eng.)
19. Conly S. *Against Autonomy: Justifying Coercive Paternalism*. Cambridge, 2012. 216 p. (In Eng.)
20. Dworkin G. Paternalism. *The Monist*. 1972;56:64–84. (In Eng.)
21. Gane N. Nudge Economics as Libertarian Paternalism. *Theory Culture & Society*. 2021; 38(6): 119–142. DOI: 10.1177/0263276421999447. (In Eng.)
22. Grossmann M. Paternalism and Deliberation: An Experiment on Making Formal Rules. *ArXiv*. 2025. January. P. 1–41. DOI: 10.48550/arXiv.2501.00863. (In Eng.)
23. Hazarika L. Paternalism: Its Normative Issues and the Debate. *International Journal of Advanced Studies*. 2020; 9(2): 111–124. DOI: 10.33945/SAMI/IJASHSS.2020.2.3. (In Eng.)
24. Hung A. T. W. Hard Paternalism and Confucian Familism. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2024; 17(4): 1–24. DOI: 10.1007/s40647-024-00404-5. (In Eng.)
25. Knies J. Libertarian Paternalism and the Problem of Preference Architecture. *British Journal of Political Science*. 2021; 52(2): 1–13. DOI: 10.1017/S0007123420000630. (In Eng.)
26. Konrad K., Simon S. Paternalism attitudes and the happiness value of fundamental freedoms. *Economics of Governance*. 2025; 26(1):23–56. DOI: 10.1007/s10101-024-00322-y. (In Eng.)
27. Mukaria A. R. The Passing of Paternalism in Mission: A Challenge to Reverse Mission. *Mission Studies*. 2025; 42(1): 104–119. DOI: 10.1163/15733831-12342010. (In Eng.)
28. Nielsen M. Self-paternalism: The Concept and Key Normative Problems. *International Journal of Applied Ethics*. 2024; 10(1): 29–46. DOI: 10.51245/ijaethics.v10i1.2024.46. (In Eng.)
29. Ortman J. Performative paternalism. *European Journal for Philosophy of Science*. 2025; 15(2): 15–25. DOI: 10.1007/s13194-025-00651-7. (In Eng.)
30. Ostapiuk A. Libertarian paternalism and the capability approach. Friends or foes? *Ekonomista*. 2024; 4:456–482. DOI: 10.52335/ekon/188776. (In Eng.)
31. Patkova J. Between paternalism and colonialism: Czechs and Slovaks from the 19th century to the first half of the 20th century. *Studia Slavica*. 2024; 69(1): 79–90. DOI: 10.1556/060.2024.00157. (In Eng.)
32. Roy R., Collins F. Paternalism and racism in Pacific labour migration: A critical discourse analysis of the Recognised Seasonal Employer scheme. *Ethnicities*. 2025. April. P. 1–26. DOI: 10.1177/14687968251330888. (In Eng.)
33. Ryan S. Libertarian paternalism is hard paternalism. *Analysis*. 2018; 78(1): 65–73. DOI: 10.1093/analysis/anx150. (In Eng.)
34. Scoccia D. Paternalisms and nudges. *Economics and Philosophy*. 2018; 35(1): 1–24. DOI: 10.1017/S0266267118000093. (In Eng.)
35. Sheintul S. On the Normative Connection Between Paternalism and Rights. *Journal of Ethics and Social Philosophy*. 2022; 21(2): 282–289. DOI: 10.26556/jesp.v21i2.1304. (In Eng.)
36. Sheintul S. The Normative Connection Between Paternalism and Belief. *The Journal of Ethics*. 2021; 27(1): 119–130. DOI: 10.1007/s10892-021-09388-w. (In Eng.)
37. Thaler R., Sunstein C. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Heaven: Yale University Press. 2008. 312 p. (In Eng.)
38. Turner J. Paternalism at a Distance. *Law and Philosophy*. 2024; 43(3): 1–34. DOI: 10.1007/s10982-023-09487-9. (In Eng.)
39. Wedekind P. Paternalism: A Flawed Basis for Liberty-limiting Policies? *Politologicky casopis – Czech Journal of Political Science*. 2021; 28(3): 293–313. DOI: 10.5817/PC2021-3-293. (In Eng.)

Поступила 17.02.2025.

Сведения об авторах

Мальченков Станислав Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: цивилизационный выбор России, геополитика, политическая стратегия России, этнополитология, финно-угорские народы России. Автор более 90 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>.

E-mail: stamal@yandex.ru

Федоров Владислав Глебович – преподаватель, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: политический и государственный патернализм, неопатриониальные режимы, политическая психология масс, имиджевые технологии, манипуляции массовым сознанием. Автор более 10 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6677-9510>.

E-mail: thisisvladislav@mail.ru

Submitted 17.02.2025.

About the authors

Stanislav A. Malchenkov – Doc. Sci. (Philosophy), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: civilization choice of Russia, geopolitics, political strategy of Russia, ethnopolitology, Finno-Ugric peoples of Russia. The author of more than 90 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>.

E-mail: stamal@yandex.ru

Vladislav G. Fedorov – Lecturer, Postgraduate, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: political and state paternalism, neopatrimonial regimes, political psychology of the masses, image technologies, manipulation of mass consciousness. The author of more than 10 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6677-9510>.

E-mail: thisisvladislav@mail.ru

*Ли Сяочжоу¹, А. Н. Сомкина²**¹ Технологический университет Сюйчжоу
(Сюйчжоу, Китайская Народная Республика),
e-mail: 453410849@qq.com**² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: alla-tishkina@yandex.ru*

Основные проблемы практического управления социально-культурными процессами в китайском обществе: инновации и традиции

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что современное китайское общество переживает ряд стремительных изменений, связанных с экономическим ростом страны, а также урбанизацией, глобализацией и цифровизацией различных сфер жизни. Перед лицом подобных вызовов местные власти полагаются на национальные традиции, которые были заложены в философско-религиозных течениях, таких как конфуцианство и буддизм. Цель статьи заключается в выявлении и анализе проблем, возникающих в процессе управления социально-культурными процессами в современном китайском обществе.

Материалы и методы. В рамках проведенного исследования был использован комплекс общих и специальных методов научного познания, таких как исторический (в рамках прослеживания влияния существующих философско-религиозных течений на развитие китайского общества), описательный (в контексте представления методов адаптации идей, отраженных в философских доктринах, к реалиям китайского общества) и графический (представление полученной информации при помощи рисунков и таблиц).

Результаты исследования. Выявленные проблемы практического управления социально-культурными процессами были проанализированы и систематизированы в единую типологию: а) противоречия, связанные с социальными изменениями; б) трудности, сопровождающиеся конфликтом между традициями и инновациями; в) проблемные вопросы, связанные со степенью внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни граждан.

Обсуждение и заключение. В рамках исследования были предложены меры, позволяющие решить проблемы регулирования китайской социокультурной сферы, например вовлечение популярных инфлюенсеров в процесс принятия государственных решений. Ожидаемым эффектом от их практической реализации становится повышение качества жизни местных жителей.

Ключевые слова: социально-культурные процессы, управление китайским обществом, китайская цивилизация, Китай, инновации, традиции, традиционные философско-религиозные течения, конфуцианство, даосизм, буддизм, легизм.

Для цитирования: Ли Сяочжоу, Сомкина А. Н. Основные проблемы практического управления социально-культурными процессами в китайском обществе: инновации и традиции // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 165–176. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.165-176.

Li Xiaozhou¹, Alla N. Somkina²

¹ *Xuzhou University of Technology (Xuzhou, People's Republic of China),
e-mail: 453410849@qq.com*

² *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: alla-tishkina@yandex.ru*

The Main Problems of practical Management Socio-cultural Processes in Chinese – Innovations and Traditions

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the fact that modern Chinese society is experiencing a number of rapid changes due to the country's economic growth, as well as urbanization, globalization and digitalization of various spheres of life. In the face of such challenges, local governments rely on national traditions that have been embedded in philosophical and religious movements such as Confucianism and Buddhism. The purpose of the article is to identify and analyze the problems arising in the management of socio-cultural processes in modern Chinese society.

Materials and Methods. Within the framework of the research we used a complex of general and special methods of scientific knowledge, such as historical (in the framework of tracing the influence of existing philosophical and religious movements on the development of Chinese society), descriptive (in the context of presenting methods of adapting the ideas reflected in philosophical doctrines to the realities of Chinese society) and graphic (presentation of the obtained information by means of figures and tables).

Results. The identified problems of practical management of social and cultural processes were analyzed and systematized into a single typology: a) contradictions associated with social change; b) difficulties accompanied by the conflict between tradition and innovation; c) problematic issues related to the degree of implementation of digital technologies in various spheres of life of citizens.

Discussion and Conclusion. In the framework of the research, we have proposed measures to solve the problems of regulating the Chinese socio-cultural sphere, for example, the involvement of popular influencers in the process of making state decisions. The expected effect of their practical realization is the improvement of the quality of life of local residents.

Keywords: socio-cultural processes, management of Chinese society, Chinese civilization, China, innovations, traditions, traditional philosophical and religious movements, Confucianism, Taoism, Buddhism, Legism.

For citation: *Li Xiaozhou, Somkina A. N. The Main Problems of practical Management Socio-cultural Processes in Chinese – Innovations and Traditions. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 165–176. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.165-176.*

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что современное китайское общество переживает ряд стремительных изменений, связанных с экономическим ростом страны и, как следствие, урбанизацией и повсеместной цифровизацией. Параллельно происходит активное проникновение западной культуры через СМИ, социальные сети и фильмы, в результате чего молодые люди проникаются гедонистиче-

скими настроениями. Перед лицом подобных вызовов местные власти полагаются на национальные традиции, которые были заложены в философско-религиозных течениях, таких как конфуцианство и буддизм.

Обзор литературы

Различные аспекты проблемы исследования были изучены в научных трудах российских и зарубежных авторов: исторический (А. L. Y. Chung, S. Nishijima, К. Stevens), философский (Е. И. Варова, О. Долгих,

Д. В. Николаев), социальный (Е. В. Богаевская, А. А. Стремительская, Хоу Линь), политический (Юй Лань, Ли Сяосюань, С. Ю. Распертова).

Цель статьи заключается в выявлении и анализе проблем, возникающих в процессе управления социально-культурными процессами в современном китайском обществе. Достижение поставленной цели обеспечивается последовательным решением ряда задач:

а) описать и сравнить ключевые идеи философско-религиозных течений, оказавших наибольшее влияние на процесс становления китайского общества (конфуцианство, даосизм, буддизм и легизм);

б) охарактеризовать положение социальных институтов в Древнем Китае, таких как сельская община и академия Ханьлин;

в) изучить положение Китайской Народной Республики в современные дни;

г) представить проблемы, с которыми сталкиваются китайские власти в рамках реализации социокультурной политики.

Материалы и методы

В рамках проведенного исследования был использован комплекс общих и специальных методов научного познания, таких как исторический (в рамках прослеживания влияния существующих философско-религиозных течений на развитие китайского общества), описательный (в контексте представления методов адаптации идей, отраженных в философских доктринах, к реалиям китайского общества) и графический (представление полученной информации при помощи рисунков и таблиц).

Результаты исследования

В рамках исследования была представлена типология, в рамках которой проблемы практического управления социально-культурными процессами в Китае были разделены на несколько видов. Результаты, связанные с изучением сходств и различий идей существующих философско-религи-

озных течений, также были отражены в соответствующей таблице.

Обсуждение

Нельзя отрицать, что на протяжении долгих веков именно конфуцианские идеи способствовали достижению стабильного общественного порядка, как отмечает Ли Сяосюань [5, с. 92]. По мнению О. Р. Халтаевой, концепция укрепления общественного строя основывалась на соблюдении определенных добродетелей, таких как честность и доброта по отношению к окружающим; в противном случае появлялся риск возникновения масштабных военных конфликтов [15, с. 20]. Признавалась важность иерархии, например между отцом и сыновьями, ибо считалось, что взаимоотношения, скорректированные таким образом, направлены на снижение индивидуализма и эгоизма, которые традиционная китайская идеология считает социально опасными, как отмечено в статье О. Долгих [3, с. 105].

По мнению Конфуция, правителем мог быть только благородный человек, т. е. владеющий чувством долга и относящийся ко всему гуманно. С одной стороны, долг рассматривался как внутреннее убеждение в том, что индивид должен действовать в соответствии с определенными моральными принципами, даже если это противоречит его личным желаниям. С другой стороны, гуманность означала скромность, справедливость, сдержанность, бескорыстие, сочувствие чужому горю и т. д. Неудивительно, что такой человек предстал в качестве отеческой фигуры в глазах местных жителей.

Обязательства по управлению обществом были возложены на плечи сельских общин, как отмечает А. Л. Рябинин [10, с. 67]. В них входили люди, которые проживали на одной территории и занимались общей деятельностью, будь то посев сельскохозяйственных культур или поклонение божеству. На протяжении тысяч лет в деба-

тах о государственных реформах, проводимых в кругах правящей конфуцианской элиты, большое внимание уделялось правилам организации деревенской жизни. Например, в «Рассуждениях о соли и железе» подчеркивается важность сельского хозяйства для государства, поскольку оно гарантирует, что «народ будет простым и честным» и, как следствие, им будет легко управлять [21, р. 589]. Аграрная культура определила основные черты китайской цивилизации, к которым относятся привязанность к родной земле и нежелание путешествовать, неприятие «новшеств», которые, как следствие, тормозили технологическое развитие, желание к воссоединению с природой и т. д.

Интеллектуальные слои общества могли получить образование в академии Ханьлин [22, с. 232]. Туда принимались конфуцианские ученые, успешно сдавшие дворцовые экзамены на высшую степень – цзиньши. Многие из них впоследствии достигли высших придворных должностей, таких как великий канцлер. В их обязанности входила подготовка проектов императорских указов. Учились там и деятели искусства, такие как Ли Бай (поэт), Янь Шу (каллиграф), Оуян Сю (историк) и др. Это учреждение считалось настолько важным, что северные государства также основали похожие академии: Ляо после 947 г. (в XI в. ее ученые, среди прочего, переводили китайские произведения на киданьский язык) и Си Ся в 1161 г. [20, с. 111].

То же касается и даосизма, зарождение которого связано с личностью Лао-цзы (570–490 гг. до н. э.), выступающего в качестве автора основополагающего текста «Дао дэ цзин». Ключевой категорией рассматриваемого течения является дао. Как отмечают А. А. Стремительская и Хоу Линь, оно подразумевает «невмешательство в естественный порядок вещей» [16, с. 150]. Иными словами, люди должны проживать в абсолютной гармонии с природой. Этого

состояния предполагалось достичь посредством медитации, а также путем создания пантеона богов, духов и покровителей. Д. В. Николаев отмечает, что под ним можно также рассматривать универсальную энергию, которая способствовала разделению противоположностей инь и ян (из которых возникли пять элементов – земля, металл, вода, дерево и огонь) [8, с. 528].

По мнению Е. И. Варовой, со временем даосизм стал способствовать формированию морального облика общества, что нашло отражение в создании нормативных правил поведения [2, с. 93]. Роль императора провозглашалась в наблюдении за происходящими событиями. Говоря иначе, он должен позволять идти всему своим чередом, не вмешиваясь в естественные процессы без необходимости. Доказательства того, какие качества считались ценными для правителя, можно найти непосредственно в «Дао дэ цзин»: тот должен уметь контролировать эмоциональные переживания, прислушиваться к воле народа, подстраиваться под меняющиеся обстоятельства. Лао-цзы также весьма критически относится к насилию, считая его предосудительным, поскольку оно всегда плачевно заканчивается для простых людей, которые становятся жертвами угнетения. Другой философ, Чжуан-цзы, был убежден, что каждый человек достигнет счастья только в том случае, если у него будет возможность развиваться в свободной форме, без каких-либо ограничений.

Что касается буддизма, то он пришел в Китай в I в. н. э. из Индии. Его представители верят в спасение человеческой души после смерти, которую ждет потенциальное перерождение. Дальнейшую судьбу определяет карма, т. е. совокупность действий, совершенных в течение всей жизни. В качестве примера для подражания выступал император Ашока, который проводил политику, ориентированную на благо своих

подданных: строил приюты для паломников, отменил ритуальные жертвоприношения животных и даже стал вегетарианцем, спонсировал больницы; на территории Китая строились храмы, где проводились медитации и читались сутры. Т. Ф. Марханова добавляет, что подобные места считались образовательными центрами, где активно переводились тексты и писались комментарии к буддийским текстам, чтобы разъяснить их смысл для желающих [6, с. 110].

Буддисты воспринимали индивидуума, будь то обычный человек или правитель, как форму, наполненную божественностью, поэтому не было причин, по которым люди не могли бы быть равны [12].

Последнее течение, которое оказало наибольшее влияние на процесс становления китайского общества, представлено легизмом.

Легисты считали, что большинство людей по своей природе эгоистичны, т. е. всегда будут действовать в собственных интересах, даже если это навредит окружающим. Поэтому они верили, что полагаться на мораль в управлении государством бессмысленно. Единственный способ поддержания общественного порядка кроется в принятии жесткой системы поощрений и штрафов, как отмечают К. С. Сидаш, З. Н. Каландаришвили и А. В. Кандаурова [11, с. 8]. Соблюдать закон обязаны все, в частности верховный государь.

Наиболее выдающимися представителями данного течения являются Шан Ян и Хань Фэй, которые требовали продвижения по службе и вознаграждения государственных чиновников в соответствии с их способностями и заслугами. Благодаря их инициативе такие государства, как Хань и Цинь, превратились в централизованные империи с сильной монархической властью. Это продолжается и по сей день. Так, по мнению О. В. Дубковой и Цун Фэнлин, с 2013 г. верховенство права включено в си-

стему базовых ценностей социализма «и с этого времени начинается активное включение данного понятия в национальную лингвокультуру» [17, с. 163].

В таблице представлены сходства и различия между перечисленными религиозно-философскими учениями.

Исходя из данных, представленных в таблице, для буддийских и даосских концепций характерно общее неприятие иерархической системы организации общества. С одной стороны, даосы воспринимали существование государства как нечто противозастенное. Буддисты, с другой стороны, не отвергали и не выражали несогласия с государственной системой, но предпочитали жить относительно независимой жизнью в монастырях.

В противовес легисты стремились обеспечить равенство людей перед законом. В их научных трудах строгая дисциплина была поставлена превыше всего. Концепция легизма обобщена в трудах философа Хань Фэй-цзы, который спорил с конфуцианцами о том, что правление благородного человека возможно только в том случае, если тот существует. Если его нет, то необходимы законы, которые служат поддержанию общественного порядка. Для обеспечения соблюдения писаных законов также необходимы должностные лица, способные толковать их. По мнению философа, мир развивается только через противостояние порядка и хаоса. Причиной путаницы считается человеческая индивидуальность и эгоизм.

Конфуций придерживался иного мнения, стремясь закрепить иерархический порядок в обществе. Поведение каждого человека должно соответствовать повелению небес; в противном случае он потеряет «лицо». Ответственность за нарушение естественного порядка вещей лежала не только на нарушителе, но и на субъекте, стоящем в иерархии выше нарушителя,

Таблица
Сравнение ключевых идей конфуцианства, даосизма, буддизма и легизма* /
Table
Comparison of the key ideas of Confucianism, Taoism,
Buddhism, and legalism

Критерий сравнения / Comparison criteria	Конфуцианство / Confucianism	Даосизм / Taoism	Легизм / Legalism	Буддизм / Buddhism
Основные цели человеческого существования / The main goals of human existence	Стабильность общественного порядка / Stability of public order	Гармоничное существование с природой / A harmonious existence with nature	Формирование сильного государства, в основе которого лежат законы / The formation of a strong state based on laws	Освобождение от страданий / Liberation from suffering
Роль императора / The role of the Emperor	Выступает в качестве образца для подражания, ибо тот божественный сын / He acts as a role model, because he is the divine son	Не должен принимать активного участия в происходящих событиях / He should not take an active part in the events that are taking place	Должен иметь твердую руку, чтобы править при помощи системы поощрений и наказаний / He must have a firm hand to rule with a system of rewards and punishments	Играет не центральную роль, куда важнее деятельность монахов / It does not play a central role, but the activity of monks is much more important
Социальный порядок / The social order	Иерархичен, большую роль играет семья как социальный институт / It is hierarchical, and the family plays an important role as a social institution	Спонтанен, ограничиваются любые формы вмешательства в повседневную жизнь граждан / It is spontaneous, and any form of interference in the daily lives of citizens is limited	Четко регламентирован, как в законодательных актах / It is clearly regulated, as in legislative acts	Важную роль играет духовная община / The spiritual community plays an important role

* Составлено автором самостоятельно.

поскольку как таковой он должен был предотвратить правонарушение в силу своего властного положения. В некоторых случаях также возникала коллективная ответственность. Например, вся деревня отвечала перед законом, если житель совершил тяжкое преступление.

Можно подытожить, что наибольшую роль в процветании китайского общества сыграли идеи конфуцианских деятелей. Об этом свидетельствует тот факт, что прин-

ципы сыновей почтительности, уважения к чужим взглядам, честности, стремления к получению новых знаний по-прежнему имеют ценность для китайцев. Многие ритуалы продолжают реализовываться по сей день. Например, в прошлом в третий день третьего месяца по лунному календарю правители приносили подношения в честь умерших предков. Теперь же празднуется Цинмин Цзе (Чистый и Светлый фестиваль), который отмечается через 106 дней

после зимнего солнцестояния. Для этого вся семья собирается на кладбище, чтобы убрать могилы близких. Затем начинается церемония, во время которой зажигаются свечи и веточки, поставленные у могилы. Сжигаются бумажные деньги в надежде, что это принесет процветание умершим предкам. Каждый член семьи, от старшего до младшего, отдает дань уважения усопшему, касаясь земли лбом три раза.

Современный Китай является двигателем мировой экономики, активно инвестируя в инновационные технологии, такие как искусственный интеллект, 5G, возобновляемые источники энергии и биотехнологии. Такого успеха удалось достичь благодаря четкой политике китайского правительства, нацеленной на повсеместное распространение конфуцианских идей. Представители коммунистической партии многократно подчеркивали, что они служат народу, стремясь достичь процветания общества. Си Цзиньпин также использовал термин «ки-

тайская мечта» при выступлении на должность. «Китайская мечта» подразумевает процветание китайской нации, проживающей как внутри государства, так и за его пределами. Юй Лань считает, что в данном лозунге можно найти «четкие отсылки к духовному наследию китайской цивилизации» [19, с. 44]. Таких целей можно достичь путем возвышения страны в глобальном пространстве при помощи реализации таких инициатив, как сотрудничество с другими странами при проведении Шелкового пути и дальнейшее развитие Азиатского банка инвестиций. Также планируется построить общество «сяокан шэжуэй» (среднего класса). Речь идет о том, что главной движущей силой экономики станет уже не экспорт, как раньше, а внутреннее потребление. С. Ю. Распертова отмечает, что именно так «Поднебесная будет содействовать процветанию всего мира» [9, с. 108].

Общественный интерес к возрождению национальных традиций также растет. Об

**Рисунок. Классификация проблем практического управления социально-культурными процессами в Китае* /
Figure. Classification of problems of practical management of socio-cultural processes in China**

* Составлено автором самостоятельно.

этом свидетельствуют увеличение количества школ конфуцианской этики по всему миру, популярность йоги, медитации и китайской медицины, появление тематических статей в крупных изданиях, таких как «Жэньминь жибао».

На текущий момент перед китайским правительством стоит ряд проблем, которые требуют незамедлительного разрешения. Они представлены на рисунке.

Некоторые проблемы связаны с масштабными изменениями в китайском обществе ввиду расширения среднего класса, усиления потребительских привычек и роста материализма. В частности, происходит трансформация понимания семейных взаимоотношений. Можно проследить негативное влияние государственной политики «Одна семья – один ребенок», которая была отменена лишь в 2015 г. В частности, наблюдается значительный гендерный дисбаланс: в 2024 г. на 100 женщин приходилось почти 105 мужчин¹. Это означает, что некоторые мужчины не имеют возможности вступить в брак, в связи с чем пытаются эмигрировать в другую страну в поисках избранницы. Как отмечает В. В. Богаевская, параллельно снижается рождаемость: девушки все чаще откладывают решение завести детей или вообще отказываются от этой идеи; вместо этого они хотят учиться, строить карьеру и путешествовать по миру [1]. Такое отношение подкрепляется моделями сильных женщин, представляемыми в СМИ (в настоящее время 2/3 миллиардеров мира, самостоятельно заработавших свое состояние, родом из Китая). В интернете процветают феминистские движения (C-fem), хотя они сталкиваются со значительным сопротивлением со стороны мужчин, которые хотят сохранить существующее разделение ролей в обществе.

Поднебесная также является мировым лидером по численности рабочей силы (более 780 млн чел.), но ее человеческие ресурсы постепенно сокращаются. По-прежнему более 68 % граждан находятся в трудоспособном возрасте, и медианный возраст составляет 38 лет (ожидается, что к 2050 г. этот показатель превысит 50 лет). Улучшение системы здравоохранения привело к увеличению средней продолжительности жизни (с 44 лет в 1960 г. до 78 – в 2024 г.), что в сочетании с более низким уровнем рождаемости привело к быстрому старению населения. Китай также не может рассчитывать на мигрантов (в 2020 г. их численность составляла всего 1 млн чел.). Появился феномен «4 + 2 + 1», согласно которому единственный ребенок должен финансово содержать не только родителей, но и бабушек и дедушек.

Местные власти осознают значимость представленной проблемы, в связи с чем стремятся проводить образовательные кампании по вопросам репродуктивного здоровья. Целью подобных мероприятий является повышение осведомленности общественности по вопросам сексуального здоровья, а также снижение числа незапланированных беременностей. Нуждающимся семьям предоставляются пособия по уходу за детьми. Многодетным родителям предоставляется возможность работать по сокращенному графику. Также были изданы положения, касающиеся защиты женщин на рабочем месте, которые позволяют избежать гендерной дискриминации.

Китайское правительство рассматривает альтернативные пути решения возникающей ситуации, в частности роботизацию, которая призвана решить проблему нехватки рабочей силы. Ожидается, что Китай будет перенимать инновации, требующие

¹ Население Китая за год сократилось почти на 1,5 миллиона человек. URL: <https://ria.ru/20250117/kitay-1994110320.html> (дата обращения: 21.03.2025).

меньшего числа сотрудников, чем у западных компаний.

Сюда же относится неравенство между сельскими и городскими регионами. Усилившиеся темпы урбанизации способствуют формированию противоречивой картины: с одной стороны, стабильно растущие города восточного побережья, которые вносят наибольший вклад в ВВП, с другой – более бедные провинции Центрального и Западного Китая, которые многие люди покидают в поисках работы. Почти половину ВВП Китая в настоящее время обеспечивают 35 крупных городов. Среди лидеров Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Чэнду и др. Наибольший приток сезонных рабочих в настоящее время наблюдается в Пекине и Шэньчжэне. Несмотря на создание условий для сезонных рабочих, особенно в небольших и средних городах второго и третьего уровня (например, возможность получения регистрации и, следовательно, доступа к государственным услугам), большинство жителей считают, что более высокооплачиваемая работа и перспективы существуют в мегаполисах, т. е. в Шанхае или Пекине.

До сих пор урбанизация была сосредоточена в основном в городах восточного побережья, которые являются промышленными и экспортными центрами страны. В настоящее время благодаря развитию транспортной сети ее бремя постепенно смещается в центральную часть страны. Прибрежные города начали входить в постиндустриальную фазу, становясь центрами торговли, финансов и других услуг, поэтому им нужны люди с более высокой квалификацией. Тяжелая промышленность постепенно уходит из них, но ее доля в ВВП Китая по-прежнему остается преобладающей, как отмечается в трудах П. М. Мозиаса [7].

В своих научных трудах Цзе Чжан пишет, что «перекоп баланса урбанистического и сельского населения в сторону перво-

го приводит к тому, что развитие сельского хозяйства прекращает свое развитие, тем самым замедляются процессы воспроизводства важных продуктов питания (нарушается устойчивость продуктовой безопасности страны) [18]. В деревнях снижается количество трудовых ресурсов, необходимых для возделывания земель. Отток молодежи из сел и деревень приводит к тому, что подобные регионы превращаются в пустоши – значительная часть территорий просто становится непригодной для жизни, так как земли не возделываются и угодья становятся заброшенными».

Следующая группа проблем связана с возникающим конфликтом между традициями и инновациями. Наиболее популярным примером является моральный кризис китайского общества [13]. Многие люди стремятся вести потребительский образ жизни, т. е. деньги и материальное богатство стали главным средством оценки личного успеха. Они стремятся получать удовольствие, проводят свободное время в смартфонах, верят всему, что написано в интернете. Ю. А. Ишутина приводит пример: «Одной из черных шуток китайской молодежи является неофициальное название одного из государственных праздников – Дня молодежи, которое вместо “Четвертое мая” произносится как “помереть охота”» [4, с. 62]. Наблюдается конфликт между младшими и старшими поколениями, которые пережили разные исторические периоды развития китайской цивилизации. В таких обстоятельствах рекомендуется внедрение учебных занятий, посвященных моральным ценностям, как это было сделано в России («Разговоры о важном»).

Последняя часть возникающих трудностей связана с размыванием традиционных ценностей ввиду внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни. Например, пока Народный банк Китая тестирует несколько версий электронных кошельков

и экспериментировать с деньгами с определенным сроком годности, в некоторых регионах отсутствует доступ к высококачественному интернету. Сюда же относится дилемма, связанная с авторским правом и созданием произведений на основании наработок искусственного интеллекта. К тому же в интернете ежедневно появляются большие объемы информации, которая нередко носит вирусный характер, но не отражает правдивости ситуации. Рекомендуется внедрить соответствующие законодательные акты, которые способствовали бы защите цифровых прав каждого гражданина.

Заключение

Китайское общество развивалось бок о бок с разными философско-религиозными течениями, такими как конфуцианство, даосизм, буддизм и легизм. Еще в прошлом

были сформулированы традиционные ценности, такие как уважение предков, доброжелательность, сочувствие чужому горю, честность, справедливость и т. д.; по сей день они продолжают играть важную роль в сердцах современных китайцев. Об этом свидетельствует повсеместное открытие центров Конфуция, а также возрождение традиций заботы о пожилых родителях. Государство активно поддерживает инициативы, направленные на укрепление семейных связей. Однако в связи с распространением западной культуры возникают определенные проблемы, стагнирующие проведение социокультурной политики. Например, к таковым относятся снижение рождаемости, рост числа разводов, размывание границ между искусством и искусственным интеллектом и др.

Список источников

1. *Богачевская В. В.* Социальные последствия политики «Одна семья – один ребенок» в Китае // *Modern oriental studies*. 2020. № 5. С. 114–122.
2. *Варова Е. И.* Роль даосизма в современном китайском обществе // *Общество и государство в Китае*. 2013. № 2. С. 90–94.
3. *Долгих О.* Конфуцианство: традиции и современность // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2003. № 10. С. 101–110.
4. *Ишутина Ю. А.* Проблемы нравственного воспитания в КНР: традиция и современность // *Известия Восточного института*. 2015. № 2. С. 60–64.
5. *Ли Сяосюань.* Роль конфуцианства во внутренней политике современного Китая // *Россия в глобальном мире*. 2022. № 25. С. 91–106.
6. *Марханова Т. Ф.* Буддийские монастыри Китая, Кореи и Японии (V–VII вв. н. э.) // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 5. С. 109–124.
7. *Мозиас П. М.* Урбанизация в Китае: прошлое и настоящее // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. 2022. № 1. С. 121–155.
8. *Николаев Д. В.* Дао как феномен китайской философии и культуры // *E-Scio*. 2021. № 1. С. 524–529.
9. *Распертова С. Ю.* «Китайская мечта» как культурная стратегия КНР по повышению «мягкой силы» государства на международной арене // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2015. № 13. С. 104–116.
10. *Рябинин А. Л.* Сельская община в Китае: pro et contra // *Восточный курьер*. 2020. № 1. С. 57–79.
11. *Сидаш К. С., Каландаришвили З. Н., Кандаурова А. В.* Генезис и основы древнекитайской правовой доктрины легизма // *Право и практика*. 2018. № 2. С. 5–10.
12. *Сомкин А. А.* Актуальные концепции «целостной личности» в современной социальной философии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 121 с.
13. *Сомкин А. А.* Целостные социальные системы как объект системного анализа: особенности их познания и типологические черты // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2017. № 3. С. 64–77.

14. Фролов Д. Е., Сомкин А. А., Сомкина А. Н., Стафеев А. В. Философия как системно-рационализированное мировоззрение // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19, № 3. С. 295–305.
15. Халтаева О. Р. Конфуцианские принципы государственного управления // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 18–21.
16. Хоу Линь, Стремитская А. А. Даосизм как фактор гармонизации современного китайского общества // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 4. С. 148–152.
17. Цун Фэнлин, Дубкова О. В. Ключевые понятия легизма и их трансформация в современной китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2023. № 9. С. 162–168.
18. Чжан Цзе. Проблемы урбанизации в современном Китае и направления их решения // Социология. 2021. № 3. С. 46–52.
19. Юй Лань. Китайская мечта как идеологическая концепция новой эпохи развития КНР // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 4. С. 43–47.
20. Chung A. L. Y. The Hanlin Academy in the Early Ch'ing Period (1644–1795) // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. 1966. No. 6. P. 100–119.
21. Nishijima S. The Economic and Social History of Former Han // Cambridge University Press. 1986. No. 1. P. 545–607.
22. Stevens K. The Han Lin Academy and a Chinese Deity // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. 1996. No. 36. P. 231–233.

References

1. Bogaevskaya V. V. Social consequences of the “One family, one child” policy in China. *Modern oriental studies*. 2020; 5: 114–122. (In Russ.)
2. Varova E. I. The role of Taoism in modern Chinese society. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*. 2013; 2: 90–94. (In Russ.)
3. Dolgikh O. Confucianism: Traditions and modernity. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2003; 10: 101–110. (In Russ.)
4. Ishutina Y. A. Problems of moral education in the PRC: Tradition and modernity. *Izvestiya Vostochnogo instituta = The Far Eastern University Journal*. 2015; 2: 60–64. (In Russ.)
5. Li Xiaoxuan. The role of Confucianism in the internal politics of modern China. *In: Rossiya v global'nom mire = Russia in the Global World*. 2022; 25: 91–106. (In Russ.)
6. Markhanova T. F. Buddhist monasteries of China, Korea and Japan (V–VII centuries A.D.). *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Studies*. 2018; 5: 109–124. (In Russ.)
7. Moziya P. M. Urbanization in China: Past and present. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature*. 2022; 1: 121–155. (In Russ.)
8. Nikolaev D. V. Dao as a phenomenon of Chinese philosophy and culture. *E-Scio*. 2021; 1: 524–529. (In Russ.)
9. Raspertova S. Y. “Chinese dream” as a cultural strategy of the PRC to enhance the “soft power” of the state in the international arena. *In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2015; 13: 104–116. (In Russ.)
10. Ryabinin A. L. Rural community in China: pro et contra. *Vostochnyy kur'yer = The Eastern Courier*. 2020; 1: 57–79. (In Russ.)
11. Sidash K. S., Kalandarishvili Z. N., Kandaurova A. V. Genesis and foundations of the ancient Chinese legal doctrine of legalism. *Pravo i praktika = Law and Practice*. 2018; 2: 5–10. (In Russ.)
12. Somkin A. A. Actual concepts of the “integral personality” in modern social philosophy. Saransk, 2006. 121 p. (In Russ.)
13. Somkin A. A. The holistic social systems as an object of systematic analysis: the specialties of their

- cognition and the main typological features. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2017; 3: 64–77. (In Russ.).
14. Frolov D. E., Somkin A. A., Somkina A. N., Stafeev A. V. Philosophy as Modern Systematically Rationalized Worldview. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2019; 19(3): 295–305. (In Russ.).
 15. Khaltayeva O.R. Confucian principles of public administration. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Buryat State University. 2015; 14: 18-21. (In Russ.)
 16. Hou Lin, Stremitskaya A. A. Taoism as a factor in the harmonization of modern Chinese society. In: *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Scholarly Notes of Transbaikalian State University. 2013; 4: 148-152. (In Russ.)
 17. Cong Fenling, Dubkova O. V. Key concepts of legalism and their transformation in modern Chinese linguoculture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. 2023; 9: 162–168. (In Russ.)
 18. Zhang Jie. Problems of urbanization in modern China and directions for their solution. In: *Sotsiologiya* = Sociology. 2021; 3: 46–52. (In Russ.)
 19. Lan Yu. The Chinese dream as an ideological concept of the new era of development of the PRC. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* = Society: Politics, Economics, Law. 2022; 4: 43–47. (In Russ.)
 20. Chung A. L. Y. The Hanlin Academy in the Early Ch'ing Period (1644-1795). *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society*. 1966; 6: 100–119.
 21. Nishijima S. The Economic and Social History of Former Han. In: *Cambridge University Press*. 1986; 1: 545-607.
 22. Stevens K. The Han Lin Academy and a Chinese Deity. *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society*. 1996. No. 36. P. 231–233.

Поступила 11.02.2025

Сведения об авторах

Ли Сючжоу – преподаватель кафедры экономики и финансов финансового факультета Технологического университета Сюйчжоу (Сюйчжоу, Китайская Народная Республика). Сфера научных интересов: социальная и политическая философия. Автор 5 научных публикаций.
E-mail: 453410849@qq.com

Сомкина Алла Николаевна – преподаватель ФДП СПО Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, аксиология, проблема взаимоотношений личности и общества. Автор около 30 научных и учебно-методических работ, в том числе 2 монографий (в соавторстве). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7269-6831>.
E-mail: alla-tishkina@yandex.ru

Submitted 11.02.2025.

About the authors

Li Xiaozhou – Lecturer, Department of Economics and Finance, Faculty of Finance, Xuzhou University of Technology (Xuzhou, People's Republic of China). Research interests: social and political philosophy. The author of 5 scientific publications.
E-mail: 453410849@qq.com

Alla N. Somkina – Lecture, Faculty of pre-University training and secondary vocational education, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social philosophy, axiology, the issues of the relationship between the individual and society. The author of more than 30 scientific, teaching, and methodical works, including two monographs (as a co-author). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7269-6831>.
E-mail: alla-tishkina@yandex.ru

УДК 615.851.13-057.875

Н. Н. Морозова¹, Н. А. Веряскина²

*¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия),*

e-mail: nnm2605@yandex.ru

*² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия),*

e-mail: veriaskina.nadya@yandex.ru

Взаимосвязь синдрома отложенной жизни и перфекционизма у студентов вуза

Аннотация

Введение. В настоящее время всё большее число людей подвержено откладыванию жизни на потом. Это явление приобрело название «синдром отложенной жизни». Проблема отложенной жизни у студентов и молодежи, хотя и актуальна, но до сих пор остается слабо освещенной в литературе. В современном информационном мире наблюдается большое разнообразие взглядов на сам феномен, что нередко приводит к некорректному использованию ключевых понятий в профессиональной психологической среде.

Теоретический анализ литературы. Синдром отложенной жизни (СОЖ) является относительно новым понятием в современной психологии. Одно из первых описаний феномена в нашей стране было предложено В. П. Серкиным в 1990-е гг. в результате комплексного исследования психологических особенностей тех, кто живет в северных регионах и мечтает о переезде в южные регионы. Как отмечают различные авторы, синдром отложенной жизни представляет собой совокупность жизненных сценариев, при которых индивид искренне и часто неосознанно убеждается в том, что он лишь готовится к настоящей жизни, откладывая ее на потом. Большинство специалистов не считают феномен синдрома отложенной жизни психологическим или психическим нарушением, однако признают, что он может способствовать возникновению неврозов, депрессии и других подобных состояний, которые неизбежно ведут к ухудшению качества жизни.

Материалы и методы. С целью выявления характера взаимосвязи между выраженностью синдрома отложенной жизни и перфекционизмом у студентов вуза мы провели эмпирическое исследование на базе Национального исследовательского Мордовского государственного

ного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск). Выборка составила 52 студента. В соответствии с целью и задачами исследования нами была составлена авторская анкета из 30 вопросов, предназначенная для диагностики синдрома отложенной жизни. Для изучения стремления к перфекционизму использовалась методика «Многомерная шкала перфекционизма, MPS».

Результаты исследования и обсуждение. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что существует взаимосвязь между синдромом отложенной жизни и перфекционизмом у студентов вуза: чем больше стремление к совершенству и идеальности, тем охотнее студент вуза будет откладывать важные решения в своей жизни и свою жизнь в целом. Наиболее выраженной оказалась корреляционная связь между желанием отложить жизнь на потом и шкалой «Социально предписанный перфекционизм». Это говорит о том, что респонденты считают, что социум навязывает недостижимые требования. Они склонны требовать от себя большего и совершенного, а также считают, что окружающие тоже ждут от них оправдания нереалистичных требований и потому зависят от оценки и одобрения окружающих людей.

Ключевые слова: отложенная жизнь, синдром, ипотечный сценарий, студенты вуза, перфекционизм, корреляция, социально предписанный.

Для цитирования: Морозова Н. Н., Веряскина Н. А. Взаимосвязь синдрома отложенной жизни и перфекционизма у студентов вуза // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 177–188. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.177-188.

Nadezhda N. Morozova¹, Nadezhda A. Veryaskina²

*¹ National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: nnm2605@yandex.ru*

*² National Research Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia),
e-mail: veriaskina.nadya@yandex.ru*

Correlation of the Delayed Life Syndrome and Perfectionism in University Students

Abstract

Introduction. Currently, more and more people are prone to postponing their lives “for later”. This phenomenon has acquired the name “deferred life syndrome”. The problem of deferred life among students and young people, although relevant, still remains little covered in the literature. In the modern information world, there is a wide variety of views on the phenomenon itself, which often leads to the incorrect use of key concepts in the professional psychological environment. Theoretical analysis of the literature. Deferred life syndrome (DLS) is a relatively new concept in modern psychology. One of the first descriptions of the phenomenon in our country was proposed by V. P. Serkin in the 90s of the last century as a result of a comprehensive study of the psychological characteristics of those who live in the northern regions and dream of moving to the southern regions. As noted by various authors, deferred life syndrome is a set of life scenarios in which an individual sincerely and often unconsciously becomes convinced that he is only preparing for real life, postponing it for later. Most experts do not consider the phenomenon of deferred life syndrome to be a psychological or mental disorder, but they recognize that it can contribute to the development of neuroses, depression and other similar conditions that inevitably lead to a deterioration in the quality of life.

Materials and Methods. In order to identify the nature of the relationship between the severity of deferred life syndrome and perfectionism in university students, we conducted an empirical study at the National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk). The sample consisted of 52 students. In accordance with the purpose and objectives of the study, we compiled an original

questionnaire of 30 questions designed to diagnose deferred life syndrome. To study the desire for perfectionism, the Multidimensional Perfectionism Scale (MPS) technique was used.

Research Results and Discussion. The analysis of the obtained data allows us to conclude that there is a relationship between the syndrome of postponed life and perfectionism in university students, that is, the greater the desire for perfection and ideality, the more willingly a university student will postpone important decisions in his life and his life in general. At the same time, the most pronounced correlation was between the desire to postpone life “for later” and the scale “Socially prescribed perfectionism”, which indicates that respondents believe that society imposes unattainable requirements. They tend to demand more and perfection from themselves, and also believe that others also expect them to justify unrealistic demands and therefore depend on the assessment and approval of others.

Keywords: deferred life, syndrome, mortgage scenario, university students, perfectionism, correlation, socially prescribed.

For citation: Morozova N. N., Veryaskina N. A. Correlation of the Delayed Life Syndrome and Perfectionism in University Students. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 177–188. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.177-188.

Введение

В настоящее время всё большее количество людей подвержено откладыванию жизни на потом. Это явление приобрело название «синдром отложенной жизни». У человека с таким синдромом есть стойкое ощущение нехватки чего-либо для счастливой жизни: отношений, квартиры, высокой должности и т. д. В итоге многие из нас ощущают недовольство имеющимся уровнем достижений, но откладывают необходимые жизненные изменения на будущее, надеясь на то, что придет время, когда они будут наконец готовы осуществить их. Такое состояние является следствием современных реалий потребительского общества, когда люди все больше охвачены желанием достичь успешной карьеры, накопить материальные ценности для начала так называемой настоящей жизни, что в действительности отдаляет их от получения радости и наполненности жизни смыслом в текущем моменте.

Люди, страдающие синдромом отложенной жизни, весьма искренне уверены в том, что в настоящем они лишь готовятся к будущему и создают выгодные условия для него. Сегодняшний момент трактуется ими не более чем набросок или черновик к чему-то более значимому, что произойдет

потом. Подобного рода установки к своей жизни создают постоянный режим ожидания, иллюзии наступления подлинной жизни только в отдаленной перспективе, а также замещения истинных ощущений счастья в кругу семьи, общения с близкими, профессиональной самореализацией, например внешними атрибутами успешности (финансовой состоятельностью, количеством приобретенных материальных благ и т. д.). В результате, например, молодость как наиболее активный возрастной этап в жизни становится не периодом важных поступков в направлении личной, семейной жизни, а временем подготовки к ним.

Проблема отложенной жизни у студентов и молодежи, хотя и актуальна, но до сих пор остается слабо освещенной в литературе. В современном информационном мире наблюдается большое разнообразие взглядов на сам феномен, что нередко приводит к некорректному использованию ключевых понятий в профессиональной психологической среде. В результате изучение специфики проявления данного феномена у студенческой молодежи, а также характера взаимосвязи с таким личностным свойством, как перфекционизм, актуально в современной психологии.

Целью данного исследования является изучение характера взаимосвязи синдрома отложенной жизни и перфекционизма у студентов вуза.

В качестве задач следует:

а) проанализировать научную литературу по проблеме синдрома отложенной жизни;

б) эмпирически изучить характер взаимосвязи между проявлениями синдрома отложенной жизни и перфекционизмом у студентов вуза.

Теоретический анализ литературы

Синдром отложенной жизни представляет собой совокупность жизненных сценариев, при которых индивид искренне и часто неосознанно убеждается в том, что он лишь готовится к настоящей жизни, откладывая ее на потом [2]. Такое определение дает О. С. Виндекер. Другое определение понятия «синдром отложенной жизни» – это болезненное состояние, при котором люди не способны находить наслаждения в настоящем и всегда обнаруживают причины для этого: они встречаются с кем-то, ждут появления настоящих чувств; работают, ожидая важной возможности, и т. д. [9]. Использование термина «синдром» в отношении отложенной жизни уместно, поскольку речь идет о сочетании проявления целого ряда психологических признаков и симптомов, обусловленных общей причиной.

В современной массовой культуре достаточно часто можно встретить термин «отложенная жизнь». Упоминается данное явление и в художественной литературе. Еще в XIX в. известным английским писателем Р. Киплингом была отмечена история англичан из британских колоний в Индии, которые жили в ожидании настоящей жизни по возвращении на родину [7]. На родину они так и не возвращались, старея со своей мечтой об идеальной жизни. Р. Киплинг заключал не без сожаления, что они умирают, так и не начав жить [7,

с. 47]. Современный российский прозаик В. С. Токарева описывает довольно распространенное в Советском Союзе явление, когда наши соотечественники в поисках больших заработков уезжали в регионы Крайнего Севера и Дальнего Востока, чтобы заработать денег на лучшую жизнь [17]. Так они работали по несколько десятков лет, но, возвратившись назад ближе к пенсионному возрасту, уже не чувствовали ожидаемой удовлетворенности от так называемой новой жизни и полученных денег.

Синдром отложенной жизни является относительно новым понятием в современной психологии. Одно из первых описаний феномена в нашей стране было предложено В. П. Серкиным в 1990-е гг. в результате комплексного исследования психологических особенностей тех, кто живет в северных регионах и мечтает о переезде в южные регионы. Как отмечал исследователь, эти люди верят, что их счастье начнется сразу же после того, как они окажутся в местах с более приятным климатом, развитой инфраструктурой и улучшенными условиями жизни [15]. Ученый также называл это явление северным сценарием.

Синдром отложенной жизни на примере северян отражает особенности социальных установок людей, рассматривающих свою жизнь как не более чем временный искусственный этап, считая ее репетицией перед переездом в регионы с более благоприятным климатом и более развитой инфраструктурой. В. П. Серкин выводил ключевой тезис описываемого синдрома: «Я хочу, я могу, но я себе этого не позволяю» [16]. Данная схема становится частью жизненного сценария, предписанного воспитанием, детскими травмами, окружением, культурной средой.

По замечанию В. П. Серкина, в крайних случаях, когда человек полностью игнорирует потребности настоящего времени, может возникать невроз отложенной жизни.

ни [16]. Такое состояние характеризуется дезадаптацией поведения наряду с реакциями невроза при проблемных ситуациях, с которыми человек не в силах совладать; он начинает пренебрегать комфортом и равнодушно относиться к своему здоровью, а выполнение текущих задач откладывается на неопределенный срок из-за безразличия к ним.

В книге «Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии» советский и российский психолог В. Н. Дружинин [5] рассматривает концепцию мировосприятия, известную как «жизнь начинается завтра, или жизнь как предисловие». При таком сценарии будущая жизнь значима и ценна, она становится сверхценной для человека, в то время как жизнь в настоящем времени теряет свою ценность и становится несущественной. Автор описывает это состояние как «вечное детское состояние», где истинная жизнь в качестве взрослого человека еще только назревает. Она подобна горизонту, который удаляется, стоит сделать шаг вперед (днем, неделей, месяцем, годом). Когда человек оказывается перед метафорической пропастью, тогда только чувствует потерю времени. Жизнь была упущена на подготовку к ней [5, с. 12].

Большинство специалистов не считают феномен синдрома отложенной жизни психологическим или психическим нарушением, однако признают, что он может способствовать возникновению неврозов, депрессии и других подобных состояний, которые неизбежно ведут к ухудшению качества жизни. Разумеется, явлению отложенной жизни не всегда сопутствуют указанные последствия, однако оно может серьезно повлиять на жизнь тех, кто данному феномену подвержен. Стремление к отложенной жизни формирует в сознании человека некую картину образа мышления, где он ведет подготовку к жизни. В таком случае могут строиться планы, до реализа-

ции которых такой человек так и не дойдет, вследствие чего появляется чувство личной нереализованности.

Согласно А. С. Сафиной, данный синдром не психическое заболевание, а лишь один из способов мышления и поведения, особое восприятие действительности, при котором человек акцентирует внимание на том, чтобы заранее подготовиться к жизни, но не жить здесь и сейчас [14]. Они также отмечают, что люди с этим синдромом имеют стойкую тягу к счастливой и насыщенной жизни, но так никогда полностью и не достигают ее. Если цели и планы не достигаются, человек начинает ощущать себя неадекватным и его самооценка серьезно страдает. Согласно исследователям, чаще всего проявления синдрома свойственны лицам в возрасте от 20 до 40 лет. Молодые люди нередко считают, что есть еще много времени для того, чтобы начать жизнь, о которой всегда мечтали. Будущее в этом смысле выглядит для них более ярким, стабильным и безопасным.

Ю. А. Костылева указывает на противоречивый и даже разрушительный характер чувства обнадуженности будущим: надежда на лучшее помогает преодолевать трудные времена. Проблема в том, что мы перестаем ценить хорошие моменты и наслаждаться ими, продолжая по инерции ждать от жизни лучшего [8]. Надежда на прекрасное будущее дает возможность избежать ответственности в настоящем. Это удобная позиция жертвы, где «Я» ведет себя подобно детскому образу жизни, полагаясь на помощь внешних сил, обстоятельств и игнорируя возможность самостоятельно и активно изменить свою ситуацию.

А. Ю. Лапшов, комплексно анализируя феномен отложенной жизни, отмечает, что в результате распространенности синдрома не только в отдаленных регионах и провинциях, но и в крупных городах нашей страны возникает угроза развития целого ряда

социальных проблем: рост социального сиротства, сокращение рождаемости, принудительная миграция [10].

Обобщая результаты эмпирических исследований различных авторов, следует отметить ряд характерных симптомов обозначенного феномена:

1) жизнь разделяется на три этапа: ожидание, достижение и вознаграждение;

2) период ожидания становится более важным и продолжительным для человека, чем остальные;

3) текущие события кажутся субъекту несущественными и второстепенными;

4) у субъекта появляется чувство неловкости и тревоги при обнаружении собственных склонностей и способностей в настоящем;

5) в период ожидания у человека отсутствуют другие ясные планы и цели, кроме достижения и вознаграждения;

6) проявляется склонность к накоплению, экономии и самоуспокоению;

7) подавляются собственные значимые потребности, эмоции и чувства, человек больше интересуется жизнью других людей;

8) люди, застрявшие в сценарии откладывания жизни до лучших времен, часто жалеют об упущенных возможностях и не могут быть удовлетворены своим текущим положением;

9) неспособность взять на себя ответственность за свою жизнь.

Как отмечает В. П. Серкин, людей, страдающих синдромом отложенной жизни, можно разделить на три типа.

Первый тип вплотную следует к своей цели, придерживаясь особых «сценариев достижения», которые определяют ограниченный образ жизни. В их пределах человек, чего-то добиваясь, держит себя в определенных рамках собственных требований.

Вторая группа сконцентрирована на достижении целей других людей и отклады-

вании собственных. Для них характерно отсутствие желания нести ответственность за свою жизнь.

Представители третьего типа предпочитают совсем пассивное ожидание иллюзорного счастливого будущего, не проявляя текущей активности в своей жизни [16]. Это связано с недостаточностью личностных ресурсов и низким уровнем способностей к целеполаганию.

Жизнь по сценарию отложенного счастья, как ни странно, приносит положительные результаты. Как отмечает О. В. Панченкова, придерживаясь определенного плана в повседневности, человек приобретает представление о будущем; сценарий помогает избегать автономного принятия решений, структурировать время, поддерживать мотивацию к достижениям, формировать более широкий социальный контекст, поскольку его поступки становятся понятными для других людей [12].

Среди наиболее распространенных терминов, созвучных и связанных по смыслу с изучаемым нами явлением, можно перечислить следующие: «синдром отложенной жизни», «сценарий отложенной жизни», «ипотечный сценарий», «северный сценарий», «феномен отложенной жизни», «феномен отложенного счастья», «невроз отложенной жизни», «синдром вахтовика», «северный невроз» и др. Все эти термины объединены сходством, однако они не являются полностью синонимичными.

С начала 2000-х гг. и по наши дни активно набирает сторонников так называемый ипотечный сценарий [1]. В его основе лежит идея откладывать «настоящую» жизнь, осуществление своих желаний и потребностей до тех пор, пока не будут выплачены все кредитные обязательства. Другим примером развития сценария отложенной жизни является выбор стратегии отказа от замужества у некоторых женщин среднего возраста [12]. Исследования, проведенные

по этому вопросу, показывают, что представления таких женщин о себе и их образе жизни в данный момент и в возможном браке нередко отражают влияние сценариев и неврозов, связанных с откладыванием своей жизни.

К одному из сценариев отложенной жизни можно отнести и так называемый декретный сценарий [14], продолжающийся несколько лет. В период декрета у женщин могут возникать различные неблагоприятные психологические состояния, а сам отпуск может приобретать характер поведенческого сценария.

Как отмечает Е. В. Найденова, синдрому отложенной жизни подвержены люди, чьи родители с раннего детства не считали нужным признавать маленькие победы своих детей, ориентируя их больше на необходимость стремиться к глобальным достижениям и тем самым умаляя значение их ранних успехов [11].

Конечно, отмеченные выше проявления феномена отложенной жизни по-своему специфичны, но их общая тенденция – откладывание жизни на потом. Она становится все более распространенной среди современных людей и оказывает значительное влияние на наше общество.

В рамках обозначенной нами проблемы коротко остановимся на понятии перфекционизма. Данное понятие применяется для описания стремления индивида к идеалу, а те, кто отличается подобным стремлением, называются перфекционистами. Они устанавливают для себя и своей деятельности чрезвычайно высокие требования [18]. Большинство экспертов в области психического здоровья рассматривают его как «психологически нездоровое явление» [3; 6; 13; 18]. Перфекционистам свойственно чувство беспомощности в контроле над жизнью, фрустрации и пренебрежения положительными моментами жизни. Как отмечают П. Хьюитт и Г. Флетт, у таких людей

нередко возникают мысли, что начинать и делать реальные действия бесполезно, ведь эта работа все равно не будет идеально совершенной для мира и для него самого [19].

Синдром отложенной жизни и перфекционизм – два состояния, которые представляют собой серьезные вызовы в повседневной жизни. Синдром отложенной жизни – это тенденция откладывать различные задачи и обязанности на потом, надеясь, что в будущем будет больше времени, энергии и ресурсов. Перфекционизм же отражает стремление совершенствоваться во всем, добиваясь непревзойденных результатов и идеальных исполнений. Перфекционист не может радоваться достижениям, так как на постоянной основе недоволен собой и собственными результатами. Это обусловлено патологически нездоровой самокритикой, что в дальнейшем приведет к избегающему поведению.

Оба этих состояния переживаются, мешают ему в достижении целей и счастья. Синдром отложенной жизни приводит к тому, что человек все время ощущает давление и стресс из-за нерешенных задач, ставя себя под давление в последний момент и к тому же упуская возможности для развития и роста. Перфекционизм часто замедляет действия и приводит к парализации принятия решений. Подверженный обоим этим явлениям человек боится сделать ошибку или не соответствовать высоким стандартам, что часто приводит к прокрастинации и упущенным возможностям.

Методы эмпирического исследования

С целью выявления характера взаимосвязи между выраженностью синдрома отложенной жизни и перфекционизмом у студентов вуза мы провели эмпирическое исследование на базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск). Участниками данного исследования стали студенты различных курсов

и направлений подготовки («Психология», «История», «Политология», «Промышленное и гражданское строительство») в возрасте от 18 до 23 лет. Выборка составила 52 чел. – 37 девушек и 15 юношей.

В научном сообществе до настоящего времени не выработан общепринятый диагностический инструментарий для оценки уровня выраженности феномена отложенной жизни. Большинство авторов, экспериментально исследовавших феномен, прибегали к самостоятельным разработкам. В связи с этим на основе проведенного теоретического анализа и накопленного эмпирического опыта изучения феномена отложенной жизни нами была составлена авторская анкета из 30 вопросов, среди которых, на-

пример, такие: «Испытываете ли Вы часто затруднения в принятии решений?», «Вы часто ждете идеального момента для начала действия?», «У вас часто возникает страх неудачи и совершения ошибки?». Все вопросы носили закрытый характер с вариантами «Да», «Иногда», «Нет».

Для изучения стремления к перфекционизму использовалась методика «Многомерная шкала перфекционизма, MPS» [4].

Результаты исследования и обсуждение

Благодаря опроснику «Многомерная шкала перфекционизма» выявлен уровень степени выраженности перфекционизма (табл. 1). В результате проведенного исследования мы видим, что большая часть

Таблица 1
Результаты диагностики перфекционизма по методике Грачева, %*/
 Table 1
Results of perfectionism diagnostics according to Grachev's method, %*

Шкала / Scale	Уровень выраженности перфекционизма, % / Perfectionism expression level, %		
	Высокий / High	Средний / Medium	Низкий / Low
Интегральная шкала перфекционизма / Perfectionism Integral Scale	3,85	61,54	34,62
Ориентированный на себя / Self-oriented	7,69	88,46	3,85
Ориентированный на других / Other-oriented	1,9	73,08	25,0
Социально предписанный / Socially prescribed	7,69	90,38	1,92
Общий показатель перфекционизма / Overall perfectionism score	5,76	83,97	10,25

* Составлено авторами / Compiled by the authors

Таблица 2
Результаты диагностики синдрома отложенной жизни (СОЖ), %*
 Table 2
Results of delayed life syndrome (DLS) diagnosis, %*

Шкала / Scale	Уровень степени выраженности СОЖ / Level of severity of the delayed life syndrome		
	Высокий / High	Средний / Medium	Низкий / Low
СОЖ	19,23 %	57,69 %	23,07 %

* Составлено авторами / Compiled by the authors

Таблица 3

Корреляционная связь выраженности синдрома отложенной жизни и шкал перфекционизма (при корреляционной значимости на уровне 0,01)* /

Table 3

Correlational relationship of delayed life syndrome severity and perfectionism scales (with correlation significance at the 0.01 level)*

Шкала СОЖ / Delayed life syndrome scale	Шкалы перфекционизма			
	Интегральная шкала перфекционизма / Perfectionism Integral Scale	Ориентированный на себя / Perfectionism Integral Scale	Ориентированный на других / Perfectionism Integral Scale	Социально предписанный / Perfectionism Integral Scale
СОЖ / Delayed life syndrome	$r = 0,537$	$r = 0,331$	$r = 0,298$	$r = 0,597$

* Составлено авторами / Compiled by the authors

испытуемых (83,97 %) характеризуется средним уровнем выраженности перфекционизма, 10,25 % имеют низкую выраженность перфекционизма и только у 5,76 % выявлен высокий уровень стремления к совершенству.

Далее с помощью проведенной авторской анкеты нами была выявлена степень выраженности синдрома отложенной жизни у респондентов (табл. 2).

В табл. 2 показано, что большее число студентов из выборки имеет среднюю степень выраженности СОЖ (57,69 %), тогда как низкую степень имеют 23,07 %, высокую – 19,23 %.

Для того чтобы выявить взаимосвязь между синдромом отложенной жизни и перфекционизмом, мы провели корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена с применением статистического пакета SPSS Statistics 23.0. Результаты можно увидеть в табл. 3.

По шкале «Интегральная шкала перфекционизма» можно увидеть стремление быть совершенным, безупречным во всем. Корреляционный анализ выявил, что связь между выраженностью синдрома отложенной жизни и перфекционизмом прямая ($r = 0,537$; $p \leq 0,01$) Соответственно, чем более высокий уровень степени выражен-

ности СОЖ, тем больше потребности у человека сделать что-то либо в совершенном его исполнении либо не делать вовсе. По шкале перфекционизма «Ориентированный на себя» мы можем заметить, что чем выше выраженность СОЖ, тем больше требований человек накладывает на себя.

Проведенный корреляционный анализ также показал наличие прямой связи между перфекционизмом «Ориентированный на себя» и выраженностью признаков СОЖ ($r = 0,331$; $p \leq 0,01$). Таким образом, чем больше человек «откладывает свою жизнь», тем больше он требует от себя и имеет завышенные и нереалистичные требования.

По шкале перфекционизма «Ориентированный на других» можно судить о высоких стандартах, которые человек предъявляет к окружающим людям. Корреляционный анализ показал прямую связь между признаками выраженности СОЖ и предъявлением нереалистичных требований к другим людям ($r = 0,298$; $p \leq 0,01$). Однако нельзя сказать, что эта связь существенна.

По шкале «Социально предписанный перфекционизм» мы можем определить потребность во всем стараться соответствовать стандартам и ожиданиям значимых других людей. По проведенному корреляционному анализу была выявлена прямая

связь между признаками выраженности СОЖ и показателем шкалы перфекционизма «Социально предписанный» ($r = 0,597$; $p \leq 0,01$). Мы можем сделать вывод о том, что если человек воспринимает настоящее как черновик, то он более склонен к убеждению, что другие люди ждут от него совершенства и требуют идеальности во всем.

Таким образом, анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что существует взаимосвязь между синдромом отложенной жизни и перфекционизмом у студентов вуза: чем больше стремление к совершенству и идеальности, тем охотнее

студент вуза будет откладывать важные решения в своей жизни и свою жизнь в целом. При этом наиболее выраженной оказалась корреляционная значимость между желанием отложить жизнь на потом и шкалой «Социально предписанный перфекционизм». Это говорит о том, что респонденты считают, что социум навязывает недостижимые требования. Они склонны требовать от себя большего и совершенного, а также считают, что окружающие тоже ждут от них оправдания нереалистичных требований и потому зависят от оценки и одобрения окружающих людей.

Список источников

1. *Быкова И. А., Серкин В. П.* Жизнь в ипотеке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3, № 3. С. 98–106.
2. *Виндекер О. С., Сморгалова Т. Л., Лебедев С. Ю.* Психологические корреляты прокрастинации и сценарий отложенной жизни // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 150, № 2. С. 98–108.
3. *Гараян Н. Г.* Перфекционизм и психические расстройства (обзор) // Терапия психических расстройств. 2006. № 1. С. 31–40.
4. *Грачева И. И.* Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 6. С. 73–81.
5. *Дружинин В. Н.* Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. СПб.: Питер, 2011. 206 с.
6. *Зеленцова Ю. В.* Типологический подход к исследованию перфекционизма в работах зарубежных и отечественных психологов // Приволжский научный вестник. 2015. № 6–2. С. 87–90.
7. *Киплинг Р.* Избранное. Л.: Художественная литература, 1980. 539 с.
8. *Костылева Ю. А., Серкин В. П.* Феноменология сценария и невроза отложенной жизни у линейных менеджеров // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 1. С. 201–227.
9. *Кутявина Е. Е.* Синдром отложенной жизни – теоретическая интерпретация // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 5. С. 184–192.
10. *Лапишов А. Ю.* Феномен отложенной жизни – как жизненный сценарий личности в современном обществе // На перекрестке континентов: материалы XXXI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 237–243.
11. *Найденова Е. В.* Завышенные социальные ожидания как фактор формирования синдрома отложенной жизни // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2022. Т. 5, № 1. С. 40–52.
12. *Панченкова О. В., Серкин В. П.* Незамужество женщин среднего возраста как фактор сценариев и неврозов отложенной жизни // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2017. № 7. С. 186–193.
13. *Параманова В. В.* Высшие устремления личности: перфекционизм как патологический феномен // Проблемы развития и бытия личности. 2009. № 1. С. 64–78.
14. *Сафина А. С.* Краткий сценарий отложенной жизни: декретный сценарий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2019. № 9. С. 80–86.
15. *Серкин В. П.* Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.

16. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) // Структуры и функции образа мира в практической деятельности. М.: Ф-т психологии МГУ, 2005. С. 214–220.
17. Токарева В. С. Внутренний голос. Рассказы. М.: Азбука, 2022. 208 с.
18. Южакова И. О., Желонкина Ю. Н., Басалаева Н. В. Перфекционизм: признаки и способы преодоления // Инновационная наука. 2017. № 12. С. 192–194.
19. Hewitt P. L., Flett G. L. Perfectionism and depression: A multidimensional analysis // Journal of Social Behavior and Personality. 1990. Vol. 5, No. 5. P. 423–438.

References

1. Bykova I. A., Serkin V. P. Life in a mortgage. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Kemerovo State University. 2015. Vol. 3, No. 3. P. 98–106. (In Russ.)
2. Windecker O. S., Smorkalova T. L., Lebedev S. Yu. Psychological correlates of procrastination and the scenario of postponed life. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* = Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2016. Vol. 150, No. 2. P. 98–108.
3. Garanyan N. G. Perfectionism and mental disorders (review). *Terapiya psikhicheskikh rasstrojstv* = Therapy of mental disorders. 2006. No. 1. P. 31–40. (In Russ.)
4. Gracheva I. I. Adaptation of the “Multidimensional Perfectionism Scale” technique by P. Hewitt and G. Flett. *Psikhologicheskij zhurnal* = Psychological Journal. 2006. Vol. 27, No. 6. P. 73–81. (In Russ.)
5. Druzhinin V. N. Life Options. Essays on Existential Psychology. St. Petersburg: Piter, 2011. 206 p.
6. Zelentsova Yu. V. Typological approach to the study of perfectionism in the works of foreign and domestic psychologists. *Privolzhskij nauchnyj vestnik* = Privolzhsky Scientific Bulletin. 2015. No. 6-2 (46). P. 87–90. (In Russ.)
7. Kipling R. Selected. Leningrad: Fiction, 1980. 539 p. (In Russ.)
8. Kostyleva Yu. A., Serkin V. P. Phenomenology of the scenario and neurosis of deferred life in line managers. *Organizacionnaya psikhologiya* = Organizational Psychology. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 201–227. (In Russ.)
9. Kutjavina E. E. Deferred life syndrome – theoretical interpretation. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2023. No. 5. P. 184–192. (In Russ.)
10. Lapshov A. Yu. The phenomenon of deferred life – as a life scenario of an individual in modern society. *Na perekrestke kontinentov: materialy XXXI Krasheninnikovskikh chtenij* = At the crossroads of continents: materials of the XXXI Krasheninnikov readings. Petropavlovsk-Kamchatsky; 2014. P. 237–243. (In Russ.)
11. Naidenova E. V. Inflated social expectations as a factor in the formation of the deferred life syndrome. *Innovacionnaya nauka: psikhologiya, pedagogika, defektologiya* = Innovative science: psychology, pedagogy, defectology. 2022. Vol. 5, No. 1. P. 40–52. (In Russ.)
12. Panchenkova O. V., Serkin V. P. Singleness of middle-aged women as a factor in scenarios and neuroses of deferred life. *Lichnost' v ehkstremaal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* = Personality in extreme conditions and crisis situations of life. 2017. No. 7. P. 186–193. (In Russ.)
12. Paramanova V. V. Higher aspirations of the individual: perfectionism as a pathological phenomenon. *Problemy razvitiya i bytiya lichnosti* = Problems of development and existence of the individual. 2009. No. 1. P. 64–78.
14. Safina A. S. Brief scenario of deferred life: maternity leave scenario. *Lichnost' v ehkstremaal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* = Personality in extreme conditions and crisis situations of life. 2019. No. 9. P. 80–86. (In Russ.)
15. Serkin V. P. Life scenarios of northerners and their influence on decision-making. *Kolyma* = Kolyma. 1997. No. 4. P. 20–23. (In Russ.)
16. Serkin V. P. Neurosis of deferred life (NDL). *Struktury i funktsii obraza mira v prakticheskoy deyatel'nosti* = Structures and functions of the image of the world in practical activity. Moscow: Faculty of Psychology, Moscow State University, 2005. P. 214–220. (In Russ.)

17. Tokareva V. S. Inner voice. Stories. M.: Azbuka, 2022. 208 p.
18. Yuzhakova I. O. Zhelonkina Yu. N., Basalaeva N. V. Perfectionism: signs and ways to overcome it. *Innovacionnaya nauka* = Innovative science. 2017. No. 12. P. 192–194. (In Russ.)
19. Hewitt P. L., Flett G. L. Perfectionism and depression: A multidimensional analysis // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1990. Vol. 5. No. 5. P. 423–438. (In Eng.)

Поступила 24.04.2025.

Сведения об авторах

Морозова Надежда Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психология развития, практическая и консультативная психология. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9264-9434>.

E-mail: nnm2605@yandex.ru

Веряскина Надежда Андреевна – магистрант направления подготовки 37.04.01 Психология Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). Сфера научных интересов – практическая психология.

E-mail: veriaskina.nadya@yandex.ru

Submitted 24.04.2025.

About the authors

Nadezhda N. Morozova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: developmental psychology, practical and consultative psychology. The author of more than 100 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9264-9434>.

E-mail: nnm2605@yandex.ru

Nadezhda A. Veryaskina – Master’s student 37.04.01 Psychology, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russia). Research interests: practical psychology.

E-mail: veriaskina.nadya@yandex.ru

УДК 615.851

*Н. Е. Кулешова¹, Л. И. Лашмайкина², А. С. Москвина³*¹ Университет «Синергия» (Москва, Россия), e-mail: Lobanova80.80@mail.ru² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru³ Государственный университет просвещения (Москва, Россия), e-mail: anna.moskvina@list.ru

Ценностные ориентации и агрессивность подростков: социально-психологический аспект

Аннотация

Введение. Господствующая обстановка в стране лежит в основе всевозможных отклонений в эмоциональной и волевой сферах личности и затрагивает личностное развитие подрастающего поколения. Значимое отражение происходящего в обществе наблюдается в период отрочества. Именно в этот период ценностные ориентации начинают складываться в сложную устойчивую систему, определяющую становление жизненной позиции ребенка. Современные подростки характеризуются повышенной внушаемостью, что на фоне потери ценностей и идеалов ведет к ломке принципов нормального общения между подростками и всплескам агрессии [4]. Данный факт порождает необходимость более детального рассмотрения проблемы, связанной с построением системы ценностных ориентаций у подростков. Нами поставлены задачи: 1) теоретически обосновать сущность ценностных ориентаций в контексте социализации подростков, а также проблемы агрессивности; 2) выявить ценностные ориентации у подростков; 3) исследовать взаимозависимость ценностных ориентаций и агрессии подростков; 4) обосновать формы работы с подростками с агрессивным поведением.

Гипотеза исследования. Складывающаяся в подростковом возрасте система ценностных ориентаций связана с формой выражения и уровнем агрессии в данном возрасте.

Материалы и методы. Авторы использовали анализ научной литературы, психодиагностические методы (методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, опросник Басса – Дарки), сравнительно-сопоставительный метод, методы количественной и качественной обработки данных.

Обсуждение и заключение. Представлены результаты исследования, связанные со снижением уровня агрессивности у подростков.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, агрессия, социализация.

Для цитирования: Кулешова Н. Е., Лашмайкина Л. И., Москвина А. С. Ценностные ориентации и агрессивность подростков: социально-психологический аспект // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 189–198. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.189-198.

Natalia E. Kuleshova¹, Liudmila I. Lashmaikina², Anna M. Moskvina³

¹Synergy University (Moscow, Russia), e-mail: Lobanova80.80@mail.ru

*²National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru*

³Federal State University of Education (Moscow, Russia), e-mail: anna.moskvina@list.ru

Value Orientations and Aggressiveness of Adolescents: Socio-Psychological Aspect

Abstract

Introduction. The tense, unstable situation that currently exists in our society causes the growth of various deviations in the personal development and behavior of growing people. This process is most acute at the transition from childhood to adulthood in adolescence. In adolescence, value orientations begin to develop into a complex, stable system that determines the development of the child's life position. Modern teenagers are characterized by increased suggestibility, which, against the backdrop of a loss of values and ideals, leads to a breakdown in the principles of normal communication between teenagers and outbreaks of aggression. The need to fill this gap in scientific knowledge determines the relevance of our research. We have set the following tasks: 1) on the basis of a theoretical analysis of scientific literature, will reveal the essence of value orientations in the context of the socialization of adolescents and substantiate the problems of aggressiveness; 2) identify value orientations in adolescents; 3) explore the interdependence of value orientations and aggression of adolescents; 4) outline the main ways and forms of social and psychological work with aggressive teenagers.

Research Hypothesis. The system of value orientations that develops in adolescence is associated with the form of expression and the level of aggression at a given age.

Materials and Methods. Analysis of scientific literature; psychodiagnostic methods (methodology for studying value orientations by M. Rokeach, the Bassa-Darki questionnaire), comparative method, methods of quantitative and qualitative data processing.

Discussion and Conclusion. The results of a study related to a decrease in the level of aggressiveness in adolescents are presented.

Keywords: values, value orientations, aggression, socialization.

For citation: *Kuleshova N. E., Lashmaikina L. I., Moskvina A. M. Value Orientations and Aggressiveness of Adolescents: Socio-Psychological Aspect. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 189–198. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.189-198.*

Введение

Агрессивное поведение лиц подросткового общества на современном этапе не оставляет равнодушными научных исследователей, практикующих педагогов, работников социальной сферы. Продолжаются попытки интерпретации различных форм агрессивного поведения у подрастающего поколения, как на уровне бытового восприятия, как и в трудах мировых исследователей, что в итоге порождает множество противоречивых взглядов на предмет агрессии, причины агрессивного

поведения отроков, тем самым затрудняя поиск оптимальных форм взаимодействия с агрессивными подростками [2; 4; 6]. Авторами базовых трудов в области подростковой агрессии являются такие ученые, как А. Бандура, Л. Берковец, Е. В. Руденский, Л. М. Семенюк, Л. А. Обухова. Особо следует отметить труды М. А. Алемаскина, С. А. Беличева, Г. М. Миньковского, И. А. Невского на тему делинквентного поведения отроков. Среди западных ученых, работающих в этой области, наиболее известны М. Кле, К. Бютнер, А. Валлон.

Вопросам ценностных ориентаций посвящены труды Н. А. Волкова, В. Ю. Ермоленко, Б. Р. Круглова, В. Я. Ядова, Ю. М. Жукова, Ш. А. Надирашвили, В. Г. Асеева, И. В. Дубровиной.

Детализируя работу практического психолога с подростками, склонными к агрессивному поведению, и отроками, проявляющими агрессию, отметим, что она делится на три направления. Первое направление связано с диагностикой, основной целью которой будет выявление типа нарушения в рамках агрессивного поведения и причин, ее провоцирующих. Второе направление включает в себя непосредственно работу с агрессивными отроками и отроками, склонными к агрессивному поведению. В рамках этого направления предлагаются различные формы работы: профилактические и просветительские мероприятия, тренинги, направленные на взаимодействие непосредственно с детьми подросткового возраста и с семьями, их воспитывающими. Третье направление сводится только к профилактическим мероприятиям в рамках рассматриваемой проблемы [1; 7; 9; 10].

Материалы и методы

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи ценностных ориентаций и агрессивности у подростков. В нашем экспериментальном исследовании принимали участие 43 подростка 9-х классов средней общеобразовательной школы г. Инсара Республики Мордовия. Учащиеся участвовали в эксперименте во время учебных занятий. Эксперимент состоял из следующих этапов: констатирующего, формирующего и контрольного.

С учетом специфики поставленных нами задач в процессе работы мы применяли следующие методы психологического исследования: методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, опросник Басса – Дарки, сравнительно-сопоставительный метод, методы количественной и качественной обработки данных.

Содержание стимульного материала, согласно методике М. Рокича, было представлено двумя списками ценностей: терминальные (цели, которые отроки возводят в разряд целей и смысла жизни) и инструментальные (средства, которые планируется использовать для достижения цели) с подробным их описанием. Предлагаемые отрокам списки терминальных ценностей отбирались путем анализа интервью данных литературных источников, а инструментальные ценности отбирались путем лингвистического вычленения причинно-следственных связей [3; 7; 8].

Используемая психологами методика диагностики ценностных ориентаций существует в различных формах [5]. мая простая форма использования данной методики требует от испытуемых поставить ранговое число в диапазоне от 1 до 18 в порядке значимости сначала в бланке терминальных ценностей, а затем в бланке с перечнем инструментальных ценностей. Обязательное условие – наличие отдельных бланков для каждого вида ценностей. На диагностический этап в рамках данной методики отводится от 10 до 20 мин. Сразу подчеркнем, что в отечественной психологии в диагностических целях используется адаптивный вариант, предложенный А. Гоштаутасом, А. А. Семеновым и В. Я. Ядовой, который, помимо перевода ценностей, предложенных А. Рокичем, содержит в себе ценности, обусловленные культурной спецификой нашей страны.

Для исследования агрессии у подростков нами применялся опросник Басса – Дарки. Указанный опросник позволяет определить доминирующие формы проявления агрессивного поведения у детей подросткового возраста, их количественную и качественную характеристику на уровне поведения отрока. Значимый плюс опросника отмечается в возможности выявления содержательного аспекта мотивационной сферы

отрока, от которого зависит выбор модели поведения ребенка в различных ситуациях, в тесной взаимообусловленности с целями, господствующими в данный момент.

Результаты исследования

Вначале были выявлены доминирующие ценности у отроков с применением методики М. Рокича. Задача испытуемых состояла в выборе ценностей в порядке личностной значимости для подростка. Время не ограничивалось.

Среди терминальных ценностей на доминирующих позициях для мальчиков-подростков зафиксированы здоровье как состояние, когда не беспокоит физическая боль – 35 %; любовь как эмоциональная и физическая близость с противоположным полом – 31 %. Основное мотивационное ядро поведенческого содержания определяет материально обеспеченная жизнь как проявление материальной независимости от родителей – 19 %; интересная работа, не требующая затраты времени и сил на ее осуществление, но приносящая большие деньги – 17 %; активная деятельная жизнь, полная разнообразием различных эмоций – 17 %; уверенность в себе, сопряженная с принятием среди сверстников и свободой от сомнений, возникающих в глубине души – 16 %. Не последнюю роль отроки отводят жизненной мудрости как умению постоять за себя и наличию надежных друзей, которые тебя не предадут – 15 %. Менее значимы для юношей развитие – 13 %; продуктивная жизнь – 12,9 %; познания – 12,6 %; развлечения – 12,1 %. Незначительные показатели прослеживаются на уровне общественного признания как проявления уважения – 11 %; счастья других как чувства удовлетворенности за них – 11 %; творчества, сопряженного с креативностью – 10 %. Самый низкий процент отмечается в рамках ценности красоты природы и искусства как умения любоваться объектами природы и искусства – 9 %.

У девочек подросткового возраста доминирующие позиции занимают здоровье как состояние, когда не беспокоит физическая боль – 60 % и любовь как эмоциональная и физическая близость с противоположным полом – 42 %. Чуть менее значимыми выступают уверенность в себе, сопряженная с принятием среди сверстников и свободой от сомнений, возникающих в глубине души – 18 %; наличие хороших и верных друзей, с которыми можно поделиться секретами и быть уверенными, что о них никому не станет известно – 18 %; счастливая семейная жизнь, сопряженная с материальным достатком – 17 %; материально обеспеченная жизнь как возможность купить что душе угодно – 16 %; твердая воля – 16 %; независимость – 21,5 %. Середину иерархической структуры ценностных ориентаций у девушек занимают активная жизнь – 14,5 %; свобода – 14 %; общественное признание как восторжение их персоной – 13 %; развитие как постоянное совершенствование физических данных – 13,05 %; познание как расширение знаний о мире – 12 %; жизненная мудрость – 12,2 %; интересная работа – 12 %; продуктивная жизнь – 11 %; красота природы и искусства – 9,8 %; творчество – 9,5 %. Самые последние позиции в системе ценностей у девушек-подростков отводятся развлечениям как времяпровождению за компьютерными играми – 6 %; счастью других как умению радоваться за другого – 5 %.

В иерархии инструментальных ценностей отмечается следующее. У мальчиков подросткового возраста доминирующую позицию занимают воспитанность как средство привлечение внимания к своей персоне – 26 %; ответственность (чувство долга, умение держать слово) – 24,3 %. Высокие оценки даются также независимости – 21,5 %; образованности – 21,5 %; аккуратности (чистоплотности) – 19,1 %.

Средняя позиция сохраняется за следующими ценностями инструментального

содержания: жизнерадостностью как способностью испытать «драйв» – 18 %; самоконтролем как возможностью вовремя остановиться – 18 %; твердой волей как проявлением умения преодолевать трудности – 17 %. Как менее значимые в общей структуре инструментальных ценностей подростки мужского пола выделяют смелость как способность защитить себя – 16 %; исполнительность как умение правильно выполнить просимое – 15 %; непримиримость к недостаткам других как несоответствие подростковым стандартам – 14 %; рационализм как способность выстраивать причинно-следственные связи – 14 %; терпимость как способность терпеть боль – 14 %; эффективность в делах как умение завершить начатую работу – 13,9 %. Самую последнюю ступень в иерархии ценностных ориентаций у современных подростков занимают чуткость как умение эмпатировать – 7 %; заботливость как умение быть рядом в нужный момент – 7 %; высокие запросы на уровне оценки физических данных – 7 %. Такая ценность, как широта взглядов, сопряженная с развитым кругозором, никак не была оценена юношами.

В отличие от юношей, у девушек являются доминирующими такие ценности, как образованность – 29,7 %; аккуратность – 28,8 %; воспитанность – 28,2 %. Далее, в качестве главных целей жизни у девушек определены независимость – 21,5 %; смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов – 16,8 %; честность – 16 %; самоконтроль – 14 %; твердая воля – 13,7 %; чуткость – 13,2 %; ответственность – 13 %; терпимость – 13 %; жизнерадостность – 13 %. Незначимыми ценностями для подростков женского пола оказались эффективность в делах как умение достичь качественного результата в деятельности (11,9 %); исполнительность как черта характера (11 %). Последнюю ступень заняли непримиримость к недостаткам других

и своим – 6 %; высокие запросы принятия себя – 5,9 %.

Обобщив вышесказанное, отметим, что в подростковой среде господствуют такие ценности, как здоровье, любовь, материальная независимость, воспитанность, ответственность, независимость, уверенность в себе, аккуратность, но наполняются ими новым, отличным от сенсорных эталонов содержанием, что находит свое отражение в подведении современного подростка.

Особо подчеркнем, что ориентация на любовь, здоровье, материальную независимость, уверенность в себе составляет основное ядро ценностей инструментального и терминального содержания и, следовательно, отражает стремление подростков.

Цель второго этапа нашего исследования состояла в диагностике состояния агрессии у подростков. Для реализации данной цели мы использовали опросник Басса – Дарки. В эксперименте приняли участие те же испытуемые, которые были протестированы по методике ценностных ориентаций М. Рокича. Опросник Басса – Дарки выявил следующие показатели.

Физическая форма проявления агрессивного поведения у девочек-подростков выше на 14 %. Форма вербальной агрессии проявляется у подростков мужского пола незначительно – 32 %, тогда как у девочек-подростков – 72 %. Негативизм также сильнее у девочек – 60 %. По остальным формам агрессивности девочки ненамного опережают юношей. Исключением являются данные по шкалам «обида» и «косвенная агрессия». Здесь юноши ненамного опережают девушек (5 % и 4 % соответственно). Интересен и тот факт, что по формам агрессивности «раздражение» и «угрызения совести» среди подростков-мальчиков не было выявлено ни одного случая. У девочек по этим шкалам 32 % и 8 % соответственно.

Приведенные результаты исследования позволяют констатировать факт преобла-

дания «женской» агрессии, что свидетельствует о факте смены гендерных ролей, и акцентируют внимание психологов, ученых и практических педагогов на детальном изучении причин агрессии у девочек-подростков и форм ее поведенческого проявления.

На третьем этапе, применяя сравнительно-сопоставительный метод, мы выявили взаимосвязь ценностных ориентаций и агрессивных форм поведения у отроков, определили содержательный поведенческий аспект и пришли к следующим выводам:

1. У девушек и юношей 14–15 лет преобладают физическая и вербальная формы агрессии. Причем у девочек процентный показатель по этим видам проявления агрессивного поведения намного выше, чем у мальчиков (так, показатель уровня физической агрессии у девочек превышает эти значения по сравнению с юношами на 14 %, а вербальной агрессии – на 40,5 %). Наличие такой неспецифической для них формы проявления агрессивного поведения, как использование физической силы против другого лица, можно объяснить, по нашему мнению, несколькими причинами:

во-первых, в условиях ориентации общества на рыночную экономику и диктатуры материально-экономических ценностей происходит перестройка и ценностных ориентаций молодежи;

во-вторых, изменение гендерных стереотипов в обществе повлекло за собой перестройку традиционных представлений о женском поведении и роли женщины в обществ. Это нашло свое выражение в том, что на первый план у девочек выходят традиционно мужские ценности: образование, независимость, наличие широкого круга друзей и общения в целом, уверенность в себе, материальная обеспеченность. Объяснимо, что для достижения вышеназванных ценностей девушки используют агрессивные формы поведения, причем в гораздо большей степени, чем юноши;

в-третьих, современные средства массовой информации создают образ независимой, агрессивной, самостоятельной, умной, сексуальной, жесткой женщины. Установка на этот образ повышает, по нашему мнению, уровень агрессии современных девушек и в форме чисто мужского ее проявления, и в ее традиционно «женском» варианте – вербальной форме, о чем свидетельствуют проанализированные нами результаты эмпирического исследования.

Анализ поведенческих форм проявления агрессивных форм поведения позволяет нам выделить наиболее часто проявляемые агрессивные действия. Среди них предпочтение отдается применению силы в адрес другого человека, оскорблениям, проклятиям, нецензурной брани, ультимативным угрозам, повышению голоса, переходящему в визг. В основе указанных форм агрессивного поведения лежат такие ценности, как независимость, образованность, уверенность в себе. В иерархии ценностных ориентаций эти ценности занимают доминирующее положение и влияют на указанные выше формы поведения. В подростковом возрасте у девочек доминирует физическая агрессия, которая, согласно существующим в обществе традиционным моральным и нравственным эталонам «женского образа», вообще им не свойственна.

2. Второе место у детей 14–15 лет занимают негативизм и подозрительность. Среди ценностей на второй позиции стоят активная жизнь (у девушек – 14,5 %; у юношей – 16,2 %); твердая воля (у девушек – 16 %; у юношей – 17 %); свобода (у девушек – 14,1 %), самоконтроль (у девушек – 14 %; у юношей – 18,1 %). Такие формы поведения, как оппозиционная манера, обычно направленная против авторитета, подвержение сомнению действий окружающих с четкой аргументацией, что окружающие люди настроены принести вред, преобладают у подростков неслучайно.

Они диктуются реализацией центрального новообразования «чувством взрослости» и «перекликаются» с такими ценностями, как интересная работа, сопряженная с минимальными действиями со стороны подростка и приносящая материальный достаток; уверенность в себе как независимость от мнения окружающих; жизненная мудрость как уверенность в своей правоте; жизнерадостность как умение испытать драйв; честность как способность говорить правду, не боясь наказания; материальная независимость; твердая воля; свобода.

3. Раздражение и чувство вины занимают третью позицию, причем эти формы агрессивного поведения у юношей вообще не отмечаются. В иерархии ценностных ориентаций на третьей ступени у девушек стоят такие ценности, как общественное признание – 13,2 %; чуткость – 13,2 %; развитие – 13,1 %; познание – 12,2 %; жизненная мудрость – 14 %; ответственность – 13 %; терпимость – 13 %; смелость в отстаивании своего мнения – 12,8 %. У юношей: наличие хороших и верных друзей – 14,5 %; развитие – 13 %; свобода – 13 %; продуктивная жизнь – 12,9 %; твердая воля – 17 %; смелость в отстаивании своего мнения – 16,2 %; исполнительность – 14,2 %; непримиримость к недостаткам в себе и других – 14,1 %.

Чувство вины и готовность к проявлению при малейшем возбуждении вспыльчивости, резкости, грубости, объясняется в рассматриваемый возрастной период неустойчивостью эмоциональной сферы, зависящей от гормональной перестройки. Особо подчеркнем, что период отрочества является доминирующим в развитии регуляции своего поведения через эмоции и чувства. Внутренние состояния, связанные с переживанием и оценкой происходящего, становятся осознаннее, наделяются устойчивостью и вплетаются в различные виды чувств. Мироззрение отрока рас-

ширяется, наполняется новым содержанием, поэтому круг значимости социальной действительности увеличивается и многое происходящее вокруг становится безразличным ребенку подросткового возраста. Это, в свою очередь, расширяет спектр эмоциональных состояний, которые могут провоцировать агрессивные формы поведения.

Кроме того, происходящие изменения на уровне интеллектуальной сферы приводят к тому, что эмоции начинают вплетаться в духовную жизнь отрока. Недостаточность жизненной мудрости, гормональный всплеск ослабляют волевой контроль поведения, и подросток становится зависим от своего настроения. Детям подросткового возраста часто присущи возбудимость при малейших изменениях в ситуации, быстрая негативная реакция на оценку в их адрес, чрезмерная уверенность в своей правоте, неприятие чужого мнения. Ощущение ненужности значимому взрослому актуализирует сентиментальность, неприятие себя, стеснительность, которые в поведенческом аспекте проявляются чрезмерной развязанностью, вульгарными формами поведения, демонстративным пренебрежением принятых норм поведения, бродяжничеством и, как следствие, доминированием различных форм агрессивного поведения, причем чаще у девочек-подростков. Выделенные выше особенности эмоциональной сферы порождают такие формы агрессивного поведения, как раздражение и чувство вины. Интересно, что указанные особенности эмоционально-волевой сферы вызывают эти формы агрессивного поведения только у девушек; у юношей раздражения и чувство вины вообще не отмечаются. Отметим, что эти формы поведения у девочек-подростков взаимосвязаны с такими ценностными ориентациями, как признание в обществе, чуткость, развитие в плане физических изменений, мудрость, смелость взглядов,

терпимость по отношению к себе, но не к другим.

4. Четвертая ступень в иерархии ценностных ориентаций в подростковой среде отводится среди терминальных ценностей у юношей познанию – 12,6 %; развлечениям – 12,1 %; общественному признанию – 10,7 %. У девушек – интересной работе – 12 %; продуктивной жизни – 11 %; красоте природы и искусства – 9,8 %. Среди инструментальных ценностей у юношей наблюдаются рационализм – 14,2 %; терпимость – 14 %; эффективность в делах – 14 %. Девушки отдают предпочтение эффективности в делах – 12 %; широте взглядов – 11,3 %; исполнительности – 0,8 %. Эти ценности взаимосвязаны с косвенной агрессией (у юношей – 5 %; у девушек – 4 %) и обидой (у юношей – 5 %; у девушек – 4 %).

Зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия выливаются в косвенные формы агрессивного поведения и направляется либо в адрес более слабого, либо на самого себя. Указанная форма агрессивного поведения имеет самую низкую степень выраженности в подростковом возрасте.

5. Такие инструментальные ценности, как чуткость (71 %); высокие запросы (у юношей – 6,9 %; у девушек – 5,7 %); широта взглядов (у юношей – 10 %); рационализм (у девушек – 10 %); непримиримость к недостаткам в себе и других (у девушек – 6 %), и такие терминальные ценности, как счастье других (у юношей – 10,6 %, у девушек – 5,6 %); творчество (у юношей – 10,4 %, у девушек – 9,5 %); красота природы и искусства (у юношей – 9 %); развлечения (у девушек – 6 %), потеряли актуальность для современного подростка. В системе ценностных ориентаций они занимают последние места (с 16-го по 18-е).

Выводы:

1. На доминирующих позициях среди ценностей терминального содержания у

подростков фиксируются любовь как эмоциональная и физическая близость с противоположным полом; здоровье как ощущение физического комфорта в теле; материальная независимость от близких взрослых. Среди ценностей инструментального содержания лидирующее места занимают воспитанность как сочетание личностных черт, влияющих на принятие, и аккуратность, отражающуюся на внешнем виде.

2. Главенствующие ценности, влияющие на поведение отрока, – это ценности, связанные с чувством взрослости и возможностью его реализации среди значимых взрослых.

3. У подростков 14–15 лет преобладает физическая агрессивность. Менее всего выражена агрессивность косвенная, а также обида и угрызания совести.

4. Итоговые результаты доказывают, что у девочек-подростков уровень физической агрессии выше, чем у сверстников мужского пола. Негативизм также сильнее у девочек – 60 %. По остальным формам агрессивности девочки незначительно опережают юношей. Исключение – шкалы «обида» и «косвенная агрессия». Здесь юноши несколько опережают девушек – 15 % и 4 %. По таким формам агрессивности, как «раздражение» и «угрызания совести», среди подростков-мальчиков не было выявлено ни одного случая.

5. Физическая и вербальная агрессия взаимосвязаны с такими ценностями, как образованность, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, независимость.

6. Активная деятельная жизнь, твердая воля, свобода, самоконтроль как у девушек, так и у юношей в подростковом возрасте переключаются с негативизмом и подозрительностью.

7. Раздражение и чувство вины взаимосвязаны с такими ценностными ориентациями, как общественное признание,

чуткость, развитие, познание, жизненная мудрость, терпимость, смелость в отстаивании своего мнения, продуктивная жизнь, ответственность. Причем у юношей такие формы поведения вообще не отмечаются.

8. Косвенная агрессия и обида частично порождаются у девушек эффективностью в делах, широтой взглядов, исполнительностью, интересной работой, продуктивной жизнью; у юношей – развлечениями, обще-

ственным признанием, рационализмом, эффективностью в делах.

9. Такие инструментальные ценности, как чуткость, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других; терминальные ценности: счастье других, творчество, красота природы и искусство – не являются доминирующими в системе ценностных ориентаций подростков и соответственно занимают последние места.

Список источников

1. Васильева И. В. Психодиагностика. М.: ФЛИНТА, 2019. 252 с.
2. Далакова М. М. Интеллектуальное развитие ребенка: теория Пиаже // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Грозный, 2019. С. 133–137.
3. Колосков И. А. Современные подходы к теории лидерства // Вестник РМАТ. 2015. № 3. С. 51–57.
4. Лучникова А. А. К вопросу об уточнении понятий «интеллект», «потенциальный интеллект», «интеллектуальные способности» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 3.
5. Мартенс О. К. Сущность и природа лидерства // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2018. № 1. С. 76–84.
6. Пономарев А. В. Лидерство в молодежной среде. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. 218 с.
7. Сергеева В. Б., Токарева А. А. Лидерство в менеджменте // Вестник НГИЭИ. 2012. № 9. С. 81–102.
8. Федоров Ю. В. Эволюция требований к руководителю в контексте развития теорий лидерства // Инновации и инвестиции. 2014. № 3. С. 102–106.
9. Харьковская Д. Ю., Сафаргалина Э. И. Основы теории когнитивного развития Пиаже // Colloquium-journal. 2019. № 26-2. С. 49–52.
10. Юматова И. И. Психодиагностика. Ростов н/Д: Феникс, 2017. 254 с.

References

1. Vasilieva I. V. Psychodiagnostics. Moscow, 2019, 252 p. (In Russ.)
2. Dalakova M. M. Intellectual development of the child: Piaget's theory. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki: vzgliad molodykh uchenykh: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Actual problems of modern science: the view of young scientists: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Grozny, 2019. P. 133–137. (In Russ.)
3. Koloskov I. A. Modern approaches to leadership theory. *Vestnik RMAT* = Bulletin of the RIAT. 2015; 2: 16–28. (In Russ.)
4. Luchnikova A. A. On the issue of clarifying the concepts of “Intelligence”, “Potential intelligence”, “Intellectual abilities”. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, iazyk* = Crede Experto: transport, society, education, language. 2015. (In Russ.)
5. Martens O. K. Essence and nature of leadership. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskiye nauki* = Bulletin of the MGOU. Series: Philosophy. 2018; 2: 34–44. (In Russ.)
6. Ponomarev A. V. Youth leadership. Moscow, 1995, 168 p. (In Russ.)
7. Sergeeva V. B., Tokareva A. A. Leadership in management. *Vestnik NGLAI* = Bulletin of the NGLAI. 2012; 1: 101–109. (In Russ.)
8. Fedorov Y. V. Evolution of requirements for a leader in the context of the development of leadership theories. *Innovatsii i investitsii* = Innovations and investments. 2014; 3: 17–22. (In Russ.)

9. *Kharkova D. Yu., Safargalina E. I.* Bases of the theory of cognitive development of Piaget. Colloquium-journal. 2019; 26-2: 49–52. (In Russ.)
10. *Yumatova I. I.* Psychodiagnostics. Rostov on Don, 2017, 254 p. (In Russ.)

Поступила 11.12.2024.

Сведения об авторах

Кулешова Наталья Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва, Россия). Сфера научных интересов: психология конфликта, специальная психология. Автор более 30 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1260-5237>.

E-mail: Lobanova80.80@mail.ru

Лашмайкина Людмила Ивановна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Сфера научных интересов – педагогическая психология. Автор более 25 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0848-3871>.

E-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru

Москвина Анна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры начального образования Государственного университета просвещения (Москва, Россия). Автор более 100 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4388-4291>.

E-mail: anna.moskvina@list.ru

Submitted 11.12.2024.

About the authors

Natalia E. Kuleshova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of Psychology, Synergy University (Moscow, Russia). Research interests: psychology of conflict, special psychology. The author has more than 30 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1260-5237>.

E-mail: Lobanova80.80@mail.ru

Liudmila I. Lashmaikina – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: pedagogical psychology. Author more than 25 science and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0848-3871>.

E-mail: L.Lashmaikina@yandex.ru

Anna S. Moskvina – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Primary Education, State University of Education (Moscow, Russia). The author of more than 100 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4388-4291>.

E-mail: anna.moskvina@list.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском языке:

5.3. Психология: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.6. Исторические науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки); 5.7. Философия: 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки); 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

– УДК;

– инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;

– заголовок статьи;

– аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы;

– ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, они должны отражать специфику темы);

– структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования; Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора); Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки); Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии; Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

Текст статьи в объеме 10–15 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

– благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

– список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

– аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителе.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлекцией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлекция оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. The editorial office takes for publication materials in Russian language on the theme of the basic rubrics:

5.3. Psychology: 5.3.1. General psychology, psychology of personality, history of psychology (Psychological sciences); 5.6. Historical sciences: 5.6.1. Russian history (Historical sciences); 5.6.2. General history (Historical sciences); 5.7. Philosophy: 5.7.7. Social and political philosophy (Philosophical sciences); 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (Philosophical sciences)

Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article (150–200 words), it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and key findings.
- Key words (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion): Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study; Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection); Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings); Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments; Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them.

Text of an article is of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.

– the bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5-2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets.

– affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (available in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.